

809

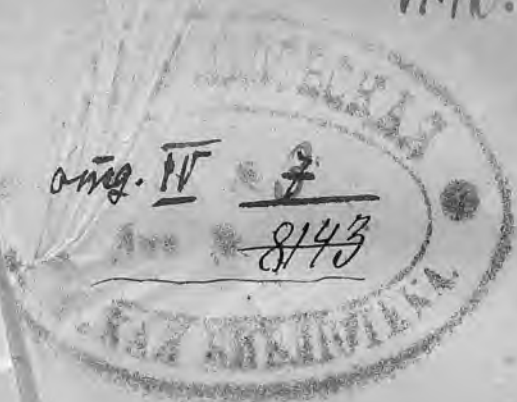
A-16

5418

212⁸⁰/_v 2127_{||v}

809

80
A.16.

omg. IV 7
8143

ХУДОЖНИКИ И МЫСЛИТЕЛИ.

к. 1-25

МОСКВА.

Типографія „РЕКОРДЪ“, Арбатъ, Б. Афанасьевскій 32.
1910.

809
А-16

Н. Я. АБРАМОВИЧЪ.

ХУДОЖНИКИ и МЫСЛИТЕЛИ

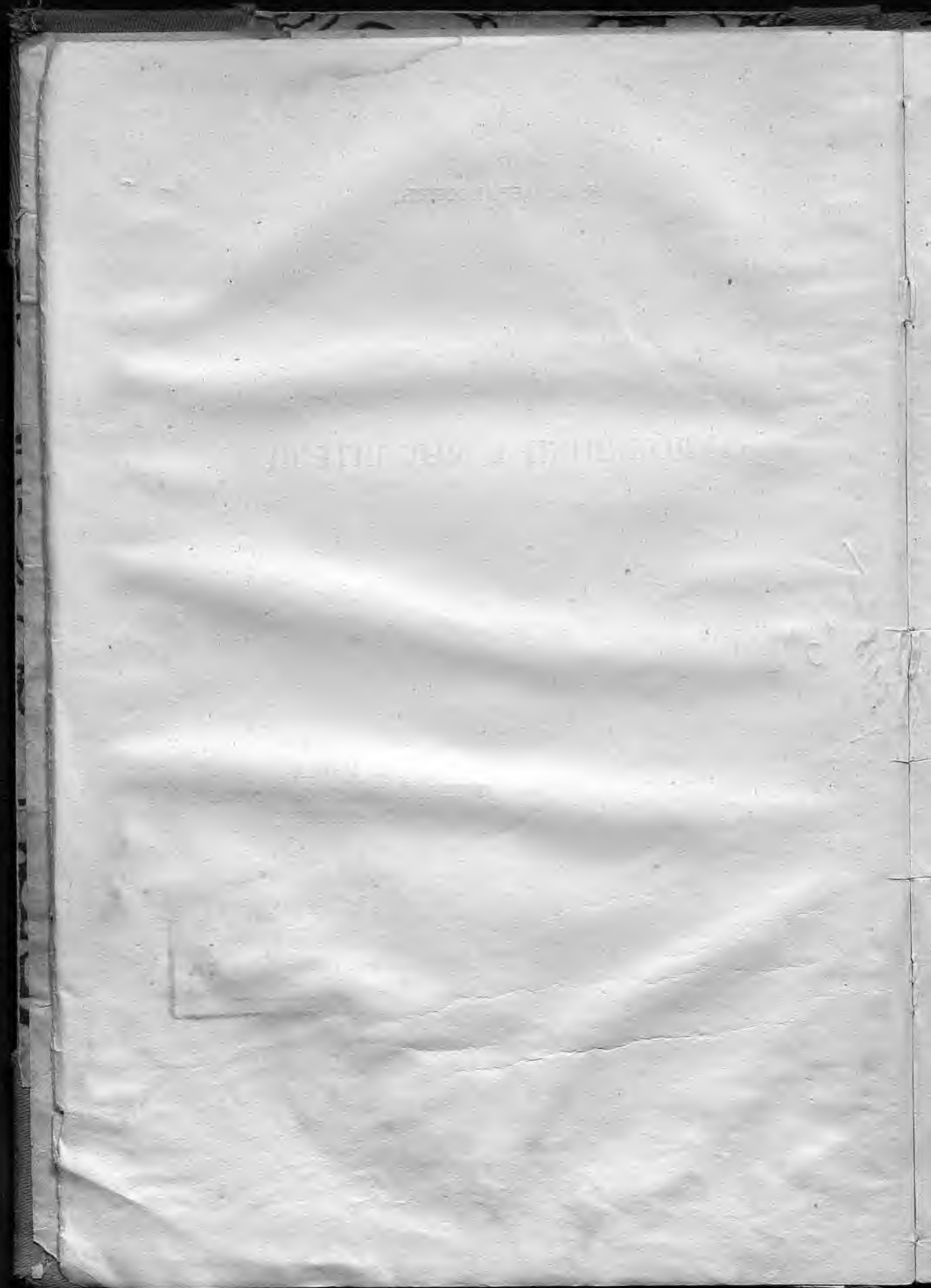
809
А-16
Х

II КНИГА
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХЪ
ОЧЕРКОВЪ.

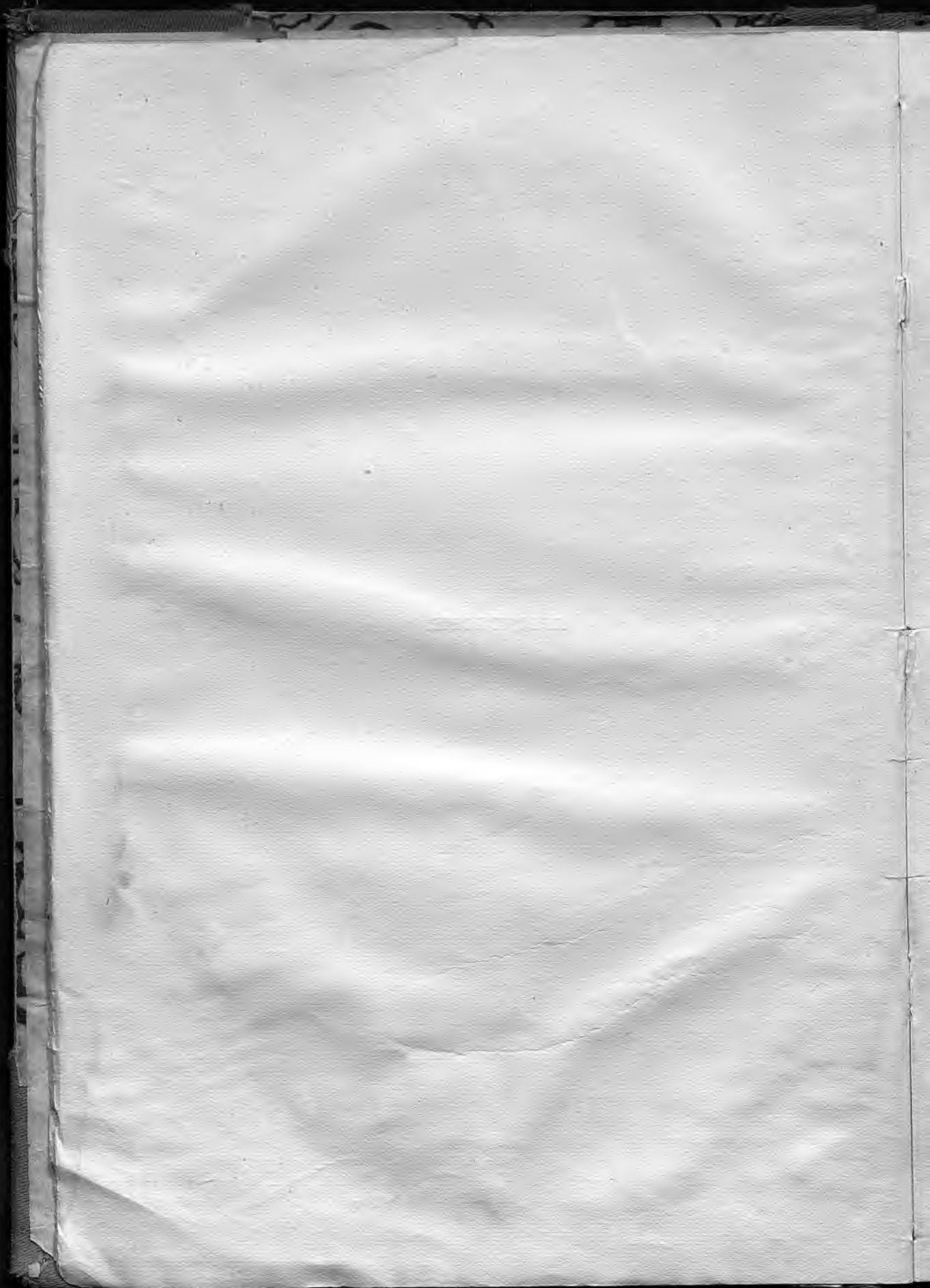
КАМЫШЛОВСКАЯ
РАЙОННАЯ
БИБЛИОТЕКА

№ _____

Изд. «ЗАРЯ».
МОСКВА.—1911.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новая книга должна войти въ жизнь такъ, какъ входитъ въ нее самъ человѣкъ: принося съ собой тайну индивидуальнаго жизненноощущенія и сознанія. Чтобы каждая новая книга была—какъ каждое новое человѣческое „Я“.

Произведенія чистаго самодовлѣющаго творчества, въ силу вдохновенности и произвольности ихъ созданія, являются высшей полезностью и неизбѣжно обязываются къ служебной жизненной роли. Нѣтъ истинной красоты, которая не служила бы дѣлу освобожденія и осуществленія въ мѣръ истины. Человѣкъ созданъ такъ, что не можетъ воспринять ни одного впечатлѣнія музыки и красоты, не перестраивая и не обогащая своей души. Въ мировое творчество положенъ принципъ высшаго осуществленія, и согласно съ этимъ принципомъ Универсальнаго Художника работаетъ и художникъ-человѣкъ. Въ трудахъ своихъ они оба движутся въ одномъ и томъ же направленіи, въ одномъ и томъ же великомъ принципѣ.

Въ такомъ смыслѣ полезностью является книга живого творчества. Она можетъ быть положена въ ряду другихъ, какъ цѣнный камень, въ основу храма, воздвигаемаго въ цѣляхъ вѣчнаго Строителя. Если же камень негоденъ: выветривается, разсыпается и блеститъ фальшивыми красками,—онъ выбрасывается въ уничтоженіе. Камни, кладущіеся въ основу храма, обладаютъ качествомъ несокрушимости, вѣреупорности.

Отличительный признакъ истиннаго творчества—его вдохновенность, его ирраціональность: человѣкъ не надъ нимъ властенъ, а ему подвластенъ; не онъ владѣетъ его силой, а она имъ владѣетъ. Въ творческую работу положенъ принципъ не индивидуальнаго самовластія, а одержимости силой сверх-индивидуальной. Признано, что вдохновенное творчество—безсознательно. Тайственная жизнь тѣхъ минутъ и часовъ, когда сознаніемъ художника владѣло ясновиднѣе творческое, не можетъ быть раскрыта въ своемъ содержаніи, въ своей сущности, а между тѣмъ ею-то опре-

дѣляются и высочайшія страницы художника и его истинное „Я“. Вокругъ этого—невѣдомое, тайна.

Этой тайной создается разобщеніе между художникомъ и людьми; въ силу этой одержимости, этой вдохновенности, этого внутренняго подвластія—истинный художникъ замкнутъ въ глубинѣ своей творящей души. Его „я“ характеризуется необходимой оторванностью отъ всѣхъ и полной сосредоточенностью на себѣ самомъ; это необходимое условіе его творчества: — чтобы творить, поэтъ долженъ пребывать внутри себя.

Между жизнью и замкнутой въ себя душой художника становится критикъ. Лично творческое онъ дѣлаетъ общимъ. Съ нами, данными ему художникомъ, онъ засѣваетъ ниву жизни. Историческіе факты подтверждаютъ то на первый взглядъ изумительное обстоятельство, что пребываніе въ міръ работы художника еще недостаточно для использованія этой работы міромъ: — сокровищница Шекспира лежала столѣтія почти не тронутая, и нужны были страницы Гете, Гердера, Шлегеля, Альфр. де-Виньи, Ж. Зандъ, Филарета Шаля, чтобы ввести въ міръ новый потокъ мощнаго творческаго вліянія, преобразившаго театръ всего міра. Нужно было Бодлеру открыть Эдгара По, чтобы красота его страницъ стала дѣйственной въ міръ. У насъ Достоевскій въ теченіе тридцати—сорока лѣтъ былъ не оцѣненъ въ наивысшихъ проявленіяхъ своего генія. Мы до сихъ поръ не знаемъ въ истинномъ блескѣ и величій Пушкина и Лермонтова. Сокровища накапливаются художниками, но надо проводить насъ къ ихъ залежамъ, мы сами дороги не знаемъ. Намъ нуженъ для этого восторгъ Бѣлинскаго, глубокое постиженіе Аполлона Григорьева, чудесныя вспышки проникновенія Розанова и Мережковскаго. Люди такого служенія расширяютъ въ міръ владычество геніевъ.

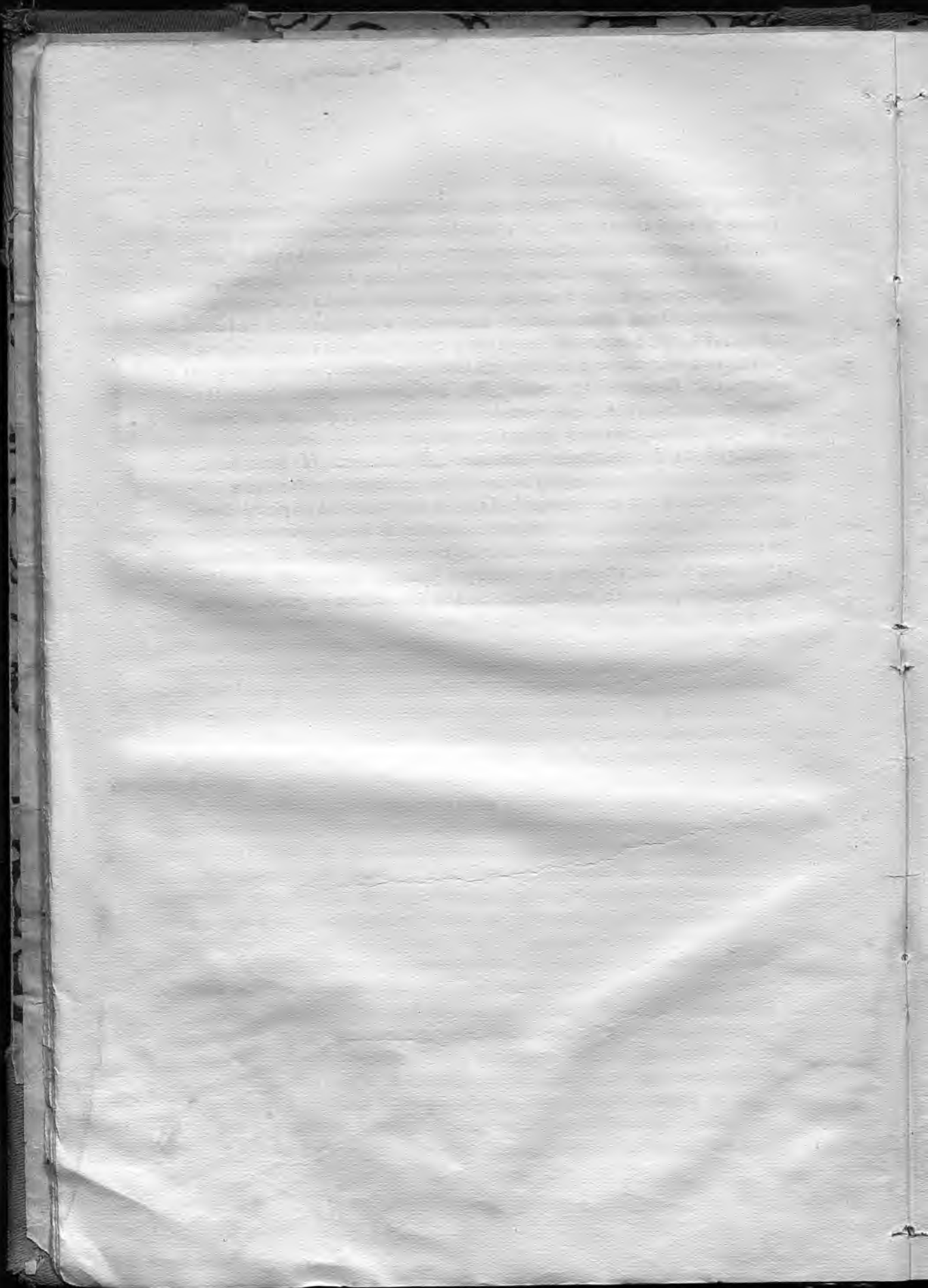
Художникъ творитъ не для чего-либо, иначе онъ не былъ бы художникомъ. Онъ до конца поглощенъ самымъ актомъ творчества; онъ—только въ творествѣ; онъ—орудіе созданія, выполненія, воплощенія.

Дѣло художественной критики—освободить отъ незримыхъ печатей этотъ запечатлѣнный садъ поэтическаго вдохновенія, замысловъ и образовъ. Плоды и источники этого сада она дѣлаетъ достояніемъ міра. Красота въ себѣ становится красотой для міра—въ цѣляхъ того общаго строительства во имя Едино-Истиннаго, въ чемъ живутъ и и чезнутъ и художникъ, и критикъ.

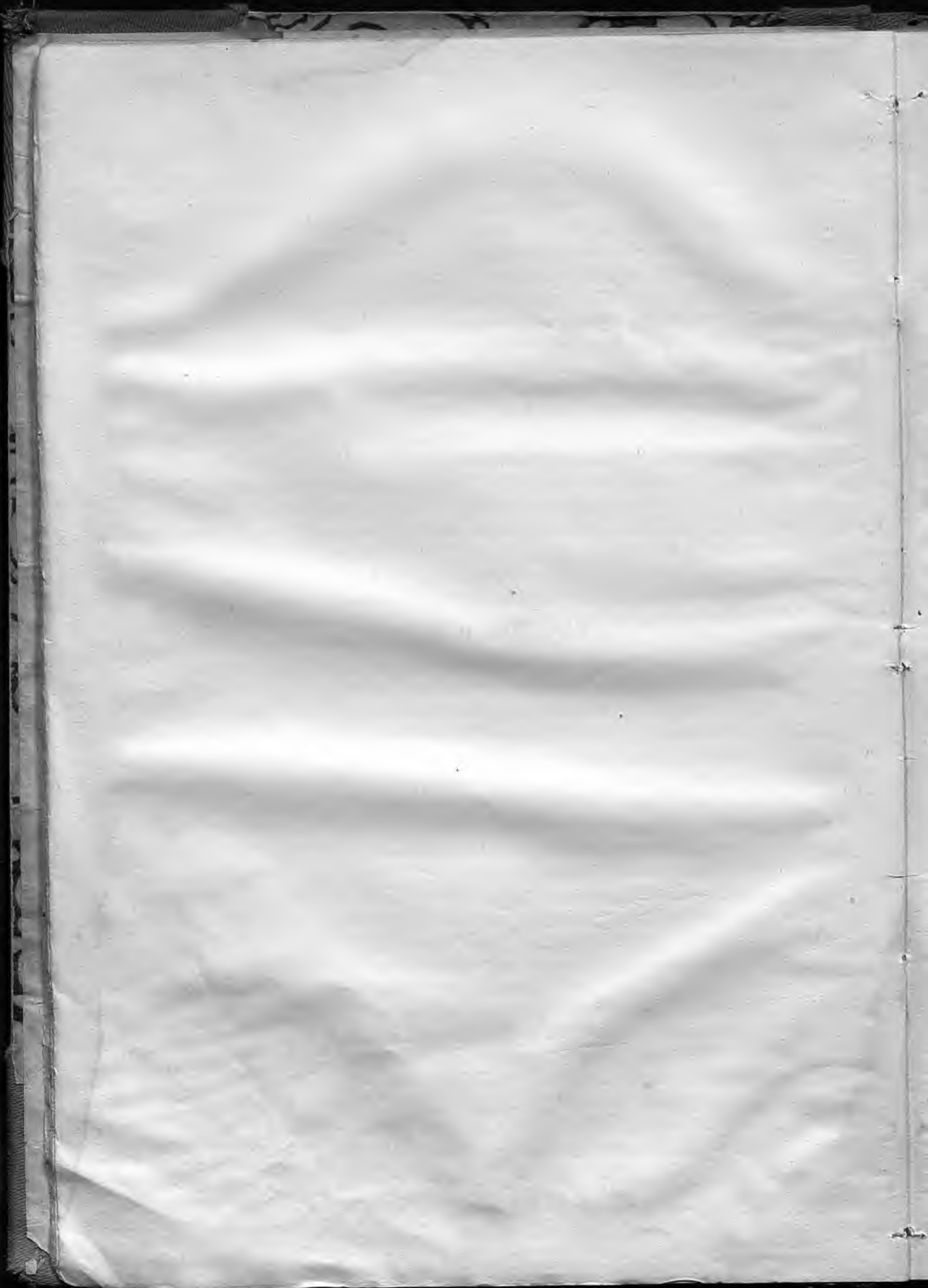
Но есть еще одна совершенно самостоятельная задача въ дѣлѣ художественнаго критика: если художникъ имѣетъ дѣло съ жизнью вообще, то критикъ—съ драгоценнымъ частнымъ явленіемъ.

ніемъ жизни: съ личностью самого художника, съ „Я“ художника. Критикъ выявляетъ это „Я“, воспроизводитъ своеобразный и неоцѣнимый внутренній обликъ художника. Эта творческая работа, это собираніе цѣнностей во имя того же строительства.

Художникъ не можетъ ни въ одномъ изъ своихъ вдохновеннѣйшихъ произведеній дать высшую цѣнность и совершенную полноту своего „Я“, не можетъ въ силу того закона, по которому каждый художникъ является для себя только субъектомъ, но никакъ не объектомъ. Выявленіемъ этого „Я“, собираніемъ отдѣльныхъ индивидуальныхъ чертъ, изъ которыхъ слагается стройное и живое „Я“ художника, занятъ критикъ; это его дѣло—явить міру во всей глубинѣ и сложности духовное „Я“ поэта. И та нѣкая истина, живымъ воплощеніемъ которой является художникъ, будучи отражена въ его произведеніяхъ въ отдѣльномъ и раздробленномъ видѣ, сіяетъ лишь крупинками алмаза, работой критика опредѣляется въ своемъ цѣльномъ и полномъ видѣ, и этой цѣльностью своей входитъ въ мировую творческую работу человека, которой объемлются рѣшенія послѣднихъ вопросовъ жизни и духа.

КАРЛЕЙЛЬ И ЭМЕРСОНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мистика жизнеощущения.

I.

Въ юнѣ 1821 года—то, что описано въ седьмой главѣ второй книги „Sartor Resartus“, случилось съ самимъ Томасомъ Карлейлемъ на Leith Vale—узкой дорогѣ, ведущей изъ Эдинбурга въ купальное мѣстечко Портабелла.

Одинокій созерцатель въ этотъ знойный день, бродя по дорогѣ и углубившись въ размышленія, внезапно оказался у ихъ конечнаго пункта. Предъ нимъ блеснулъ выходъ изъ подземелій на свѣтъ и открылась просвѣтленная и прекрасная даль таинственнаго и пронизаннаго вѣчной творческой силой существованія.

Вмѣстѣ съ этимъ свергалась власть надъ сознаниемъ мыслителя чисто-механическаго міровоззрѣнія, диктовавшаго пессимизмъ, горькое „Нѣтъ“ міру; освобождался просторъ для высшаго самоопредѣленія личности. Внутреннее субъективное ощущеніе міра боролось противъ принятія основъ матеріалистическаго ученія; недолгая побѣда его была пережита какъ кошмаръ. Пессимистическое представленіе о мірѣ какъ о колоссальной автоматической машинѣ преодолевалось, и сіяло взамѣнъ радостное, жизнетворческое „Да“.

Это „Вѣчное Да“ принимало міръ какъ символъ безконечнаго, какъ живое „Благовѣстіе свободы“.

Не только не закупорены всѣ двери и окна въ казарменномъ обиталищѣ нашей земной жизни, въ которомъ мы должны были бы задохнуться, сдавленные среди глухихъ и слѣпыхъ стѣнъ,—но, наоборотъ, „нѣтъ ни единой лачуги, которая не была бы видимымъ воплощеніемъ Невидимаго“, потому что все внѣшне-реальное, все предмет-

ное есть таинственный показатель абсолютнаго, Сущаго, есть какъ бы открытыя двери въ иной, ничѣмъ не ограниченный міръ. Каждая вещь „предметнаго міра“ своей таинственной сущностью, своимъ бытіемъ даетъ ясный просвѣтъ въ эту безпространственную свободную область чистаго существованія.

И передъ лицомъ этой безконечности и свободы, въ которыхъ все наполняетъ собою живая, организующая Творческая Воля,—утверждаетъ свое свободное и глубокое „я“ человѣкъ.

Это „я“, какъ и весь міръ, призналъ онъ символомъ Первой и Единой Воли, Вѣчнаго Художника міра, объемлющаго въ своей жизненной и духовной полнотѣ вселенское Все. Міръ—покровъ, одѣяніе Сущаго, согласно утверженію Гёте, вложившему въ уста Духу земли эти слова:

..На станкѣ проходящихъ вѣковъ
Тку я живую одежду боговъ!

Въ этомъ двестишести Карлейль видитъ абрисъ всей своей „Философіи Одежды“, построенной въ книгѣ „Sartor Resartus“. Идея безусловнаго единства стихійной жизни природы, являющей во всемъ своемъ многообразіи высшую мировую цѣльность, всѣ отдѣльные ручьи существованій сливающей въ одно грандіозное русло, по которому течетъ и впадаетъ она въ океаническіе живые просторы,—положена Карлейлемъ въ основу новаго мировоззрѣнія и въ значительной степени воспринята изъ творчества Гёте.

Такъ побѣждено было „Вѣчное Нѣтъ“ безпокойнаго философа. Онъ психологически объясняетъ необходимость этой борьбы и побѣды въ жизни своего героя, отражающей жизнь самого автора.

„Повсюду,—говоритъ онъ въ „S. R.“,—наружность вещей угнетаетъ его, противостоитъ ему, угрожаетъ самой ужасной гибелью: лишь побѣдоносно проникая въ самыя вещи, можетъ онъ найти миръ и твердую опору. Не есть ли это смотрѣніе сквозь наружность или одѣяніе—первая подготовительная ступень къ „Философіи Одежды“?

Но послѣ знаменательнаго дня, когда произошелъ переломъ въ душѣ Карлейля, онъ десять лѣтъ еще носилъ въ глубинѣ себя всю цѣнность этихъ мучительнымъ напряженіемъ добытыхъ идей и новыхъ утверждений. Душевный процессъ еще не находилъ для себя стройнаго творческаго разрѣшенія. Десятилѣтіе это прошло для Карлейля въ погруженіи въ новую и неожиданно-родственную его душѣ область современной ему германской философіи и поэзіи. Отъ Гольбаха, Ламеттри и Бентама Карлейль обратился къ кормчимъ могущественнаго романтическаго теченія въ Германіи, къ натуръ-философіи Шеллинга,

къ ученію Фихте, къ поэзіи Новалиса, Ж.-Поля Рихтера, Тика, Гофмана, Шиллера. Завершеніемъ всего было знакомство съ творчествомъ Гёте, подъ обаяніемъ котораго прошелъ большой періодъ жизни Карлейля. Въ этой области онъ работалъ, знакомя англійскую публику съ германской литературой (статья о „Фаустѣ“ въ „Нов. Эдинб. Обозр.“ въ 1822 г.; переводы изъ Шиллера, его біографія въ „Лонд. Магаз.“ въ 1823 г.; книга о Гёте и переводы изъ Гёте, Музеуса, Ла Моттъ Фуке, Тика, сопровождавшіяся цѣнными характеристиками).

Въ 1828 г., уже женатый, Карлейль уѣзжаетъ изъ Эдинбурга, для того чтобы не быть вынужденнымъ писать ради насущнаго хлѣба, чтобы сохранить независимую и живую силу мысли и слова, чтобы, по его выраженію, „питаться собственнымъ дымомъ“, уединиться отъ свѣта и быть наединѣ съ молчаливой природой. Живя въ своемъ имѣніи, онъ доволенъ тѣмъ, что „этотъ кусокъ земли — нашъ и мы можемъ здѣсь жить и размышлять, и писать, какъ вздумаемъ, хотя бы самъ Зоиль былъ властителемъ литературы“ (изъ письма). Здѣсь Карлейль былъ самъ съ собой, ничѣмъ не отравляемый, открытый для завѣтнаго труда. И въ этой тишинѣ, — говоритъ біографъ Карлейля, — „въ уединеніи имѣнія — „Sartor Resartus“ упалъ къ нему на колѣни, какъ зрѣлый плодъ одиночества“.

Съ печатаніемъ этого труда автору пришлось пережить много неудачъ и огорченій. Только черезъ семь лѣтъ появилось первое отдѣльное изданіе этой книги. Издатели журналовъ отказывались печатать это слишкомъ своеобразное и хаотическое твореніе начинающаго писателя. Единственнымъ изъявившимъ, наконецъ, согласіе былъ *Фрезеровскій Магазинъ* въ Лондонѣ; въ этомъ журналѣ и появилось разбитое на части произведеніе Карлейля.

Англійскіе читатели встрѣтили „Sartor Resartus“ недоумѣніемъ и негодованіемъ. Въ Германіи романтики, какъ Жанъ Поль (писатель, котораго очень чтитъ Карлейль), Тикъ и др., приучили публику къ оригинальнымъ формамъ, въ которыя облекалось поэтическое и философское содержаніе произведеній. Въ Англии такая оригинальность и вольность вызвала раздраженіе, да и самую попытку дать нѣчто родственное духу германской философіи сочли ненужной и вредной.

Только два читателя встрѣтили одобреніемъ страницы Карлейля. Одинъ былъ ирландскій священникъ. Другой — будущее свѣтило американской литературы — Ральфъ Эмерсонъ, писатель, котораго высоко ставили разнородныя натуры, какъ Ницше, Метерлинкъ, Гриммъ, Карлейль.

Появленіе въ печати книги Карлейля было поворотнымъ пунктомъ въ жизни Эмерсона; эта книга опредѣлила и освѣтила путь

юному американскому философу; дала рѣшительный толчокъ его уму и таланту.

Въ 1824 году Эмерсонъ пріѣхалъ къ Карлейлю. Надежда Карлейля на то, что его философское построение окажется „мостомъ изъ связанныхъ плотовъ, который укрѣпится въ дальнѣйшихъ переходахъ и будетъ проходимъ даже для хромыхъ“,—оправдывалась на его глазахъ. Нетвердо ступавшій тогда Эмерсонъ, задыхавшійся въ меркантильномъ чаду американской жизни и блуждавшій во тьмѣ, ступилъ на мостъ Карлейля, какъ на мѣсто своего спасенія. Правда, отсюда Эмерсонъ пошелъ своей оригинальной дорогой мышленья, но „исходъ“ его опредѣлилъ Карлейль.

Основной идеей творчества обоихъ была та, которую другъ Карлейля—въ юности умершій Стерлингъ—формулировалъ въ книгѣ объ авторѣ „Sartor Resartus“ слѣдующимъ образомъ:

„Для того, кто смотритъ прямо, божественная субстанція всего открываетъ себя, ибо бытіе само божественно и будитъ въ томъ, кто его созерцаетъ, чувство божественнаго“.

II.

Было время, когда Карлейль хотѣлъ насильно, несмотря на все противодѣйствіе своей природы, своей души, привить себѣ идеи механическаго міровоззрѣнія и окончательно принять ихъ какъ истину, которая не можетъ быть оцѣниваема какъ пріятная или непріятная, но должна быть принимаема просто какъ истина. Карлейль хотѣлъ смотрѣть ей прямо въ глаза, беря не призракъ фантазіи, а подлинное, то, что есть. И хотя эти, глотаемая какъ горькое лѣкарство, идеи стали въ концѣ-концовъ кошмаромъ, душившимъ Карлейля, душевнымъ кошмаромъ, въ которомъ стало невыносимо жить; хотя принятіе этихъ идей о мѣрѣ и жизни побуждало отвергнуть саую жизнь, отвергнуть мѣрѣ, внушавшій при такомъ міровоззрѣніи—ужасъ и отвращеніе, все-же философъ направлялся упорно къ тому, что ему казалось истиной реальной, очевидной, сверкавшей сквозь всѣ покровы. И только тогда, когда на своемъ собственномъ душевномъ кошмарѣ, на своей борьбѣ, на безвыходномъ своемъ метаніи—убѣдился онъ въ истинности вывода Фихте о томъ, что „последовательное механическое міросозерцаніе, исходнымъ пунктомъ котораго является объектъ, неминуемо должно потерпѣть крушеніе въ столкновеніи съ фактомъ нашего субъективнаго „я“, только тогда его упремые шаги вывели его на просторъ иного міроощущенія и позитивный духъ современности былъ имъ для себя самого побѣжденъ.

Миръ тогда внезапно преобразился. Въмѣсто автомата-машины, въ которой пассивно и безцѣльно вертѣлись миллиарды человѣческихъ винтиковъ, — возникъ „цвѣтушій, плодородный, окруженный небомъ миръ“.

III.

Островокъ нашей жизни омывается вокругъ безбрежнымъ океаномъ Вѣчнаго, и къ намъ доносится священный гулъ его волнъ. На днѣ каждаго воспріятія дѣйствительности таится нѣчто, открывающее пути къ тайнымъ просторамъ всей необъятности живущаго міра. Частное постигаетъ Всеобщее. Микрокосмъ находитъ безчисленные пути единенія съ Макрокосмомъ. Нѣтъ ничего таинственнѣе и фантастичнѣе такъ-называемой реальности, — она каждымъ обычнымъ явленіемъ открываетъ окна въ бездонную мистическую лазурь, въ океанъ „Всѣтворенія“, съ которымъ связано все частичное, все отдѣльное. Нужно только не закрывать отъ себя дѣйствительности навязанными и извнѣ принятыми идеями о ней, а взглянуть на нее „собственными глазами“ и изнутри себя опредѣлять ее, личными впечатлѣніями и воспріятіями. Взглянуть не сквозь пелену сѣрыхъ будней, не сквозь призму насловившихся въ душѣ жалкихъ и тусклыхъ „слишкомъ человѣческихъ“ впечатлѣній, а съ радостнымъ изумленіемъ и пытливостью того, кто ступилъ на новый островъ и все въ немъ встрѣчаетъ впервые. Карлейль какъ бы говоритъ: освѣжите ваши глаза, омойте ихъ отъ пыли, оздоровите отъ скуки и слабости. Ибо дѣло не въ скудости цвѣтушаго и изумительнаго міра, а въ печальномъ безсиліи нашемъ принять миръ таковымъ, каковъ онъ есть, — со всей его таинственностью и глубиной.

Карлейль въ данномъ случаѣ выразилъ ту до очевидности простую мысль, сіяющую съ убѣдительною дневною свѣта, передъ которой съ невольнымъ изумленіемъ остановились и Эмерсонъ, и Метерлинкъ и которая была родственна и Гёте, и ненавистнику Карлейля — Ницше. Мысль заключается въ указаніи на то, что истиннымъ орудіемъ познанія міра и его глубинъ является та личная самопроизвольная внимательность души человѣческой къ тайнѣ бытія міра, помощью которой миръ отражается въ ясномъ зеркалѣ души, какъ тайна въ тайнѣ. Эта свѣжая и живая внимательность къ жизни, заставляющая глядѣть на нее отъ лица собственнаго „я“ и видѣть ее въ первоначальномъ лично-внутреннемъ опытѣ, снимаетъ съ жизни всѣ пыльные и мертвые покровы будней, скуки, лѣни и встрѣчаетъ жизнь въ ея первобытной цвѣтушести и загадочности. Каждый дол-

женъ открыть міръ самъ для себя и любоваться имъ и входить въ полноту таинственныхъ постиженій его. Никто не долженъ пользоваться чужимъ внутреннимъ опытомъ, ибо онъ послужитъ только мертвыми очками, сквозь которыя міръ покажется мертвымъ. Не этой ли способности глядѣть на міръ съ любопытствомъ и вниманіемъ перваго человѣка обязанъ Ньютонъ тѣмъ, что остановился надъ явленіемъ, которое онъ опредѣлилъ какъ законъ тяготѣнія? Надо умѣть не только смотрѣть, но и видѣть. На это способны немногіе.

Какъ необъяснимо-прекрасно, — говоритъ Эмерсонъ, — какого вѣщаго мистическаго значенія были бы исполнены, напр., звѣзды, если бы одинъ разъ въ столѣтіе передъ изумленными глазами человѣка загоралось ихъ огнями небо!.. Но развѣ повторяемость ихъ появленія сдѣлала звѣзды тусклѣе? Почему же мы смотримъ на нихъ какъ на то, что до послѣдней степени обыкновенно, извѣстно и тѣмъ самымъ понятно? Объ этомъ же говоритъ Карлейль: „Стоить восходу солнца повториться дважды, какъ онъ уже перестаетъ быть удивительнымъ“.

Не всѣмъ, конечно, можно открыть изумленные и радостные глаза на неисчерпаемую сложность и красоту міра, какъ онъ данъ, стихійно цвѣтущей по своимъ законамъ. Есть болота, безнадежно затянутыя тиной. Но тѣмъ, кто признаетъ въ мірѣ цѣнности, какъ искусство, какъ творчество, книги, полотна и статуи, отражающія потокъ духовной жизни, — Карлейль и родственные ему мыслители сказали бы, что эти проявленія Великаго Духа Жизни, всѣ эти полотна и книги — лишь ручейки близъ колоссальнаго, безграничнаго океана. Міръ таинствененъ и духовно мощенъ въ каждомъ мгновеніи текущей въ немъ жизни, ибо весь пронизанъ силой Творческой Воли, овеществившейся въ мірѣ, символизировавшей въ немъ. Каждое мгновеніе жизни заключаетъ въ себѣ всю полноту духовныхъ богатствъ, частично проявляющихся въ томъ или иномъ творческомъ духѣ человѣка. Золотится ли это мгновеніе сіяющими нитями солнечнаго дня, или окружаетъ насъ сумракомъ ночи, — оно въ потенціи содержитъ въ себѣ и книгу великихъ поэмъ, и полный идейнаго откровенія трактатъ философа. Существованіе творчества есть первое доказательство мистической красоты и глубины самой жизни. Въ лонѣ ея духъ Шекспира и Данта, и Джіотто, и Пушкина. „Въ самомъ сѣромъ существованіи, — говоритъ Карлейль, — есть сіяніе или Вдохновенія, или безумія, которое исходитъ изъ окружающей вѣчности“.

Еще опредѣленнѣе и глубже говоритъ объ этомъ Эмерсонъ. Онъ не знаетъ дѣленія жизни на моменты высокіе и низкіе, подъема и нисхожденія, красоты и поруганія. Какъ бы ни былъ высокъ и прекрасенъ пережитый моментъ, но тотъ, что слѣдуетъ сейчасъ за нимъ

и объемлетъ собой наше сознание, — есть струя изъ той же самой глубины и обвѣваетъ нашу душу тѣмъ же свѣжимъ дыханіемъ океаническихъ просторовъ безконечнаго. Мы въ нашей обычной дѣйствительности такъ же близки къ истокамъ всего и къ таинственной сердцевинѣ бытія, какъ могли бы быть первые люди въ библейскомъ саду. Мгновеія жизни для человѣческаго сознанія — едины потому, что они не отрывочны, не разорваны, не несутъ каждое отдѣльно свою истину, свой даръ для воспріятій, но связаны одной и той же сущностью, одной и той же глубиной содержанія, и узелъ этой связи — въ сознаніи человѣка — „Внутри человѣка пребываетъ душа всего, мудрое безмолвіе, то вѣчно единое — что объемлетъ собой глубину всѣхъ мгновеній“ (Р. Эмерсонъ, „Опыты“).

И нужно ли, чтобы какія-нибудь необыкновенныя ясновидѣнія, прозрѣнія посѣтили умъ человѣка, открывая ему вѣщую связь явленій въ мірѣ и загадочный смыслъ каждаго отдѣльно? „Разъ, когда я ѣхалъ верхомъ по Шварцвальду, — пишетъ герой „S. R.“, — я сказалъ себѣ: этотъ маленькій огонекъ, который блеститъ подобно звѣздѣ среди темнѣющаго болота, гдѣ закоптѣлый кузнецъ стоитъ, согнувшись, надъ своей наковальней, — есть ли этотъ огонекъ отдѣльное, отторгнутое отъ всей вселенной пятно, или же онъ неразрывно связанъ съ цѣлымъ?“ На одну секунду остановиться надъ чистой стихіей огонька, внѣ того, что онъ освѣщаетъ комнату или варитъ вашъ обѣдъ въ кухнѣ; взглянуть на этотъ огонекъ какъ на явленіе природы, какъ на частичку стихіи — и вотъ уже отъ него разбѣгаются нити ко всему въ мірѣ и уходятъ въ глубину безконечности, въ лонѣ которой горитъ и огонекъ, и то „я“, которое его созерцаетъ. На путь такого жизнеощущенія вступаетъ герой Карлейля.

Есть два центра, съ которыми мы связываемъ нити отдѣльныхъ воспріятій. Одинъ — центръ маленькаго круга узко-сегодняшнихъ скудныхъ впечатлѣній, замыкающихъ насъ въ узкую клѣтку ограниченности и мелочности жизни. Весь міръ со всѣми его явленіями становится въ данномъ случаѣ чѣмъ-то вродѣ буржуазнаго дома съ его спокойными — гостиной, столовой и кухней. О чистой сущности явленій здѣсь не справляются.

Другой центръ сознанія, соединяющій въ одно всѣ воспріятія, раздвигаетъ предѣлы „человѣческаго“ до границъ космическихъ, стихійныхъ. Душная атмосфера „слишкомъ человѣческаго“, нависшая какъ непроницаемый колпакъ надъ существованіями, разлетается и расплывается въ эфирной міровой безграничности. Въ жизни человѣка тогда дуетъ свободный вѣтеръ съ береговъ океана и съ вершинъ высочайшихъ горъ. Отъ частнаго явленія сознаніе протягиваетъ нить къ центру безпредѣльнаго цѣлаго, и такимъ образомъ незамѣтное

явление озаряется неожиданнымъ вѣщимъ свѣтомъ. И огонекъ шварцвальдской кузницы становится въ глазахъ созерцающаго поэта частицей міровой стихіи, столь же таинственной, какъ и сама она.

На дорогу такого воспріятія міра выводитъ читателя Карлейль. Если нѣмецкая романтика и могла дать ему толчокъ для выбора такого пути, то, во всякомъ случаѣ, не у фантастовъ, какъ Тикъ, Музеусъ, Гофманъ, цѣликомъ обратившихся къ ограниченному матеріалу замкнуто-субъективнаго мірка человѣка, могъ почерпнуть Карлейль основы для его новаго міросозерцанія. Только Гёте, да отчасти Новалисъ въ его мистическихъ страницахъ, могли дать Карлейлю частицу той идейной атмосферы, которой жаждалъ онъ дышать.

Отъ момента, когда „Вѣчное Да“ прозвучало въ его душѣ, міръ открылся ему какъ наглядное проявленіе сущности, убѣждающее путемъ всѣхъ ощущеній. Есть убѣдительность высшаго порядка, властно охватывающая душу новымъ и чудеснымъ трепетомъ переживаній и познаваній, дающая новый мощный строй напряженной душѣ, раскрывшейся, чтобы жадно воспринять чувство гармоніи міра, непосредственную духовную осязаемость его безграничныхъ тайнъ. Это то состояніе, рисунокъ котораго далъ Пушкинъ:

...Моихъ ушей коснулся онъ—
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ.
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подземный ходъ,
И дольней лозы прозябанье...

Аргументы и вообще данныя, которые представляетъ Карлейль для обоснованія своихъ идей и своего ученія, заключаются единственно во внутренней убѣдительности его утвержденій, корни которыхъ—въ живой почвѣ *переживаній*. Не сухіе выводы, не логическія формулы даетъ писатель, а какъ бы живой цвѣтокъ чувствъ и переживаній. Логическій выводъ можетъ быть опровергнутъ, но переживаніе—вѣдь это то, что есть, это сама непосредственная дѣйствительность, и всѣ силы соединенныхъ умовъ не опрокинутъ живой доводъ поэта-мыслителя. Дальше мы остановимся на томъ утвержденіи Карлейля, по которому источникъ познанія—внутренній опытъ, глубина субъективныхъ воспріятій, выводящихъ къ объективному единству и объективной сущности міра. Сейчасъ же для насъ важно напомнить объ этомъ, ибо весь матеріалъ, иллюстрирующій идеи Карлейля, взятъ единственно изъ области переживаній, — переживаній, если можно такъ выразиться, чувственно-мыслительныхъ, сливающихся ощущеніе и идею въ

одно. Большой достовѣрности Карлейль не знаетъ и иной, кромѣ внутренней, не признаетъ.

Порой, обращаясь къ внѣшней дѣйствительности, онъ убѣждаетъ насъ въ истинности своихъ идей самой *данностью* явленій. Разъ есть то, что есть, значить, онъ, Карлейль, правъ. „Armer Teufel! — восклицаетъ онъ, — развѣ твоя корова не телится, развѣ твой быкъ не производитъ? Развѣ ты самъ не родился? Развѣ ты не умрешь?“

Каждое изъ этихъ перечисленныхъ явленій заключаетъ въ себѣ тѣ нити, слѣдуя за которыми человѣческое сознание приходитъ къ открытымъ берегамъ вѣчности и тайнъ.

Но возникаютъ переживанія, которыя поднимаютъ къ Синайскимъ высотамъ, къ постиженію Истины въ экстазѣ и властно ставятъ лицомъ къ лицу съ тайной. Это и есть тотъ внутренній опытъ, на который опирается Карлейль.

Вотъ рисунокъ одного изъ такихъ переживаній:

„На закатѣ въ горахъ, когда сотни дикихъ вершинъ, блиставшія въ золотѣ и аметистахъ, подобно гигантскимъ духамъ пустыни, погасли, когда солнце скрылось, розовый свѣтъ его исчезъ, блѣднѣя, въ небѣ, — шепотъ Вѣчности и Необъятности, Смерти и Жизни пронесся въ душѣ, и онъ (Тейфельсдрекъ) почувствовалъ, что Смерть и Жизнь—одно, что Земля—не мертва, что она—тронъ Духа и что его собственный духъ имѣетъ съ нимъ общеніе“.

IV.

Порой мышленіе Эмерсона и Карлейля напоминаетъ двѣ параллельно текущихъ рѣки. Въ нѣкоторыхъ вопросахъ, въ отдѣльныхъ областяхъ идей—они идутъ рядомъ, расходясь потомъ въ разные стороны, чтобы снова встрѣтиться на вершинахъ. И даже въ образахъ изложенія одной и той же по существу идеи они порой сходятся. Въ этомъ чувствуется какъ бы одна и та же глубина прозрѣній и догадокъ.

И въ то же время пути ихъ индивидуально различны и на разное направляютъ они свѣтъ своихъ фонарей. Эмерсонъ, пользуясь исходной точкой мироощущенія Карлейля, новаго его взгляда на міръ, идетъ къ тому, чтобы шире и ярче освѣтить и раскрыть для сознания эту изумительную и радостную въ одно и то же время осязательность пребывающей въ насъ и вокругъ насъ тайны. Міръ—какъ цѣлое въ микрокосмѣ—больше всего интересуется его. Онъ останавливается надъ малымъ, надъ частнымъ, чтобы показать, какъ въ каплѣ воды пребываетъ въ своей сущности весь океанъ („Богъ новоявляется со

всѣми своими атрибутами въ каждой былинкѣ и паутинѣ. Миръ свертывается шарикомъ въ капль воды“. „Опыты“). Эмерсона безгранично поражаетъ картина того, какъ кажущаяся реальность обычныхъ переживаній человѣка протекаетъ на фонѣ развернувшихся просторовъ вѣчнаго бытія вселенной и какъ тайна этого вѣчнаго бытія пронизываетъ всю такъ-называемую будничность существованія человѣка. Вотъ ремесленникъ открываетъ утромъ дверь своего дома и выходитъ на улицу; вотъ дерево шумитъ наль ней вѣтвями; вотъ солнечный лучъ упалъ пятномъ свѣта на дверь жилища... Но гдѣ же глухая стѣна, отдѣляющая обыденность отъ чуда, временное отъ вѣчнаго, замыкающая эту будничность въ ней самой, ставя ея внѣ безграничнаго цѣлаго міра? Въ томъ-то и дѣло, что отъ каждой пяди земли открываются просторы въ безпредѣльность, и *чувство этихъ просторовъ* поражаетъ обоихъ мыслителей. Они указываютъ на то, что преградъ между сегодняшнимъ и вѣчнымъ нѣтъ. Они зовутъ каждого обратиться къ свидѣтельствамъ своихъ собственныхъ чувствъ. Развѣ прямо надъ вашей головой въ моментъ торговой сдѣлки и т. п. не сіяло бездонное небо? Развѣ свѣтъ дня вашей жизни и чувство этого свѣта не есть нѣчто такое, что началомъ своимъ уходитъ въ начало всего? Безконечное вливается въ сегодняшнее и вылетаетъ, какъ воздухъ, въ его глубинѣ. Войдите въ полноту переживаемого мгновения, отдайтесь ему, — и вотъ кто-то уже освобождаетъ васъ отъ обусловленности временемъ и пространствомъ. Каждое мощное духовное переживаніе обладаетъ этой властью. Человѣкъ въ своей жизни стоитъ какъ бы на вершинѣ высокой горы, проникая взглядомъ въ безконечность уходящихъ вдаль пространствъ. Каждымъ мгновеньемъ и каждымъ своимъ явленіемъ жизнь даетъ это чувство далей, просторовъ, тайнъ.

И вотъ, мгновеніе — какъ цѣлое — заинтересовываетъ Эмерсона. Наоборотъ цѣлое, объемлющее собой частность, занимаетъ Карлейля. Полнота мгновения — для него не самоцѣль. То, что стоитъ за мгновеньемъ, — важно, ибо каждое мгновеніе есть лишь нить въ ткущейся одеждѣ Сущаго. Миръ — какъ цѣлое — осуществляетъ эти извѣчныя цѣли, и радость частнаго — быть поглощеннымъ въ процессъ достиженія. Ибо послѣдняя цѣль — внѣ личнаго, внѣ частнаго, она — Все. Человѣкъ же имѣетъ возможность прикинуть ухомъ къ овеществленной тайнѣ и быть сопричастнымъ къ совершающейся таинственной мистеріи бытія, въ которой онъ участникъ и гость.

Эмерсонъ прослѣживаетъ явленіе человѣческаго бытія, какъ частность, дающую постигнуть въ себѣ цѣлое. „Человѣкъ есть рѣка, истоки которой скрыты“, говоритъ онъ, и это выраженіе характерно для него. Рѣка человѣческаго бытія интересуется его постольку, по-

скольку теченіе ея изначала направлено въ согласіи съ тайнами вселенской гармоніи, и потому рѣка эта такъ же таинственна, какъ и двигающая ее Воля. Карлейль же прослѣживаетъ теченіе этой рѣки, чтобы дойти до мѣста ея поглощенія океаномъ. Человѣкъ — символъ Бога, въ каждомъ человѣкѣ есть въ потенціи воля къ божественному строительству, къ вѣчному зодчеству, есть нѣчто не отъ земли, но отъ неба, не отъ временнаго и погибающаго, но отъ вѣчнаго. И къ этому вѣчному, сверхличному направляется мысль Карлейля. Суровый и требовательный, онъ человѣка и его жизнь опредѣляетъ какъ средство. Между тѣмъ какъ у Эмерсона красота земного бытія даритъ безтревожное наслажденіе, возводя сознание къ чистому началу всего, сливая частное съ абсолютномъ,— у Карлейля красота служить какъ бы вѣтромъ, вздымающимъ крылья духа, призывомъ къ красотѣ, неодолимымъ и мучительнымъ влеченіемъ къ силѣ силъ. Вотъ почему Карлейль говоритъ, что „тайна личности всегда божественна для того, кто имѣетъ пониманіе божественнаго“.

И въ зависимости отъ этого на страницы каждаго изъ философовъ ложится различный свѣтъ міроощущенія. Книги Эмерсона, листы его томовъ озаряетъ тихій утренній свѣтъ, трепетъ синѣющаго воздуха. Невозмутимый миръ разлитъ въ работахъ Эмерсона. Разъ навсегда увидѣлъ онъ міръ въ тайнѣ и святости утренняго покоя, въ золотѣ восхода, обогрившаго землю, какъ тронъ Духа. Обнявъ душою таинственную гармонію цѣлаго, философъ не смущался диссонансомъ частнаго. Пытливость его духа была подобна прозрачному и спокойному озеру и давала ясныя и тихія отраженія. Эмерсонъ былъ покоенъ и тихъ, какъ тотъ, кто растворяетъ свое я—въ созерцаніи, поглощенный картиной развертывающихся тайнъ. Философъ поставилъ себѣ цѣлью быть только чистымъ зеркаломъ внутренней сущности мірового бытія.

Страницы Карлейля имѣютъ много общаго по настроеніямъ со страницами библейскихъ пророковъ, здѣсь вѣетъ смутный душевный трепетъ и окрыленность передъ величіемъ мистическихъ откровеній. Грозовые отблески пробѣгаютъ по этимъ страницамъ. Недаромъ передъ каждой работой Карлейль чувствовалъ тревожную неувѣренность и боязнь: для его страницъ требовался тотъ огромный подъемъ духа, который знаменовалъ внутренній произвольный ростъ „я“, совершенно независѣвшій отъ личныхъ усилій писателя, какъ не зависитъ отъ него вдохновеніе и творческій порывъ. Въ минуты такого подъема человѣкъ становится выше своего обычнаго роста, онъ какъ бы подымается на вершины Синая, чтобы принять изъ рукъ Іеговы Скрижали Завета. Поэтому-то ясный

оптимизмъ эмерсоновскаго покоя замѣнилъ у Карлейля оптимизмъ иной, тревожащій восторгомъ предвидѣнія и безпокойнаго стремленія.

Но оба они, — и Эмерсонъ, и Карлейль, — одинъ въ бездонной глубинѣ текущаго, другой — въ порываньяхъ и взлетахъ къ единому — вѣчному, снимаютъ съ человѣка бремя его узкаго и ограниченнаго „я“, открывая передъ нимъ свободныя пространства всеобщности.

„Стѣны убраны прочь. Мы живемъ открытыми глубинами духовной природы, сущности Бога. Наше сущее — внѣ обусловленій“ (Эмерсонъ, „Опыты“). Творческое духовное постиженіе, греза поэта, открытіе философской мысли, — и вотъ мы уже выходимъ изъ частнаго человѣческаго въ общее міровое.

Но есть еще чисто стихійная полнота переживаемости, въ которой могучій трепетъ жизненныхъ ощущеній даже внѣ духовнаго міра уноситъ насъ во всеобщее и роднитъ со всѣмъ въ природѣ. Есть жизнерадостность, есть ощущеніе бессознательнаго счастья жизни, которое родственно и человѣку, и звѣрю, и дереву. И Эмерсонъ стремится во временное человѣческое бытіе, въ каждое его мгновеніе, перевести ту самоцѣнность и самосвятость жизни, ту абсолютную полноту насыщенія ея, которой бессознательно владѣютъ деревья, цвѣты, птицы, звѣри. Пейте мгновеніе, не пренебрегайте имъ, освятите его, ибо въ немъ все, что и въ вѣчности. — „Розы подъ моимъ окошкомъ — имъ совершенно нѣтъ дѣла до прежнихъ розъ или лучшихъ: онѣ являютъ себя такими, какія онѣ есть, и живутъ съ Богомъ сегодняшнимъ днемъ, какъ живется. Для нихъ нѣтъ времени, существуетъ просто роза, и она совершенна въ каждый мигъ своего существованія.“

Недаромъ Метерлинкъ называетъ Эмерсона „добрымъ, вставшимъ съ зарею пастыремъ блѣдныхъ и зеленыхъ равнинъ новаго оптимизма, пришедшимъ, чтобы съ простотой возвѣстить одинаковое и таинственное величіе жизни“.

Тихимъ и чуднымъ свѣтомъ озарилъ Эмерсонъ Землю — подножіе и просторъ жизни человѣка, — открытыя въ мірѣ благодать и мудрость, насыщающія великую жажду и томленіе души человѣка, если онъ сможетъ проникнуть къ глубокимъ источникамъ.

Карлейль общаетъ иное. Не гармоніей жизнеощущенія, а тайной его — соблазняетъ онъ, проблесками молніи во мракѣ. Проблема постиженія человѣческимъ сознаниемъ сущности міра поглощаетъ его. Окончательной своей побѣдой Карлейль считаетъ то, что онъ указалъ на выходъ изъ величайшей субъективной замкнутости человѣческаго „я“ къ просторамъ Универсальнаго, къ которому путь ведетъ черезъ это внутреннее „я“. Вѣнцомъ философскихъ усилій Карлейля было — сказать человѣку: Ты — въ тайнѣ, она въ тебѣ, надъ тобой,

вокругъ тебя, ея ты объемлешься, какъ огонь свѣчи тьмою ночи, какъ земля воздухомъ. Человѣческое „я“, противопоставленное міровой тайнѣ,—вотъ тема Карлейля. Обнаружить таинственность началъ, создающихъ бытіе, дать услышать шумъ волнъ мірового океана, окружающаго нашъ жизненный островъ,—вотъ задача и цѣль его образныхъ и мощныхъ страницъ. Но отсюда еще далеко до тѣхъ зловѣщихъ мотивовъ отчаянья и бурнаго, хаотическаго смятенія души, которые Метерлинкъ совершенно ошибочно приписываетъ Карлейлю.

Жизнь должна неодолимо покорять тѣмъ, что въ ней—въ тѣсныхъ граняхъ земной обусловленности—мы внезапно останавливаемся передъ темнымъ прорывомъ въ безконечность, и мерцаніе тайнъ ослѣпляетъ наши прикованные къ безднѣ глаза. Тогда мы узнаемъ, что есть величавыя и прекрасныя дали, и радость просторовъ волнуетъ нашу душу, ибо есть что-то въ ней родственное имъ.

Міръ весь—какъ бы сплошное мерцаніе тайны. Ничто ее не закрываетъ, она предстоитъ пытливому взгляду, освобожденная отъ всѣхъ покрововъ и прямо непосредственно касается души каждого, ибо въ глубинѣ каждой жизни, какъ основа ея,—мерцаетъ та же тайна. Бываютъ минуты, когда постиженіе это ясно открывается, когда—„міръ съ его шумной суетой отходитъ вдаль, и сквозь бумажные обои, сквозь каменные стѣны, сквозь всѣ покровы, которыми окружено наше существованіе,—взоръ проникаетъ въ пустую глубину, и вы—одинъ на одинъ съ міромъ и вступаєте съ нимъ въ молчаливое общеніе, какъ одна таинственная сущность съ другой“.

Это можно закончить той окончательной формулировкой, которую далъ доводамъ Эмерсона Метерлинкъ:—„Надо жить, потому что нѣтъ часовъ безъ внутренняго чуда и безъ неизреченнаго значенія... Нѣтъ ни большой, ни маленькой жизни“. „Самый даръ бытія всѣмъ и каждому есть даръ всего, всей мудрости и всей красоты, какія заключены во вселенной.“

Человѣческая душа горда и помирится только на владѣніи всѣмъ. Чтобъ жить,—ей нужно вдыхать живительный воздухъ открытыхъ въ вѣчность просторовъ, ей нужны задачи и цѣли самой вѣчности, ей нужно движеніе къ безпредѣльному, къ Абсолюту.

Такой она создана.

V.

Тѣмъ съ удивленіемъ и глубокимъ интересомъ остановился передъ философскимъ мотивомъ Карлейля—міръ, какъ откровеніе тайны; видимое, какъ обнаруженіе невидимаго. Своеобразная художественная

форма изложения идей (Карлейль считалъ единственно точнымъ и искреннимъ—изложение образное) и новое цѣнное ядро ученія заставили талантливаго французскаго историка англійской литературы глубже взглянуть въ характерный обликъ писателя и его тѣсно слитую съ личностью философію. Тѣну удалось ярко выразить въ своемъ очеркѣ о Карлейлѣ нѣкоторыя характерныя стороны его и его ученія.

Въ главахъ „Натуральный супернатурализмъ“, „Символы“, „Органическія волокна“ книги „Sart. Resart.“, философъ отъ намѣченныхъ предпосылокъ идетъ къ ихъ послѣднимъ слѣдствіямъ. Здѣсь всѣ основныя взгляды писателя, развитыя въ его позднѣйшихъ трудахъ: „Герои и героич. въ исторіи“, „Прежде и теперь“, „Исторія французской революціи“, „Жизнь Кромвеля“, „Жизнь Фридриха Великаго“ и проч.

Въ реальномъ утверждается истинность и пребываемость ирреального, въ предметномъ—духовнаго. Въ утвержденіи существованія міра—какъ чистой духовности—Карлейль близится къ Берклею, съ его спиритуализаціей всего реально-конкретнаго.

Въ то же время идея Карлейля о человѣкѣ, какъ о символѣ Мирового Духа, какъ о носителѣ его сознанія, близка къ мысли Фейербаха перваго періода его дѣятельности: „ты лишь объектъ сознанія, а не само сознаніе“; точно такъ же, какъ фраза Фейербаха: „я мыслю себя внѣ тѣла, слѣдовательно, я не имѣю тѣла“, является какъ бы сжатой формулой идеи Карлейля о томъ, что чистое познаніе сущности міра, освобождая насъ отъ всѣхъ обусловленій, ставитъ лицомъ къ лицу съ вѣчностью, уничтожающей границы пространства и времени, обнаруживая въ человѣкѣ сущность чисто духовную.

Даже съ Фейербахомъ втораго періода Карлейль сошелся бы на утвержденіи, что „необходимо постоянно связывать возвышенное съ тѣмъ, что кажется будничнымъ, наиболѣе далекое съ наиболѣе близкимъ, абстрактное съ конкретнымъ, философію съ жизнью“ („Fragmente“, т. II). Разница лишь та, что, сливая конкретное съ абстрактнымъ, Карлейль центръ тяжести передвигалъ въ сторону, противоположную той, куда призывалъ Фейербахъ.

Не слѣдуетъ рѣзко разграничивать возвышенное отъ будничнаго, абстрактное отъ конкретнаго потому, что было бы самообманомъ признать дѣйствительное и отграниченное существованіе такъ-называемой будничности. Стоитъ глубже взглянуть, чтобы увидѣть, что, по выраженію Тютчева, „подъ нею хаосъ шевелится“. Въ самомъ дѣлѣ, именно таинственную первоначальную глубину, сумракъ объемлющаго міръ хаоса и имѣеть въ виду Карлейль. Нашъ будничный мірокъ есть лишь наружная часть того цѣлаго, что погружено въ глу-

бины хаотического мрака, дающего себя чувствовать за спокойной гранью внешнего. „Безуміе,—говорит Карлейль,—это таинственный всплескъ изъ самой низшей Хаотической Глуби до поверхности, на которой плаваеъ то, что называютъ Реальное. Духовная сущность человѣка и міра освобождены отъ всякихъ обертокъ“ („S. R.“).

Но, какъ поклонникъ романтической германской литературы и ея вольныхъ формъ, Карлейль отдаетъ ей дань, соединяя иронию съ пафосомъ и уже не теоретически, а образно, своеобразной иллюстраціей доказываетъ, что власть будничнаго есть власть призрачная, что это фарсъ, закрывающій суровую трагедію рока.

Отъ созерцанія уединенныхъ горныхъ пустынь природы, навѣвавшихъ душѣ грезы о міровой гармоніи, Карлейль переноситъ своего героя на рынокъ стараго платья. Здѣсь достигается побѣда надъ самой сѣрой обыденностью. Философъ въ душномъ хаосѣ слишкомъ человѣческаго, подобно мечтателямъ и фантастамъ, какъ Бодлеръ, Гофманъ, Калло, Гойя, Достоевскій, находитъ черты фантастическія, безумныя и кошмарно-неестественныя. Въ созерцаніи мыслителя-художника—грандіозный Вавилонъ человѣческаго муравейника переходитъ за грань обыденнаго и скрываетъ въ себѣ вѣщій жутко-символическій смыслъ.

Таковъ міръ. Символика лежитъ въ основѣ всего созданнаго природой и всѣхъ дѣяній рукъ человѣческихъ. Помимо воли вырисовываются символы даже въ воспроизведеніи натуралиста, какъ Зола. Всѣ эти шахты, магазины, города, рынки, всѣ сооруженія алчности, корысти, мертваго труда, безумія и алканія человѣческаго, вырастая до гигантскихъ размѣровъ, выявляютъ въ себѣ черты какой-то сатанинской символики, чего-то внѣвременнаго, объективирующаго въ себѣ вѣчныя черты приращеннаго и искаженнаго человѣческаго духа.

Карлейль же съ дѣтства (описаннаго въ нѣсколькихъ прекрасныхъ автобіографическихъ главахъ въ „S. R.“) отличался особой мечтательной и пытливой проникновенностью взгляда во всѣ явленія человѣческаго. Въ нихъ онъ искалъ связи съ чѣмъ-то непонятнымъ, что зрѣло въ душѣ. И рынокъ стараго платья—одна изъ иллюстрацій этого исканія, этой пытливости. Начиная съ дѣтства, мы читаемъ о вечернемъ ужинѣ на закатѣ, когда маленькій созерцатель взбирался на стѣну, ограду сада, чтобы посмотрѣть, какъ сквозь темныя вершины кипарисовъ пламенѣетъ закатъ, и забыться въ созерцаніи ясной бездны закатнаго неба. Или же, когда онъ, полусонный, слушаетъ стукъ колесъ почтовой кареты, проѣзжающей ночью въ безлюдья деревенской улицы, и думаетъ о пространствахъ, куда укатится карета, соединяющая дали разбросанныхъ поселеній. Такъ въ юности огонекъ Шварцвальдской кузницы заставитъ его задуматься

о міровомъ. Такъ, наконецъ, путешествіе Тейфельсдрека по Монмаутъ-Стриту заставитъ символизировать рынокъ стараго платья. Проведя почти все дѣйствіе книги въ Германіи, авторъ въ этой сценѣ не могъ не вернуться къ болѣе родному ему Лондону.

На все, безъ исключенія, простирается утвержденіе, что міръ—чистая духовность, что все въ немъ—лишь символы ирреальной сущности. Поэтому какъ же изъять рынки стараго платья изъ подчиненности общему закону? Тейфельсдрекъ не только не пытается изъять ихъ, но именно въ нихъ находитъ естественнѣйшее подтвержденіе своихъ положеній. „Съ глазами, полными прекраснѣйшаго вдохновенія“, проходитъ онъ по Монмаутъ-Стриту, рынку стараго платья, „который былъ для него истинной Дельфійской Аллеей и сверхъестественной шепчущей галлереей, гдѣ Духи жизни нашептывали ему на-ухо странныя тайны“: „Часто заходилъ онъ на этотъ рынокъ съ сердцемъ, пораженнымъ благоговѣніемъ, проходилъ мимо лавокъ, съ ихъ пустыми парами платья“, мистически вовлекаясь въ созерцаніе этой человѣческой духоты на фонѣ міровой безбрежности. Здѣсь Карлейль устами издателя восклицаетъ своему герою: „О, ты, Тейфельсдрекъ, слышашій твоей чуткой барабанной перепонкой, какъ растетъ трава!“

Отъ рынка стараго платья философъ обращается къ абстрагированью всего предметнаго, всего реального въ мірѣ. Въ атмосферѣ мистическаго пріятія жизни исчезаетъ конкретный міръ и обращается въ міръ тѣней, въ міръ духовъ. Станнымъ, призрачнымъ свѣтомъ озаряется и прошлое и настоящее человѣческой жизни, и исторія и текущая дѣйствительность. Человѣческій муравейникъ, сложность и хаосъ его суеты, превращается въ фантастическую пляску тѣней, увлеченныхъ минутной игрой въ виду открытыхъ темныхъ безднъ небытія и уничтоженія. Между этими двумя безграничными пустынями, въ непрерывной смѣнѣ загадочнаго созиданія и загадочнаго исчезновенія—вьются призраки-люди, этотъ сонмъ тѣней, явившихся на мгновеніе, чтобы исчезнуть снова. Гдѣ же тутъ основы для того, чтобы принять все совершающееся, какъ и все совершавшееся, за незыблемую реальность, за трезвую и ясную дѣйствительность? Развѣ участники прошлаго не превратились въ тѣней? И развѣ герои настоящаго не пляшутъ свою мгновенную пляску передъ тьмой уничтоженія, превращенія въ ничто? И не считаемся ли мы и въ томъ, и въ другомъ случаѣ лишь съ тѣнями, которыя уже исчезли или скоро исчезнутъ? Весь живущій міръ, все человѣчество, вся смѣна поколѣній—это грандіозное шествіе тѣней. Элементы духовнаго міра, частицы Единаго комбинируются въ случайныхъ сцѣпленіяхъ, распадаются и снова комбинируются. Хаосъ тьмы высылаетъ своихъ тѣней, принимаетъ ихъ

въ себя и снова высылаетъ. Остановитесь на секунду передъ этой грандіозной фантазмагоріей міра, чтобы убѣдиться, какъ все это, до послѣдняго будничнаго мгновенья, исполнено тайны. Сравните съ этой космической трагедіей бытія тѣ жалкія фееріи, которыми спасаетесь вы отъ такъ-называемой „скуки жизни“. Это представленіе Карлейля о мірѣ въ совершенствѣ объясняетъ, почему онъ къ героямъ своей „Исторіи французской революціи“ обращается какъ къ живымъ собесѣдникамъ со словами непосредственныхъ изліяній, укоряя или прославляя за различные поступки. Для Карлейля нѣтъ разницы между живыми и умершими, и тѣ и другіе—лишь временная объективация единой Воли, и то, что проявилось въ ихъ существованіи отъ этой Воли, есть и пребудетъ вовѣки, хотя бы частное „я“ и исчезло. Дантонъ живой и Дантонъ мертвый для Карлейля одно и то же—временное воплощеніе частицы Абсолютнаго, какъ и все въ мірѣ. „Развѣ мы не духи,—спрашиваетъ онъ,—не духи, которымъ придана форма тѣла, форма явленія, и которые снова исчезаютъ въ невидимость? Это не метафора, это просто научный фактъ: мы возникаемъ изъ Ничто, принимаемъ образъ и дѣлаемся явленіями. Вокругъ насъ, какъ вокругъ подлинныхъ привидѣній,—Вѣчность“.

Міръ человѣческой суеты—это что-то вродѣ безумно-фантастической картины Гойя или Калло, въ которой обыденное сливается съ призрачнымъ. „Развѣ мы не скользимъ роковымъ образомъ, слабые и боязливые, не шумимъ и не веселимся въ нашей безумной Пляскѣ Смерти, пока дуновеніе утренняго воздуха не призоветъ насъ къ нашему тихому жилищу, пока не пробудится полная сновидѣній Ночь и не станетъ Днемъ? Вспомнимъ безуміе войнъ: что это, какъ не самая настоящая охота духовъ, что пронеслась съ завывающимъ шумомъ мимо въ ночь?“ („S. R.“).

Что же въ этой призрачной пляскѣ человѣческой суетни и внѣшняго алканія устойчиво и не фантастично? Твердость каменныхъ громадъ, воздвигнутыхъ людьми, сложность муравейниковъ,—городовъ, царствъ и республикъ? Но Карлейль сдуваетъ и эти, по его мнѣнію, карточныя построенія. Колоссы-зданія, строители и жильцы которыхъ давно умерли и сошли въ область тѣней, развѣ не свидѣтельствуютъ именно о мимолетной „пляскѣ жизни“ призраковъ, оставившихъ послѣ себя мертвые и пустыя сооруженія? Гдѣ тѣ, что воздвигли пирамиду Хеопса? Если есть ихъ имена, то не имена ли это тѣней? А созданное тѣнями—не призрачно ли? Призракъ изъ камня есть все же призракъ, какъ и призракъ изъ плоти и крови. Вѣдь всѣ сооруженія воздвигаются силой невидимой и неосязаемой—идеей, мыслью, такъ что внѣшняя реальность цѣликомъ обусловлена въ своемъ существованіи силой ирреальной. Какъ же найти самостоятельный и

прочный устой всего внѣшне-реальнаго? Увеличившаяся сложность культурной жизни, гремящей наружными, подземными и воздушными поѣздами желѣзной дороги, съ ея автомобилями, телефонами и аэропланами,—только усилила бы въ философѣ впечатлѣніе хаотической призрачной пляски тѣней, движимыхъ силой и волей, объемлющихъ въ своей таинственной глубинѣ всю эту мимолетную реальность. Что же такое этотъ тѣсный муравейникъ людскихъ массъ, воздвигнутый невѣдомой, незримой силой,—подъ вѣчной небесной бездной, подъ мириадами загадочныхъ свѣтящихся планетъ, въ пространствѣ, гдѣ править тайна, гдѣ подъ наружнымъ спокойствіемъ дышитъ пламеннымъ дыханіемъ хаосъ? Болѣе ли реаленъ этотъ людской муравейникъ, чѣмъ свѣтовой миражъ среди озаренныхъ луною тумановъ, показывающій призрачные дворцы и деревья?

„Милліоны духовъ ходятъ вокругъ насъ по землѣ“. Мы появились изъ небытія, создаемъ себѣ силой идей всю эту такъ-называемую матеріальность, эти иллюзорные рисунки на колоссальной ткани Времени и Пространства, и снова сходимъ въ тьму небытія. „Немного времени тому назадъ насъ не было, еще немного времени, — и насъ снова нѣтъ“.

Приобщая человѣка къ Вселенной, къ Вѣчности, Карлейль устанавливаетъ отношеніе между нимъ и вѣчными основами міра. Какая можетъ быть прочность, какая опора въ утвержденіи на человѣческомъ—рисуется Карлейлемъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Поколѣнія за поколѣніями выходятъ изъ Кимерійской ночи и подобно какому-то дико пылающему и дико гремящему обозу небесной Артиллеріи—это таинственное человѣчество гремитъ и пылаетъ въ длинно растянувшемся, быстро смѣняющемся величій черезъ неизвѣданныя бездны. Черезъ Тайну къ Тайнѣ“.

Въ этихъ энергичныхъ образахъ Карлейль передалъ идеи о мірѣ, какъ онъ ему предсталъ въ его новомъ величавомъ міросозерцаніи. Центръ его онъ утвердилъ не на землѣ, а въ глубинахъ универсальной безконечности, и взглянулъ на міръ и человѣка не съ той точки зрѣнія, которая охватываетъ только—„сейчасъ“, но съ той, что объемлетъ и „было“, и „есть“, и „будетъ“. Здѣсь, въ этомъ коренномъ взглядѣ на человѣческую среду не какъ не замкнутую въ себѣ самой, но расплывающуюся въ иной надчеловѣческой высшей средѣ существованія; въ этомъ созерцаніи духовныхъ переживаній живущей индивидуальности, двигатель которыхъ есть двигатель Мірового Всего,—въ этомъ лежитъ начало всѣхъ утвержденій, сдѣланныхъ позднѣйшими писателями мистическаго толка и являющихся слѣдствіями изъ положеній Карлейля. Вся книга Метерлинка „Сокровище смиренныхъ“,

книги американскаго отшельника Генри Торо и др. какъ бы вышли изъ тезисовъ автора „S. R“.

Приведенное выше утверждение его—„Тайна личности всегда божественна“... и т. д.—легло въ основу страницъ Метерлинка объ особой абсолютной сферѣ духовной жизни, замкнутой въ душѣ каждаго человѣка, которой общается онъ съ Верховной реальностью духовныхъ силъ; о протекающихъ въ такъ-называемой обыденной жизни мистическихъ теченіяхъ, затопляющихъ въ высшей таинственной цѣльности и полнотѣ все сегодняшнее, частное... Отсюда Метерлинокъ сдѣлалъ дальнѣйшія слѣдствія, изъ которыхъ многія совпадаютъ съ мыслями, высказанными Карлейлемъ. Такъ, низведение къ нулю всей внѣшней сферы бытія, благодаря чему преступникъ, пролившій кровь, и юная дѣвственница—оказываются въ одномъ и томъ же отношеніи къ абсолютному духовному началу, скрытому частично въ ихъ душахъ,—совпадаетъ съ утверженіемъ Карлейля о призрачности, объ иллюзорности дѣяній въ той фантазмагорической пляскѣ тѣней, которая есть внѣшняя жизнь человѣчества. Что бы ни творилось въ ней,—вѣчныя основы міра останутся незыблемыми, „дико гремящія артиллеріи“ пронесутся изъ тьмы въ тьму, какъ тѣни, духовныя же начала человѣка и его жизни—внѣ условій внѣшняго—и соединены съ первымъ рычагомъ, съ единой Волей.

Но это не значитъ, что *вся* жизнь—иллюзорна. Въ ней есть нити связей съ несомнѣннымъ, съ вѣчно-дѣйствительнымъ. Работа философа направлена была именно къ тому, чтобы установить гармоническое общеніе между частнымъ „я“ и той вѣчной почвой, въ которую укрѣплены его корни и которой они питаются. Исчезаетъ безслѣдно лишь внѣшнее, безцѣльно-хаотическое, жестокое въ своей тупости, оставляющее пятна крови, смываемыя волнами времени, которое поглощаетъ въ своей безднѣ всѣ ужасы безслѣднаго смятенія, насилій, войнъ, торгашескихъ безумствъ, алканій и проч. Наоборотъ, все, что способствуетъ большому и большому расширенію общенія двухъ областей жизни—внѣшней, какъ покрова Суцдаго, и внутренней, какъ его содержанія; все, что заставляетъ пропитывать внѣшнюю ткань бытія подспудными истоками верховныхъ и вѣчныхъ силъ,—ведетъ къ грандіозному обогащенію человѣческой жизни, къ осуществленію въ ней той изначальной Гармоніи между жизнью въ ея основахъ и проявленіемъ ея, которая положена, какъ цѣль, въ глубинахъ бытія.

VI.

Существуетъ мнѣніе, опредѣляющее мистическія міровоззрѣнія во всемъ ихъ разнообразіи, какъ нѣкія цѣпи, которыя стѣсняютъ и

ограничиваютъ свободный ростъ человѣческаго духа, ставя надъ личностью человѣка неопредѣленный абсолютъ, духовную верховную силу, какъ идеальную цѣль достиженія и растворенія въ немъ. Снимая всѣ ограниченія, всякую духовную обусловленность, сторонники этого мнѣнія провозглашаютъ: обожествимъ человѣка, пусть впереди его ничего не будетъ высшаго, пусть высшимъ будетъ онъ самъ и только онъ.

Противъ подобныхъ притязаній „возвысить человѣка“, бредущаго-де въ цѣпяхъ рабства и зависимости, надѣваемыхъ мистическими вѣрованіями, возставала Карлейль именно потому, что этотъ путь казался ему прямымъ путемъ къ безславнѣйшему приниженію и уменьшенію человѣка. Этотъ взглядъ оставляетъ человѣка лишь во внѣшней реальности вещей, съ однѣми лишь наружными сторонами міра, суживая и уменьшая міръ человѣческаго сознанія до тѣхъ граней специфически людской жизни, въ которыхъ все живое задыхается. Изъ полосы исповѣданія такихъ взглядовъ Карлейль вышелъ, какъ изъ душнаго кошмара. Эти взгляды закрываютъ всѣ лежащія вокругъ человѣческаго бытія дали, обрѣзываютъ нити, соединяющія человѣческое сознаніе съ подпочвенными источниками открытыхъ тайнъ и глубинъ, творческой мудрости и силы, они изсушаютъ всѣ живыя воды міра и оставляютъ человѣчество въ мертвой безплодной высушенной пустынѣ.

Одно изъ двухъ; или человѣкъ въ бытіи самъ себѣ довлѣетъ, опираясь лишь на себя, не черпая ни откуда, кромѣ какъ изъ своего „я“, и тогда въ его распоряженіи тотъ маленькій ручеекъ взвѣшенной и измѣренной энергіи, который достаточенъ для созданія швейныхъ машинъ и постройки домовъ. Или же онъ, какъ дерево, пьетъ корнями таинственный сокъ питающихъ его земныхъ пучинъ, а вершиной впитываетъ свѣтъ солнца и эфиръ. И только такимъ взаимодействіемъ между живущимъ „я“ и творческими таинственными силами жизни—единственно можно объяснить и осознать шири и глубины творчества такихъ геніевъ, какъ Шелли, Гёте, пророки Библии, Шекспиръ, Дантъ. Для того, чтобы искренно принять во всей полнотѣ ученіе объ обожествленномъ, возведенномъ въ культъ и ограниченномъ самимъ собой человѣкѣ, нужно отбросить все то огромное, творческое, что въ созданіи этихъ и другихъ геніевъ изъ сферы человѣческаго уходитъ невидимыми нитями въ загадочную глубь жизненныхъ тайнъ, ставящихъ надъ человѣческимъ „я“ стихійную и таинственную Волю Суздаго во всемірномъ бытіи.

Но, кромѣ того, даже ограниченное, даже суженное сторонниками „обожествленнаго“ человѣка его „я“ не есть реальность, а чистая фикція. Ибо,—спрашиваетъ Карлейль,—что такое это „я“? „Развѣ само по себѣ таинственно возникнувшее изъ безпредѣльности оно не

уходитъ въ самой жизни изъ всѣхъ вашихъ сѣтей въ ту же область безпредѣльнаго? Развѣ корни его не въ той же безднѣ всеобщей обусловленности? Обожествляемое такимъ путемъ человѣческое „я“ есть не живое „я“, а лишь мертвая маска его, растение съ обрѣзанными корнями. „Что такое отдѣльное „я“? Что такое всѣ „мы“? Мы огненные искры, носящіяся въ эфирѣ Божества“.

Освобождать человѣка отъ такой обусловленности—все равно, что освобождать его отъ воздуха, которымъ онъ дышитъ, отъ земли, по которой онъ ходитъ. Это освобожденіе отъ самой жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Личное „я“, какъ источникъ интуитивнаго познанія міра.

I.

Непосредственное отношеніе къ міру есть единственный правильный устой въ жизни. Въ книгѣ „Герои и гер. въ исторіи“ Карлейль выдвигаетъ какъ основной элементъ героизма ту способность прямого непосредственнаго взгляда въ глубь и шири жизни, то самопроизвольное живое проникновеніе въ эти глубь, которыя вырабатываютъ собственное, личное, впервые вносимое въ жизнь, новое отношеніе къ міру. Такая способность прямого взгляда, пытливости и самобытнаго проникновенія предполагаетъ въ человѣкѣ искренность, твердость, прямоту и спокойное величіе души. Слабое большинство беретъ лишь то, что даютъ, сильный же или, по терминологіи Карлейля, герой поднимается до противопоставленія себя міру, ищетъ личнаго пути къ разрѣшенію своихъ вопросовъ и находитъ собственные отвѣты въ мірѣ на личные вопросы и исканія. Такими сильными были: Одинъ, Магометъ, Моисей, позднѣе—Дантъ, Шекспиръ. Для человѣка такого склада нѣтъ ничего выработаннаго, рѣшеннаго, тако-го, что можно взять по традиціи и успокоиться. Тайну своего индивидуальнаго существованія сильный противопоставляетъ тайнѣ міра; заново беретъ на свои плечи все бремя задачъ, надъ которыми труди-

лось человечество, на своем собственном „я“ повѣряет ихъ, подымаетъ всѣ завѣсы проблемъ и тайнъ и смотритъ глазами въ глаза каждой изъ нихъ. И если ужъ въ результатѣ всего выносить онъ изъ жизненной борьбы и исканій свое „Вѣчное Да“, то это „Да“ становится таковымъ и для жаждущихъ и немощныхъ духовно толпъ, а носителя его называютъ пророкомъ, вождемъ или великимъ поэтомъ.

То, что Карлейль считаетъ возможнымъ для немногихъ, Эмерсонъ утверждаетъ—для всѣхъ. Потокъ жизни для каждого долженъ литься во всей своей стихійной силѣ. Жизнь надо брать изъ рукъ самой природы, не отходя отъ ея свѣжихъ просторовъ и таинственныхъ безднъ за стѣну человеческого. Рожденный, явившійся на землю, долженъ, какъ Магометъ, какъ Одинъ, какъ Христосъ, почувствовать загадочное начало своего жизненного потока въ общемъ теченіи мірового бытія, приникнуть къ священной тишинѣ его тайнъ, ощутить трепетъ радости всего живого въ каждомъ лучѣ, стеблѣ, въ каплѣ воды. Стать передъ лицомъ творенія, какъ Тайна передъ Тайной.

„Человѣкъ, хотя помѣщенный, какъ кажется, въ маломъ видимомъ,—говоритъ Карлейль,—тѣмъ не менѣе простирается въ безконечныя глубины Невидимаго, воплощая его своей жизнью“.

Что-то заставляетъ человеческое сознание искать отвѣта на вопросы о мирѣ не внѣ себя, а внутри, въ самой глубинѣ себя... Эмерсонъ и Карлейль объясняютъ это существованіемъ особаго лада, соответствія, тихой гармоніи между внутреннимъ существомъ человѣка и жизнью міра. Отъ этой гармоніи можно далеко отойти въ сторону, предпочесть широкой дорогѣ всеміровой жизненности узкую тропинку мелкочеловѣческаго. Но порвать съ этой гармоніей навсегда—нельзя. Наше внутреннее срослось съ ней. Во внѣшнемъ мы видимъ, какъ человечество удаляется отъ согласія съ общей жизнью міра, становится слѣпымъ и глухимъ къ его жизненному трепету. И Эмерсонъ жалуется на это отпаденіе человѣка отъ пантеистической общности съ вселенной: „Отчужденіе отъ природы,—говоритъ онъ,—совершается вмѣстѣ съ отчужденіемъ отъ Бога, мы не понимаемъ языка птицъ“ и пр. Эти жалобы напоминаютъ сѣтованія нашего поэта-пантеиста Тютчева:

Невозмутимый строй во всемъ,
Созвучье полное въ природѣ,
Лишь въ нашей призрачной свободѣ
Разладъ мы съ нею сознаемъ...

Но для Эмерсона живой выходъ есть. Безчисленныя нити соединенія проведены между человѣкомъ и міромъ. „Въ раздробленности

единства природы,—читаемъ мы у него,—въ каждомъ отдѣльномъ явленіи чувствуется какой-либо элементъ нашего „я“. Углубленное внутреннее сознаніе помогаетъ тайныя нити этой связи выявить наружу и тѣмъ самымъ объективировать для мыслящаго „я“ темныя основы существованія, единныя и въ общемъ и въ частномъ. Здѣсь залогъ возможности подойти вплотную къ живой истинѣ о мірѣ, ибо путь къ ней не черезъ мертвую отвлеченность сухихъ теоретическихъ выводовъ, не въ собираніи разрозненныхъ и взятыхъ лишь наружно эмпирическихъ данныхъ, а черезъ таинственную полноту личныхъ внутреннихъ переживаній, которыми и дана человѣческому сознанію сама тайна. Философъ въ данномъ случаѣ имѣетъ дѣло только съ данными внутреннего опыта, т.-е. съ чувствами и переживаніями.

Подступать къ такого рода объектамъ познания со средствами эмпирика—то же, что ловить въ лукошко солнечный свѣтъ. И Эмерсонъ какъ бы хочетъ напомнить: не забывайте объ единственномъ орудіи познания,—тайна жизни общей отражается въ тайнѣ жизни вашей, извлеките ее изъ глубины себя. То, что вы хотите понять и осознать внѣ себя,—скрыто и въ васъ самихъ. То, что движетъ потокъ жизни вокругъ, движетъ и ваше существованіе и является причиной вашего существованія и мышленія. Исходите же отъ тайны, внутри васъ заключающейся, къ тайнѣ разлитой и животворящей все вокругъ васъ. Тогда будутъ открытыми и внимательными вашъ слухъ и ваше зрѣніе. Отвлекъ же отъ этого внутреннего опыта значить искать познания, лишивъ себя предварительнаго слуха и зрѣнія.

„Предшествовавшія поколѣнія созерцали природу и Бога лицомъ къ лицу. Почему бы и намъ тоже не поставить себя въ первоначальное непосредственное отношеніе ко вселенной? Почему бы намъ не имѣть поэзіи и философіи, вычерпнутыхъ изъ жизненныхъ глубинъ внутреннимъ проникновеннымъ зрѣніемъ, и, религію, какъ откровеніе, а не одну исторію ея. Вѣдь солнце и нынче свѣтитъ. На поляхъ сейчасъ больше шерсти и льна. Будемъ же жить собственнымъ творчествомъ, собственными законами и собственнымъ поклоненіемъ“ („Опыты“).

Это — заповѣдь возврата къ нашему „я“. Нашу жажду можетъ напоить единственно лишь наша же внутренняя жизненная глубина. Чтобы увидѣть свѣтъ, откройте въ жизнь ваше собственное окно. Каждый живетъ изнутри самого себя. Такъ мы созданы. Нищихъ въ жизни нѣтъ, никто не въ силахъ дать полноту жизни другому; милостыню давать некому.

Передъ каждымъ—своя дорога постиженій и исканій, чтобы идти по ней впередъ и впередъ. „Я,—говоритъ о себѣ Эмерсонъ,—

не знающій конца искатель, безъ всякаго бремени прошедшаго за спиной“.

Результатомъ такого жизненнаго странствованія по своей дорогѣ явилась вся книга Карлейля, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Она есть свидѣтельство его переживаній объ истинѣ. Какъ страницы лирики истиннаго поэта являются собой отраженіе самой книги бытія, такъ у Карлейля книга философскаго творчества выросла изъ глубинъ бурныхъ и напряженныхъ его переживаній, являясь и субъективнымъ и объективнымъ въ одно и то же время свидѣтельствомъ его истины. Субъективнымъ потому, что она лично выношена и пережита. Объективнымъ потому, что истина эта явилась результатомъ слѣдованія по тѣмъ путямъ, на которые вывело его руководство самой жизненной Воли, помимо его предназначеній и желаній. Не самимъ авторомъ это придумано, *а создано въ немъ жизнью*. Это сторожило его на путяхъ бытія, какъ цѣль, о которой онъ не подозревалъ. Незримый садовникъ возвращалъ въ немъ цвѣты познанія, которые внезапно развертывались передъ его взглядомъ. Оставалось только раскрыть свое внутреннее и явить міру его цвѣты.

Больше ничего писатель, по Эмерсону, не долженъ дѣлать. Не выдумывать, а просто дать то, что таится въ глубинѣ его чувства жизни,—вотъ задача писателя. Кромѣ субъективныхъ постиженій намъ дать нечего. Каждый замкнуть самимъ собой. Но поскольку жизнь каждаго человѣческаго „я“ объемлетъ общимъ потокомъ жизни, являясь въ своей сущности одной и той же—и въ человѣкѣ и внѣ его, постольку субъективное свидѣтельство о жизни есть и объективная истина о ней. И, такимъ образомъ, имая личное „я“ человѣка, глубочайшія глубины его—есть источникъ постиженія міра и его тайнъ. Тотъ, кто одаренъ силой раскрыть во внѣ подлинную сокровищницу своего духа,—даритъ міръ простой и глубокой истиной о немъ. Въ этомъ смыслѣ поэты и художники есть проводники въ міръ священныхъ родниковъ тайнъ.

„Познавательную силу имѣетъ для насъ ощущеніе того, что высказанная идея извлечена изъ субъективнѣйшихъ глубинъ души автора“ (Эмерсонъ). Величайшая субъективность есть источникъ объективной правды. У поэтовъ и мыслителей мы ищемъ именно ихъ личной подпольной истины, брызнувшей наружу, какъ подземный ключъ изъ горной глубины. Не ясно ли отсюда, что если глубочайшая субъективность мысли одного жадно, какъ откровеніе общей истины, усваивается другимъ, то, значитъ, истина—одна для всѣхъ. Все объемлется однимъ русломъ. Все углубляется къ одной глубинѣ.

Исходя изъ этой идеи, Эмерсонъ оригинально опредѣляетъ талантъ и сущность творческаго процесса.

Самое драгоценное въ творческомъ дарѣ писателя лежитъ глубоко внутри его. И внѣшней напряженностью души здѣсь ничего не достигнешь. Только произвольное раскрытіе творящаго духа дастъ возможность возникнуть зрѣлому плоду его, являющему въ своей истинѣ частной—всеобщую, въ субъективномъ—объективное. Не сознательность, а творческій инстинктъ владѣютъ волей художника,—вдохновеніе, и онъ можетъ только сказать:—мой часъ насталь. Такъ, Пушкинъ въ прекрасную пору своего интенсивнаго творчества въ уединеніи села Михайловскаго писалъ: „Душа моя расширилась,—я творю“.

Творить для поэта значить быть самимъ собой, проявить истинную свою сущность, быть послушнымъ внутреннему толчку, двигающему по пути наименьшихъ препятствій. Въ такомъ безыскусственномъ и безусленномъ трудѣ выразятся тѣ начала, которыя скрыты глубже внѣшней индивидуальности поэта и заключаютъ въ себѣ связь со Всѣмъ-міра.

„Лучшая часть каждаго писателя, въ которой ничего частнаго не заключается, есть то, чего онъ не знаетъ и что истекло изъ его природнаго склада. Причемъ всѣ мучительные труды излишни и бесплодны; только въ легко-совершаемомъ, простомъ и естественно-произвольномъ дѣяніи мы сильны и божественны. Талантъ есть сила слѣдованія призванію къ легчайшему и прекраснѣйшему для писателя“... И здѣсь—дорога всѣхъ встрѣчъ, ибо—„всѣмъ индивидуумамъ присущъ одинъ духъ“.

Эмерсонъ предъявляетъ къ творчеству поэта тѣ требованія, какія ставили всѣ истинные художники: Уайльдъ и Шелли въ Англіи, Флоберъ и Бодлеръ во Франціи, Гёте въ Германіи и т. д. Это требованіе художнику: будь вѣренъ самому себѣ, исходи изъ задачъ и потребностей, родившихся въ глубинѣ твоей души и собственнаго творческаго твоего замысла; прислушивайся лишь къ своей душѣ, ибо нѣтъ въ мірѣ никого и ничего, что могло бы *извне помочь* твоему созданію родиться изъ нѣдръ твоего духа. Въ творествѣ поэтъ замкнутъ самимъ собой, и чѣмъ ближе онъ будетъ къ своему внутреннему, чѣмъ глубже уйдетъ въ свою субъективную замкнутость, тѣмъ для всего человѣчества будетъ цѣннѣе и необходимѣе его даръ. Ибо, какъ уже сказано, на самомъ днѣ истины субъективной хранится—объективная.

Пусть поэтъ въ безуміи своихъ фантастическихъ образовъ и грезъ оторвался отъ всего земнаго, порвалъ послѣднюю связь съ міромъ, ушелъ въ башню, гдѣ одиночество его абсолютное. Но—какъ въ представленіи Ницше о древне-эллинскомъ поэтѣ Архилохѣ—художникъ субъективныхъ грезъ въ наибольшей глубинѣ ихъ вдругъ выходитъ на широкую дорогу общихъ пространствъ стихійной жизни,

приникает ко всему живому и становится всё́мъ понятенъ и близокъ. Въ мелодіяхъ его души начинаютъ звучать мотивы, родственные всей разлитой въ міръ жизни, служащіе отголоскомъ первоначальныхъ, близкихъ всему живому чувствъ и настроеній.

Отсюда слѣдуетъ прямой выводъ: человекъ, какъ сознательная частица мировой тайны, долженъ выразить ее собой, своей жизнью, своимъ творчествомъ. Эмерсонъ въ этомъ конечномъ выводѣ сливается съ Карлейлемъ въ своемъ утвержденіи. „Человекъ есть божественная идея“, онъ причастенъ высшей абсолютной цѣльности мирового строя и, слѣдовательно, онъ реаленъ именно въ этомъ внѣвременномъ и безпространственномъ чистомъ бытіи, а не въ круговоротѣ внѣшняго теченія переживаній. „Нѣтъ Времени и нѣтъ Пространства,—воскликаетъ Карлейль,—мы сами не знаемъ, что такое мы—огненные искры, носящіяся въ эфирѣ Божества“. Карлейль уничтожаетъ „Прежде“ и „Потомъ“, утверждая безпредѣльное, ничѣмъ не ограниченное „Вѣчное Теперь“. Точно такъ же Эмерсонъ, утверждая сознание человека передъ лицомъ Вѣчности и ея тайнъ, тѣмъ самымъ освобождаетъ это сознание отъ всѣхъ ограниченій въ его проникновенномъ воспріятіи чистаго бытія.

И съ этимъ сочетается яркая интенсивность жизнеощущенія и сіяніе чистѣйшей Радости жизни. Познание бытія внутреннимъ чувствомъ и Радость жизни—это одно и то же. И то, и другое уничтожаетъ ощущение времени, бремя его размѣреннаго теченія. Все, что заставляетъ въ насъ звучать струны внутреннего строя, какъ бы переноситъ насъ изъ дѣйствительности внѣшней—въ иную абсолютную вѣчную дѣйствительность, въ которой человекъ не просыпается отъ духовнаго экстаза, отъ опьянѣнія высшей мудростью и красотой—для трезвыхъ будней, а пребываетъ въ этомъ чистѣйшемъ эфирѣ переживаній. Это положеніе Эмерсона напоминаетъ легенду Лонгфелло объ аскетѣ, который, размышляя о непостижимой для человѣческаго сознанія проблемѣ вѣчности, вышелъ на закатѣ въ ближній лѣсъ и заслушался внезапно дивнаго пѣнія невѣдомой птицы въ вѣтвяхъ деревьевъ. Когда пѣніе кончилось, монахъ возвратился, превращенный изъ юноши въ глубокаго старца и не узнавая измѣнившагося монастыря и монаховъ въ немъ. Оказалось, что пѣніе птицы длилось вѣкъ, и духовно очарованный монахъ въ теченіе длившагося пѣнія пребывалъ силою своего очарованія внѣ времени, въ чистомъ потокѣ переживаній. Такъ постигъ онъ идею абсолютной вѣчности и бытіе этой вѣчности.

Въ сущности, не заключается ли въ основѣ лирическаго и художественно-эпического творчества всѣхъ поэтовъ міра—стремленіе въ интенсивности высшихъ жизненныхъ переживаній избавиться отъ

тяжести времени, отъ ига его? Одинъ изъ поэтовъ—Бодлеръ—прямо выразилъ эту идею въ одномъ изъ своихъ стихотвореній въ прозѣ: „Опьяняйтесь,—говоритъ онъ тамъ,—всегда и неустанно опьяняйтесь поэзіей, виномъ, наслажденіемъ—по своему выбору, *чтобы не быть измученными рабами времени*“. И, просыпаясь отъ опьянѣнія во рву или въ стѣнахъ комнаты и глядя въ пустоту текущихъ волнъ времени, не захватывающихъ вашу душу могучей полнотой ощущенія жизни, спросите у звѣзды, у вѣтра—и они отвѣтятъ вамъ то же:—спѣшите опьяниться, дабы получить хоть иллюзію, хоть суррогатъ наплыва чувствъ...

Всѣ средства забвенія, дающія „искусственный рай“, освобождающія отъ пустоты, отъ времени разрушительнымъ напряженіемъ нервныхъ силъ, порождены стремленіемъ человѣка освободиться отъ ограниченной внѣшней реальности, раствориться въ чистомъ потокѣ бытія. Вино, гашишъ, опиумъ, оргіи утонченнаго сладострастія, жажда приключеній, опасностей—во всемъ стремленіе сбросить проклятіе ограниченности, прорваться въ океанической разливы чистаго бытія, утонуть, раствориться въ этомъ разливѣ, слить частный ручеекъ своего „я“ съ полноводнымъ моремъ общей міровой жизни.

Этой цѣли, согласно идеямъ Эмерсона, служитъ творчество художника, какъ выразителя изъ глубинъ субъективнаго духа—объективной истины, какъ соединительной нити между частнымъ и общимъ. Основной же аргументъ философа, на которомъ строится все это утвержденіе, тотъ, что каждое духовное движеніе вводитъ насъ въ неограниченную чистую дѣйствительность.

II.

„Молчаніе и Тайна. Алтари должны были бы еще и теперь воздвигаться для всеобщаго имъ поклоненія“.

Это тихое начало безпредѣльно царствуетъ въ природѣ. Человѣкъ изъ душевой своей смятенности можетъ прислушаться къ глубокой и вѣщей безгласности открытыхъ тайнъ въ жизни природы.

Синева бездоннаго купола лѣтняго неба, закрывающаго міръ, прозрачная, какъ живыя воды вселенскаго океана, мирная и сіяющая,—есть живой образъ молчанія и тайны.

Подъ синей бездною ээира—вершины деревьевъ, скаты холмовъ, поросли травъ, пространства долинъ—все исполнено вѣщей таинственной тишиной, которая глубже и сильнѣе всѣхъ криковъ суеты и безсильной смятенности. Эти крики утопаютъ, растворяются въ великой тишинѣ мудраго покоя природы, словно ждущей безмолвнаго по-

явленія изъ спутанныхъ чащъ бога Пана. Не бездонная ли тишь эфирной синевы неба напоила эти лѣса и поля такой вѣщей мудростью покоя и мира?

„Молчаніе и Тайна. Молчаніе есть сфера, въ которой великія вещи образуются.—Окружи себя молчаніемъ—и два нѣмыхъ работника (Тайна и Молчаніе) выметутъ внутри души твоей всѣ обломки и мусоръ. Рѣчь есть искусство души и изгонять мысль“.

То же, что у Карлейля образной прозой—у Тютчева передано стихами:

— Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои.
...Мысль изреченная есть ложь,
Взрывая, возмутишь ключи,
Питайся ими и молчи.

Нужно ли говорить, что такая замкнутость душъ и у поэта, и у обоихъ мыслителей предполагаетъ выходъ изъ нея въ свѣтлые просторы космическаго, что она обусловлена этимъ общеніемъ души съ мировымъ стихійнымъ началомъ. Душа какъ бы уходитъ въ тѣ свои внутренніе покои, гдѣ, какъ въ картинѣ Бернъ-Джонса „Церера“, прямо съ порога жилища открывается блистающее пространство моря. Въ струяхъ его мы обрѣтаемъ вѣчную свѣжесть и юность и, по выраженію Эмерсона, „словно впервые существуемъ и становимся безсмертными“.

Оттуда, со дна этого моря вселенской всеобщности, поднимаются прекрасныя жемчужины творчества. Замыкаясь въ своемъ одиночествѣ, поэтъ изъ послѣднихъ покоевъ своего внутренняго „я“ вступаетъ въ шири жизненнаго океана, плещущаго волнами у самаго порога этихъ покоевъ „я“, океана, у котораго нѣтъ береговъ. И творчество поэта, личное, индивидуальное творчество, есть объективное познаніе міра. Эмерсонъ рисуетъ этотъ процессъ, какъ „отливъ индивидуальнаго ручейка передъ вздымающимися волнами и пучинами моря“. Частное становится образомъ всеобщаго и твореніе становится откровеніемъ. Поэтъ обладаетъ даромъ предѣльнаго синтеза, гармоническаго сведенія отдѣльныхъ воспринятыхъ сторонъ міра къ живому единству, гдѣ отражается міръ въ его цѣлокупности.

Выявляя себя, свое подлинное высшее „я“, поэтъ творитъ въ міръ Бога, ибо объективируетъ въ произведеніи жизненное начало міра.

Ни доказывать, ни убѣждать поэту не нужно. Онъ самъ и внутренніе ростки его идей, замысловъ и созерцаній— есть живое свидѣтельство мудрости и тайнъ міра. Нужно только, какъ это дѣлалъ

Эмерсонъ, „представлять и утверждать непосредственно изъ камеръ-обскуры своего духа видѣнія міра, какъ онѣ въ немъ запечатлѣны“.

„Дай мнѣ соткать, — обращалъ философъ „свою молитву къ невидимому Духу, — нѣсколько ярдовъ миль здороваго шнура, — клубокъ путеводной нити къ одной царственной истинѣ“.

Созданіе этой нити — актъ величайшаго наслажденія. Центръ жизни — познаніе ея сокровенныхъ тайнъ. Человѣкъ — есть живая нить путеводнаго клубка къ истинѣ. Что такое, отсюда, жизнь, какъ не верховнѣйшее наслажденіе? Это — прямой выводъ изъ ученій обоихъ философовъ. Въ основѣ этихъ ученій — безбрежный оптимизмъ. Жизнь — само благо, жизнь — само наслажденіе, она сполна утоляетъ безпредѣльнѣйшую жажду человѣка.

Для того, кто не насилывалъ своей сущности, кто нашелъ ея прямые пути, — нѣтъ въ жизни самыхъ верховнѣйшихъ мечтаній, которыхъ бы она не удовлетворяла.

Герой „Sartor Resart.“ внезапно приходитъ къ этой истинѣ, освѣщающей его сознаніе, послѣ всѣхъ горькихъ сѣтованій на обиды и несправедливости міра, на бѣдствія, нужду и вѣчное свое неустройство.

Не можетъ быть, чтобы величайшія блага жизни, сіяющія для души человѣка, зависѣли отъ внѣшнихъ условій, чтобы нѣчто внѣшнее могло по слѣпому произволу одарять ими или лишать ихъ человѣческое „я“. Не можетъ быть, ибо чего же тогда эти блага стоятъ?

„Жить и бѣдствовать, — восклицаетъ Тейфельсдрекъ, — но развѣ ты коршунъ, который летаетъ по всей вселенной, ища лишь чего-нибудь поѣсть и жалобно крича, потому что ему не дали достаточно падали?“

Для Тейфельсдрека уже звучитъ музыкой, наполняющей всю вселенную, идея священной и независимой полноты жизненнаго мгновенія, какъ тайны, несущей съ собой и свое живое разрѣшеніе. Это та идея, которую Метерлинкъ приписалъ Эмерсону, какъ новому пастырю зеленыхъ равнинъ оптимизма, и которая въ то же время со страницъ Карлейля послужила основнымъ толчкомъ Эмерсону для его странствій по этимъ зеленымъ равнинамъ.

„Вѣчное Да“ міру прозвучало изъ устъ героя Карлейля, когда герой этотъ выбрался изъ чернаго лабиринта сомнѣній, хаоса, тоски и мертвеннаго отпаденія отъ всѣхъ ключей жизни, когда передъ нимъ спала съ міра сѣрая пелена облекавшихъ его недоумѣній и міръ засіялъ во всей свѣжести своего таинственнаго цвѣтенія, въ первобытной и абсолютной оправданности своего бытія. „Вѣчное Да“ Тейфельсдрека, обнявшаго созерцаніемъ и ощущеніемъ полноту каждаго мгно-

венія, дающаго въ себѣ Вѣчность какъ капля-океанъ,—звучало утвержденіемъ жизни въ ея цѣломъ, поверхъ всѣхъ внѣшнихъ и частныхъ диссонансовъ.

Мертвые покровы съ жизни были сняты и подъ ними блеснули настоящіе—цвѣтушіе и радостные. Открылся глубокой, бездонный и зеркально-ясный потокъ для жизненасыщенія въ прекрасныхъ садахъ жизни, и Тейфельсдрекъ убѣдился, что въ виду такихъ богатствъ, даруемыхъ ею, сѣтовать на все остальное невозможно. Если въ мірѣ есть осуществленіе высшихъ мечтаній души, если она подымается на непостижимую высоту къ трону живого Духа, то философъ готовъ признать прекраснымъ все, что есть, и позабыть о всѣхъ терніяхъ, изранившихъ въ пути его ноги. Какъ царь, увѣнчанный алмазами короны, онъ не вспомнить о потерянныхъ мелочахъ. *Прекрасно,— скажетъ онъ,— все, что есть, благословляю жизнь во всѣхъ ея бѣдствіяхъ и ранахъ, ибо ничто въ ней не закроетъ верховной царственности человѣческаго духа, но все идетъ навстрѣчу ея осуществленію.* Вѣдь онъ не коршунъ, ищущій только пищи, и въ жизни онъ влечется къ другому.

Жить—это вдыхать красоту и познаніе, принять съ жизнью даръ ея мудрости и даръ ея тайнъ. Величайшее—съ жизнью уже дано.

Но карлейлевское оптимистическое разумѣніе жизни вноситъ дополняющую поправку въ мысль Эмерсона о самоцѣнности и святости каждаго жизненнаго мгновенія. Конечно, каждый день—чистъ и свѣтелъ и всѣ—отъ царя до ремесленника—обладаютъ *однимъ и тѣмъ же даромъ жизни.* Шелестъ листьевъ, звонъ ручьевъ, свѣтъ солнца, трепеть космической жизни—это единое для всѣхъ. И тайна всего этого—одна и та же для всѣхъ. Но дни человѣческіе прекрасны въ ихъ стихійно-мистической обусловленности міровымъ цѣлымъ, а не въ содержаніи узко-человѣческомъ, и прекрасны они такъ для того, чтобы наполнить ихъ возвышенными и ведущими вверхъ, на вершины жизни и духа, переживаніями. Не мелкія теченія жизни людей прекрасны въ дняхъ, а стихійный потокъ живого дня, его глубь, открытая для жизни и сама трепещущая вселенской жизнью. Карлейль объ этомъ сурово напоминаетъ.

Для великаго свершенія открыть день жизни. И въ душѣ человѣческой есть таинственное предвѣстіе объ ея смутномъ величій, томленіе по какой-то высотѣ, непостижимое, но и неодолимое. Тайна дня сіяетъ не для тупого прозябанія человѣка, но для истинной жизни, полной и священной, озаренной красотой и силой. *И каждая душа должна взойти на свой тронъ, быть рядомъ съ великимъ духомъ.* Не исполнившій этого, погрязшій въ мелкой топи будней и скудости

жизненной,—оставил мертвыми ростки своих душевных и жизненных возможностей.

Зналь ли Карлейль эту сияющую окрыленность и радость жизни?

Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ „Sartor Resart.“, опредѣляя носителя такихъ чувствъ.

„Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, кому подъ болѣе грубой или болѣе чистой формой благоволила открыться Божественная идея Вселенной и осіять душу несказаннымъ благоговѣніемъ и красотой, благодаря чему такой справедливо называется Пророкомъ, Боговдохновеннымъ“...

„Къ такимъ, сквозь грубые и бѣдные покровы ихъ жизни, постоянно доносятся звуки изъ дальней страны, доносятся ея красоты и ужасы только по одному тому, что каждый изъ нихъ—человѣкъ и храмъ необъятности, въ который онъ, какъ человѣкъ, былъ посланъ для священнослуженія“.

Даромъ жизни, даромъ рожденія мы посланы въ бытіе, какъ въ храмъ для свершенія богослуженія. И на каждомъ должны быть ризы этого великаго служенія. Но и храмъ земли, и человѣкъ — эта, по опредѣленію Новалиса, колонна Храма—оскверняются и высокія ихъ цѣли забыты. Лишь изрѣдка проходятъ по землѣ Боговдохновенные, эти сладкогласные Орфеи жизни. „Одинъ изъ нихъ,—говоритъ Карлейль,—нашъ высочайшій Орфей странствовалъ по Іудеѣ 18 вѣковъ назадъ“.

Боговдохновенные несутъ съ собой мудрость ясной дѣтски-чистой души, крылатой и дѣтски-восторженной радости. Они даютъ намъ драгоценное знаніе объ истинномъ ликѣ міра, и этотъ ликъ весь свѣтлый, весь озаренный яркими лучами вѣчнаго возрожденія и вѣчной весны. Недаромъ такъ цѣнится людьми, такъ волнуетъ ихъ души вѣщее пѣніе поэтовъ-Орфеевъ, творчество богатой души, которое есть не что иное, какъ познаніе міра. Вѣдь это Познаніе возвращаетъ отпавшаго отъ гармоніи міра человѣка къ радостно-сіяющему безбрежному единству. Всѣ свидѣтельствовавшіе объ этой истинѣ согласно сливали съ ней постиженіе Верховной красоты—и Платонъ, и Францискъ Ассизскій, и всѣ поэты, и величайшій изъ Орфеевъ, сіяющій въ тишинѣ Орфей Галилеи—Христосъ—Благовѣстникъ.

Такъ какъ для человѣка нѣтъ бездумнаго, бессознательнаго прінятія Гармоніи, которая существуетъ для животныхъ, деревьевъ и растений, то постиженіе этой гармоніи должно быть актомъ высочайшаго духовнаго напряженія. Въ зависимости отъ творческой силы духа мы болѣе или менѣе отклоняемся отъ вселенскаго единства. Чѣмъ шире и окрыленнѣе творчество, тѣмъ ближе оно къ Единому океану жизни, чѣмъ дальше,—тѣмъ бѣднѣе оно и мрачнѣе. И въ соотвѣтствіи съ этимъ ликъ міра то поражаетъ нашу душу своей сѣ-

ростью, грубостью, своимъ дикимъ настроеніемъ, то, наоборотъ,— какъ это бываетъ у величайшихъ поэтовъ, — блещетъ въ глаза несказаннымъ блескомъ живительной гармоніи, чудесной тайной жизненнаго трепета и загадкой таинственныхъ вѣчныхъ далей.

Поэтъ этотъ, по выраженію Карлейля, первосвященникъ міра, не долженъ облекаться въ черныя одежды ужаса, смиренія и покаянія, а въ бѣлыя свѣтлыя ризы, праздничныя, какъ солнечный воскресный день. И возвѣщаетъ поэтъ не о мракѣ хаоса, не о дняхъ безславнаго страшнаго Суда, воздвигающаго царство вселенской инквизиціи, а о невинной радости жизненнаго становленія, о весеннемъ воздухѣ яснаго міра, который пьютъ люди, звѣри, деревья и птицы.

„Поэтъ образуетъ новые символы и съ ними водворяетъ небо на землѣ“. Онъ очищаетъ людское сознаніе, дѣлаетъ его прозрачно-яснымъ, и тогда человѣкъ открываетъ глаза на эту несчастную опозоренную землю, повитую саванами скорби и скуки, и видитъ, что небо—бездонно, что море—священно, что деревья—мудры, а трава и воздухъ прекрасны, что вся земля красива, какъ жилище нетлѣнныхъ духовъ, и что только кошмарное ослѣпленіе заставило принять эту землю въ свѣтѣ темнаго и тяжелаго томленія, какой она бываетъ для тысячъ и тысячъ людей.

Здѣсь вѣетъ отчасти духомъ ученія Рескина, противъ котораго Карлейль въ старости непонятно почему брюзжалъ. Рескинъ также строилъ свою аргументацію на томъ, что если міръ таинствененъ и прекрасенъ и если природа и творчество глубокихъ душъ свидѣлствуютъ объ этомъ, то существующій строй жизни—позоренъ и нужно создать иной, соответствующій красотѣ міра и священной мудрости его бытія.

Строители будущаго—поэты и пророки, и къ нимъ обращаетъ завѣтъ свой философъ: „Если хочешь сажать на годъ, то обращай къ мелкимъ поверхностнымъ способностямъ человѣка; если хочешь сажать для вѣчности, то сажай въ глубину чувствъ и сознанія человѣка“.

Радостно свѣтитъ глазу человѣческому блескъ жизненнаго откровенія въ росинкахъ поэзіи, въ глубокихъ водахъ просвѣтленной мысли. Подлинное свидѣтельство творческаго духа горитъ, какъ радуга, свѣтомъ отраженной міровой гармоніи.

Въ солнечный день въ саду на страницѣ развернутой книги трепещетъ бѣглый блескъ свѣтовыхъ пятенъ и дрожанье тѣней вѣтокъ и листьевъ. Такой же радостью солнечнаго дня должна быть пронизана глубина творческой книги. Эмерсонъ чутко понялъ и высказалъ подобное желанье:

„Книга, которую я пишу, должна отдавать запахомъ сосновыхъ

лѣсовъ и звучать отголосками насѣкомыхъ. Ласточка подѣ моимъ окошкомъ должна каждую нитку или соломинку, которую она принести въ своею клювѣ, вплетать и въ ткань моего духа“ („Опыты“).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Покровы и Сущее.

1.

...„Этотъ громадный трудъ объ одеждѣ—нѣчто вродѣ большой смоляной плошки, которую Тейфельсдрекъ зажегъ на своей одинокой сторожевой башнѣ, чтобы она далеко свѣтила среди Ночи для блуждающихъ въ отчаяніи душъ“.

Герой книги Карлейля самъ зналъ это блужданіе въ отчаяніи, какъ и авторъ въ тѣ дни, когда, выражаясь метафорическимъ языкомъ страницъ его книги, покровы вещей такъ опутывали его сознаніе, что онъ послѣ отчаянныхъ усилій долженъ былъ прорвать въ нихъ отверстіе, чтобы вдохнуть свѣжій глотокъ воздуха.

Отверстіе, какъ оказалось, было сдѣлано въ безпредѣльность. И скиталецъ Карлейля, изнемогавшій отъ мертвенной пустоты міра и уже готовый молиться „Вѣчному Нѣтъ“, сдѣлалъ открытіе, отъ котораго пришелъ въ восторженное изумленіе.—А, такъ нашъ островокъ—не предѣлъ всего, за нимъ открываются еще безграничныя дали. И человѣкъ—не только то, что онъ носитъ на себѣ, и общественныя отличія костюма не опредѣляютъ его окончательно. И гигантскій потокъ торговой и торгашеской суеты—не есть послѣдняя цѣль существованія. И ликъ міра, подобнаго чудовищной, автоматически движущейся машинѣ,—не есть подлинный и дѣйствительный. И дыханіе живой жизни не испаряется окончательно здѣсь—на этомъ рынкѣ, на этой биржѣ, а имѣетъ связь съ безграничными океанами жизни, на поверхности которыхъ всплылъ этотъ минутный человѣчскій кошмаръ.

Итакъ, дѣйствительность базара, тюрьмы, насилій, бойни и мертвой суеты не есть начало и конецъ, изъ которой выхода нѣтъ, въ

которой остается только задохнуться. Это—не міръ. Это мертвые покровы міра. И мы сами же оказались пряжами этихъ покрововъ. Разъ изготовленные, они поступаютъ въ фатальное неотвратимое наслѣдіе для слѣдующихъ поколѣній. И новые юные люди, вступая въ жизнь, окунаясь въ непосредственность движенія рынковъ, вертеповъ и всего этого мутнаго потока жизни, а также въ ученія о мірѣ-машинѣ, — надѣваютъ на себя сѣрые покровы безжизненности. Такъ саваны смерти готовятъ у насъ не только для мертвыхъ, но и для живыхъ.

— Міръ живъ,—открылъ измученный Тейфельсдрекъ. — Срывайте мертвые покровы—подъ ними живой міръ. И вотъ, всѣ одѣянныя со всего міра, созданнаго и настроеннаго людьми, снялъ Тейфельсдрекъ. И остался міръ—внѣ человѣческаго, въ первобытной наготѣ.

Этотъ порывъ изъ духоты человѣческаго на просторъ мірового не родствененъ ли у Карлейля и Ницше? Ёдкой ироніей сметааетъ Карлейль твердыни общественныхъ установленій, онъ снимаетъ съ судьи его красную одежду, съ короля—порфиру, съ денди—фракъ, съ нищаго—рубашку и, выстроивъ передъ собою рядъ жалкихъ нагихъ фигуръ, тщетно пытается отличить короля отъ нищаго. Отъ „человѣческаго“ мыслитель восходитъ по ступенямъ все высшаго отвлеченія. Послѣдній выводъ: въ мірѣ нѣтъ ничего, что не было бы символомъ духа, проявленіемъ, покровомъ его. Сама матерія, „какъ бы она ни была презрѣнна, есть духъ, есть проявленіе духа“.

Нужно вспомнить, какой огромный скачокъ сдѣлалъ Карлейль отъ представленій о мірѣ Гольбаха и Ламеттри, матеріализмъ которыхъ онъ яростно старался себя привить, къ новому понятію о мірѣ—тайнѣ. И нужно также имѣть въ виду, что переходъ этотъ былъ сдѣланъ не только разсудочно, но что Карлейль пережилъ его и разумомъ, и чувствами, и всей полнотой всего жизненнаго „я“. Новый путь открылся съ той убѣдительною, неотразимою и простой, какую даетъ непосредственный захватъ переживаніями. Что сдѣлалъ Карлейль въ данномъ случаѣ? Онъ отвѣтилъ бы: я только увидѣлъ то, что есть. Я бѣлое назвалъ бѣлымъ.

И разъ познавъ это настолько ясно и могущественно, онъ навсегда остановился на идеѣ, ставшей для него откровеніемъ. Эта идея отрицаетъ всѣ прошлыя вѣрованія и утверждаетъ то, что имъ противоположно и враждебно. Матеріалистическое „Знаю“ она замѣнила мистическими „Не знаю“ и смутно сіяющимъ въ душѣ „Чувствую“.

Его основная вѣра, то, отъ чего онъ теперь идетъ, на чемъ утвердился: мысль, что сознаніе наталкиваетъ на невѣдомое, на

внѣшне-непознаваемое, на Тайну. Во всемъ можетъ онъ сомнѣваться, все находить призрачнымъ, но единственное достовѣрное, которое не можетъ пошатнуть никто,—это предстоящая сознанию Тайна бытія міра.

Законченный и уютный домикъ матеріализма философъ предпочелъ бросить и выйти къ просторамъ подлиннаго необъятнаго дома бытія, къ этимъ темнымъ берегамъ таинственнаго моря, къ шуму волнъ котораго прислушивалась, волнуясь, его душа.

И когда снова беретъ онъ свой страннической посохъ философско-жизненнаго исканія, исходная точка его новаго міросозерцанія уже—Невѣдомое, лежащее за берегами данной дѣйствительности, и вся эта внѣшняя дѣйствительность получаетъ опору уже не въ себѣ самой, а отъ чего-то другого. И вотъ уже расширяются грани міра и чувственно-реальное расплывается въ просторахъ реальности иной, первоначальной и всеобщей.

Слѣдующій шагъ—обращеніе къ внутреннему опыту переживаній индивидуальнаго „я“, которое внутри себя отразило міръ, какъ тайну, и нашло въ себѣ пути, сближающіе его съ глубокими потоками вселенской жизни и дающіе воспринять отблескъ вѣчной сущности.

Рисунокъ отраженія міра въ душѣ предопредѣленъ ея таинственнымъ строемъ и соответствіемъ ея съ сущностью міра. Не на этомъ ли основывается довѣріе художника къ творческой интуиціи, ведущей его совершенно незнакомыми путями къ выявленію его замысла, его новыхъ образовъ и новыхъ міровъ? Все основано не на томъ, что художникъ управляетъ своимъ разсудкомъ, а на томъ, что воля его самого управляется какою-то силой, живущей въ немъ безсознательно. Такъ и ученый огромнымъ скачкомъ мысли черезъ невѣдомое дѣлаетъ открытіе, пробираясь къ нему не послѣдовательными завоеваніями мышленія, а вспышкой той же интуитивной, во тьмѣ ведущей, энергіи.

На этомъ же основывается Карлейль, предоставляя завершить міросозерцаніе таинственному процессу въ душѣ, подобному творческому акту. Такимъ путемъ въ душѣ самого писателя возникло его „Вѣчное Да“. Одинъ изъ примѣровъ въ книгѣ—впечатлѣніе горъ, навѣявшихъ идею божественнаго зодчества вселенной. Слушая молчаніе горъ, Тейфельсдрекъ нашель въ душѣ своей именно такое чувство міра. *Давая образы впечатлѣній, какъ источникъ идей*, Карлейль подчеркиваетъ характеръ того процесса, въ которомъ выработалось его міровоззрѣніе.

Лишь сущность явленій постигаетъ внутреннее чувство, оставляя въ сторонѣ все внѣшнее ихъ. Не самыя горы, наприм., отразилъ въ

душѣ своей герой „Sart. Resart.“, а то нѣчто отъ нихъ, что создало въ немъ глубокое и острое чувство близости къ сокровеннымъ вершинамъ и глубинамъ жизни. Всюду во внѣшнемъ есть обнаруженіе Сущаго,—это бытіе каждаго изъ явленій. И сквозь обманчивый видъ раздробленности и хаоса, даваемого въ жизни внѣшними ея покровами, мы приходимъ къ единой сущности всего.

Такъ стало возможнымъ для философа сознаніе чистаго бытія.

Ходъ мысли Карлейля въ данномъ случаѣ напоминаетъ тѣ страницы Влад. Соловьева, гдѣ указывается, что данность явленій необходимо предполагаетъ пребываніе и сущности всѣхъ ихъ, какъ тѣнь отъ предмета предполагаетъ наличность самаго предмета.

Отнынѣ для Карлейля міръ дѣлится на двѣ неравныхъ части. Одна, безграничная, заключаетъ въ себѣ цѣльность міроваго Всего, съ глубинами тайнъ сотворенія и бытія, съ заложенной въ ней вѣчной и верховной ихъ цѣлью. Другая есть не что иное, какъ небольшая полоска призрачнаго свѣта между двумя безднами тьмы, по которой ходятъ гигантскія тѣни сумрачнаго міра и гдѣ толчется жалкій человѣческій муравейникъ. Ежедневныя цѣли питанія, честолюбія, алчность, интересы маленькаго муравейника заслонили безпредѣльность Всего. И подобно тому, какъ кишашій муравейникъ не видитъ грозящихъ раздавить его тяжелыхъ ступней человѣка или копыта животнаго, такъ людской муравейникъ не замѣчаетъ грозящей ступени рока, сметающей жалкую суетню.

Конечно, величественная мистерія Бытія помимо воли человѣка захватываетъ въ свой стихійный потокъ и его существованіе. Карлейль раздѣляетъ мнѣніе Эмерсона, что ремесленникъ, открывающій дверь своего жилища на просторъ поля или улицы, озаренъ общимъ таинственнымъ свѣтомъ бытія и что каждый его шагъ находится въ одной цѣпи законовъ Космоса съ законами движенія тучъ, изверженія вулкановъ и шума морскихъ волнъ. Но величественность міроваго цѣлаго можетъ находиться и внѣ сознанія человѣка. И если Карлейлю и Эмерсону *приходится открывать свои истины о мірѣ* и настойчиво ихъ проповѣдывать, если бездна между гармоніей Всего и человѣческимъ еще такъ велика,—то ясно, что вся красота и все величіе бытія еще въ значительной мѣрѣ для человѣка не существуютъ.

Самоутвержденіе не на призрачныхъ покровахъ міра, а на Сущности его открываетъ эту величественность всего. Пусть властно ворвется это сознаніе безграничнаго Сущаго въ человѣческій мірокъ—и какъ измѣнится тогда людская жизнь! Человѣкъ для человѣка будетъ не по разсудку, а по внутреннему ясному постиженію носителемъ „тайны личности, которая божественна“.

Поистинѣ жизнь тогда станетъ жизнью и, по выраженію Карлейля, небо будетъ совлечено на землю... Постиженіе духовной сущности каждаго будетъ основой человѣческихъ общеній въ новомъ мірѣ. Потому что „душа знаетъ только душу; ткань событій есть текучее платье, въ которое она одѣта“.

„Небо и земля—временное одѣяніе Вѣчнаго. Весь внѣшній міръ и все, что онъ обнимаетъ, есть только одѣяніе, сотканное и возобновляемое на станкѣ времени“.

Не ясно ли, что отсюда истекаютъ новыя заповѣди жизни, которыя диктуетъ философъ. Во временномъ будемъ какъ въ Вѣчности, ибо ничто не закрываетъ ея, но, наоборотъ, во всемъ мерцаетъ его загадочный и смутный ликъ. Подчинимъ цѣли муравейника тѣмъ беспредѣльнымъ цѣлямъ общаго, которыя вытекаютъ изъ сознанія сущности его. Въ тонѣ страницъ Карлейля, гдѣ онъ указываетъ на эту беспредѣльность, звучитъ суровость и сила пуританина.

— Направимъ воды жизни своей въ одинъ верховный океанъ бытія, ибо внѣ его—все призракъ и ничто. „Небо и земля погибнуть, какъ одѣяніе... Что онъ такое? Временное одѣяніе Вѣчнаго“.

„Философія одежды“ учить тому, какъ отличать покровы отъ сущаго, одѣяніе отъ Вѣчно-живого, какъ разоблачать міръ отъ наружныхъ покрововъ и находить подъ ними Сущее. Преисполненный восторга чудакъ Тейфельсдрекъ, наивный и экстатическій, готовъ молиться на весь видимый міръ, на горы и небо, на землю и деревья, на человѣческой рынокъ и на возню дѣтей, *потому что въ неферложномъ свидѣльствѣ внутренняго опыта ему обѣщанъ за этимъ міромъ еще беспредѣльный, обнимающій его міръ, новыя земли и новое небо, новую красоту и новую мудрость, которой алчетъ ненасытная человѣческая душа.* Видимый міръ открылся ему какъ покровъ Невидимаго, и тамъ миражи внутренней игры грезъ, смутныхъ мечтаній нарисовали ему такіе райскіе сады, дали подслушать такую музыку вѣчной утренней зари мірозданія, что романтическая душа его утонула въ экстазѣ. Философія одежды, поставившая проблему покрововъ и Сущаго, выводитъ на этотъ путь; „итакъ, — спрашиваетъ Тейфельсдрекъ, — не заключается ли сущность всякой науки въ философіи одѣжды?“

Она обнаруживаетъ передъ нами эмблемы Сущаго. „Самъ человекъ и его земная жизнь—это эмблема или одѣяніе для его Божественнаго я“. Сущность человекъ, это его „я“, облечена тѣломъ, одѣта имъ и проявляется въ тайнѣ его бытія.

Отвлекая сущность отъ явленій, человѣческое творчество передаетъ это сущее въ символахъ. Наружное бытія дано въ нихъ такъ, что сквозь него ясно и проникновенно сіяетъ таинственный свѣтъ

Первоначального. „Символь, имѣющій внутреннее значеніе жизненныхъ свойствъ, есть непосредственное проявленіе Божественнаго во временномъ. Въ такихъ символахъ, произведеніяхъ искусства—Вѣчность смотритъ сквозь временное“.

Но отвлекать сущее отъ явленій—не значить обезцвѣчивать и умерщвлять внѣшній міръ. Горящія краски, цвѣта, запахи, шелесты, дуновенья, звуки, всѣ проявленія гармоничной видимости міра художникъ и мыслитель берутъ отправной точкой постиженій и созерцаній. Что такое тайна бытія, какъ не эти ароматы, вѣянія, окраска нѣжныхъ лепестковъ, созрѣваніе и расцвѣтъ всего живого подъ блескомъ солнца? Сущее міра есть тайна его бытія, и постигать его творческой интуиціей поэта и философа—значить постигать тайну всего.

Если произведеніе человѣческаго искусства есть выявленіе Сущаго изъ внѣшности его покрововъ, то что же такое самъ человѣкъ съ его творческой душой?

Карлейль отвѣчаетъ: „именно онъ-то, человѣкъ, и есть подлиннѣйшее произведеніе искусства. Ни въ чемъ такъ не побѣждается покровъ внѣшняго и не торжествуетъ такъ Сущее, какъ въ человѣкѣ-творцѣ. Поэтому человѣкъ самъ есть воплощенный символъ Сущаго,—и величайшій изъ этихъ символовъ—тихій Орфей Галилеи, Иисусъ, сіявшій красотой Сущаго на землѣ и явившій собой чудеснѣйшую матеріализацію духовнаго огня, горѣвшаго когда-либо на землѣ.“

Между такимъ искателемъ истины, принимающимъ міръ въ художественно-мистическомъ постиженіи его, и между эмпирикомъ Карлейль устанавливаетъ слѣдующіе пункты различія. Первый, мистикъ, „говоритъ на основаніи личнаго внутренняго опыта, какъ обладатель факта. Второй—извнѣ, какъ зритель“. Изнутри говорилъ Иисусъ „и съ такою силой, которая превосходила откровеніе всѣхъ другихъ“.

Очарованіе жизни, дыханіе тайны ея внѣшнимъ констатированіемъ не схватить и не передать. Алѣтеъ ли передъ вами скромный полевой макъ,—красоту его жизни и цвѣтенія вы найдете только въ рисункѣ художника, схватившаго во внѣшнемъ внутреннее, передавашаго мистическое ощущеніе жизни цвѣтка. Сама красота жизни схвачена въ тайнѣ ея, въ Сущемъ. Ибо отвлечься отъ него, ограничиться покровами—значить не достигнуть ничего.

II.

Но Карлейль и въ послѣднемъ прибѣжищѣ внѣшняго, матеріальнаго, въ „слишкомъ Человѣческомъ“, обнаруживаетъ ту же единствен-

ную основу: чистую духовность. Въ движеніи человѣческой жизни нѣтъ ничего созданнаго только лишь физической силой, ничего, въ чемъ не играла бы направляющей и первой роли идея, мысль. Существо изъ плоти и крови, человѣкъ ни на мгновение не выходитъ изъ атмосферы чисто-духовнаго. И весь складъ какъ личной, такъ и общественной жизни являетъ собой паутину, сотканную изъ нитей идей.

За каждымъ видимымъ, предметнымъ явленіемъ стоитъ нѣчто непредметное и невидимое, но тѣмъ не менѣе обусловившее его собой. Какъ уже было приведено, „человѣкъ не строить ни одной лачуги, которая не была бы видимымъ воплощеніемъ Мысли“, овеществленіемъ невидимаго. Въ концѣ-концовъ на невидимомъ утверждается весь міръ человѣка, какъ на твердомъ и вѣчномъ основаніи. Все предметное постольку же реально, поскольку и символично.

И каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ и какое бы философское или общежизненное credo ни исповѣдывалъ, отмѣченъ печатью мистическаго служенія. Онъ можетъ не видѣть ничего, кромѣ сегоднешняго куска хлѣба, и Сезамъ таинственныхъ богатствъ жизни можетъ быть для него закрытъ, но искра божественнаго сознанія будетъ въ немъ тлѣть, и смутно, какъ звѣрь или дикарь, онъ будетъ содрогаться при каждомъ ошеломляющемъ явленіи, какъ громъ, буря, смерть, и чуютъ темныя дали тайнъ.

Но тѣ, кто являются работниками и борцами на аренѣ человѣческаго движенія, какъ и всѣ движимые къ своимъ цѣлямъ направляющей силой идей, идутъ по пути одному и тому же. Служеніе идеямъ есть служеніе невидимому, служеніе мистическое. Справедливость, добро, любовь, порядокъ, равенство, братство, красота,—всѣ эти идеи восходятъ къ первоначальному Единству, къ Абсолютному. Ставшій на этотъ путь идетъ къ Богу, потому что каждая идея жизненной гармоніи есть начало пути къ Богу. Матеріалистъ, позитивистъ, утилитаристъ, полагая цѣль своихъ дѣйствій въ служеніи идеальнымъ представленіямъ объ истинѣ и справедливости, являются не чѣмъ инымъ, какъ послушнымъ орудіемъ духовной силы, невольнымъ Мессіей Бога.

Постигая всеобщую духовную обусловленность въ мірѣ, человѣкъ чудеснымъ образомъ оживотворяетъ все предметное, все, что противостоитъ живому сознанію грубой плотной силой мертвенности и косной неподвижности. Міръ преобразуется. Онъ исполняется вездѣсущимъ дыханіемъ живой жизни. Нѣтъ совершенно враждебной матеріальной безжизненности, ибо за каждымъ предметнымъ явленіемъ дышитъ живая творческая тайна, его обусловившая. Во всемъ предметномъ дрожатъ токи невидимыхъ силъ духовной жизни. Вселен-

ная—какъ необъятный резервуаръ этихъ дивныхъ силъ. Миръ зацвѣтаетъ какъ райскій садъ, онъ глядитъ въ ваши глаза всюду пребывающей тайной созиданія. Во всемъ то, что въ насъ. „Мы и миръ—одно и то же“. Храмъ Сущему—это вся вселенная, безпредѣльность морей, пустыни горъ, человѣческое творчество, самъ человѣкъ... Подлинная молитва, поднимающая на крылахъ къ Единому,—непосредственное участіе въ живой поэмѣ существованія и сознание движущихъ его верховныхъ началъ.

Этимъ рѣшается мучительная загадка человѣческихъ кошмаровъ, уродующихъ и убивающихъ слабыя сознанія. Какъ вѣстники того, что „наружность вещей побѣждена“, нисходятъ въ душу человѣка „миръ и сознание твердой опоры“. Задыхавшійся „въ феноменальности“ человѣкъ, признававшій ее послѣдней стихіей міра, открылъ свое окно въ просторы запредѣльнаго и далъ влиться наплыву свѣжаго живого воздуха. Лицомъ къ лицу остался онъ съ безбрежностью и величіемъ, открывшимися передъ нимъ, и въ немъ оживаетъ великій и живой духъ, потому что это—подлинная стихія его жизни.

Исканіе безконечнаго Карлейль находитъ всюду. Въ самой жалкой коробочкѣ „человѣческаго“ есть напряженіе выйти оттуда, найти хоть иллюзію той безпредѣльности, къ которой ведетъ невидимое, духовное... Что такое,—спрашиваетъ философъ,—знамя полка, корона, деспота, крестъ, знамя толпы повстанцевъ? Не символы ли это служенія идеѣ, носителями которой являются человѣкъ въ коронѣ, толпа со знаменемъ, община съ крестомъ? Идеи воинской чести, идеи служенія родинѣ, идеи осуществляющагося добра,—всѣ эти основы человѣческаго служенія даютъ то тусклый, то яркій огонекъ чего-то приближающаго къ духовности или намекающаго на нее. Человѣкъ служитъ не себѣ, а чему-то высшему, большому, чѣмъ онъ, стоящему *надъ* текущей жизнью. Это утверждается и подчеркивается съ особенной энергіей въ книгѣ Карлейля о герояхъ, въ этихъ страницахъ, исполненныхъ вдохновеннаго и страстнаго краснорѣчія. И служеніе высшему совершается не во имя себя, не во имя и героя, которому поклоняются, а во имя той идеи, частичнымъ воплощеніемъ и символомъ которой является онъ.

Вся человѣческая жизнь есть великое томленіе по силѣ верховной, абсолютной, едино-міровой, по идеѣ-силѣ, которая есть жизненное Всѣ. Человѣкъ жаждетъ послѣднихъ вершинъ подъема и хочетъ служить самому послѣднему, тому, что переходитъ за предѣлы земной видимости и возноситъ къ высотамъ невидимаго, вѣчнаго.

III.

„Подъ всѣмъ этимъ колышущимся океаномъ явленій, воды котораго вздымаются и опускаются съ совершенной равномерностью, лежитъ первоначальная бездна истиннаго дѣйствительнаго Бытія“ (Эмерсонъ, „Опыты“).

„Все бытіе есть необъятное утверженіе, поглощающее въ себѣ все частное, все преходящее. Духъ единъ, онъ и во „вчера“, и въ „сегодня“. И каждое „вчера“, и каждое „сегодня“ заключаетъ въ себѣ всю полноту божественной красоты и святости“ (Эмерсонъ, „Опыты“).

Сущее, данное въ явленіи, постигается въ немъ не отъединенно, не абстрактно, но въ тайнѣ жизненнаго проявленія. Какъ это формулировано Гете, „въ природѣ нѣтъ ни наружнаго, ни внутренняго, она—сразу вся“. Если бы это было иначе, человѣкъ безнадежно былъ бы замкнутъ въ самодовлѣюще-феноменальномъ, въ призрачномъ, ибо въ наружномъ для него просвѣтъ во внутреннее.

Въ силу этой гармонической цѣльности воспріятій бытія Эмерсонъ и ставитъ знакъ абсолютнаго равенства между „вчера“ и „сегодня“. Являющаяся всегда во всей своей полнотѣ жизнь и къ человѣческому сознанію приливаетъ всѣми глубинами своего теченія. Она равноцѣнна всегда, и нѣтъ мгновенія, когда человѣкъ не могъ бы пользоваться ея сокровенными богатствами и расти въ силѣ и величіи своего духа.

„Не преклоняйся,—говоритъ Эмерсонъ,—передъ тѣмъ человѣческимъ „вчера“, изъ котораго возникли творенія Шекспира или Гомера. Потому что и въ „сегодня“ даны во всемъ объемѣ всѣ цѣнности бытія“.

Отсюда Метерлинкъ пошелъ къ самому послѣднему выводу, что въ таинственномъ и смутномъ для наружнаго сознанія общеніи души человѣческой съ вѣчными глубинами жизни нѣтъ, по существу, никакой разницы между Гомеромъ и послѣднимъ юнгой корабля, ибо творчество есть способность немногихъ выразить то, что въ глубинѣ внутренней жизни воспринимается и поглощается всѣми.

Жизнь—всегда едина и она равно питаетъ всѣхъ,—таковъ этотъ послѣдній выводъ.

Вѣчное и невозмутимое равновѣсіе въ ней не нарушается мелкимъ хаосомъ наружнаго существованія. „Ничего у души не можетъ быть отнято. Всякая утрата и бѣдствие—частное явленіе. Вселенная въ своей основѣ не задѣта. Конечное борется и страдаетъ, безконечное лежитъ въ безмятежномъ и сіяющемъ покоѣ“ (Эмерсонъ).

Но вершинность жизни въ данномъ случаѣ не предполагаетъ аскетическаго пренебреженія къ земному бытію, отвращенія къ ея благамъ, красотѣ и радости. Здѣсь земное не отвергается во имя потусторонняго, *но принимается въ потустороннемъ*. Оба философа признавали высокую истинность той идеи Евангелія, которая призвала человѣческое сознаніе утвердиться на безпредѣльномъ. Но, исходя отсюда, они и частное бытіе пронизывали свѣтомъ этой безпредѣльности, а не отвергали его. Проповѣдникъ гармоническаго оптимизма, Эмерсонъ совѣтуетъ брать лучшіе цвѣты жизни, доставать изъ глубочайшихъ морей жемчужины бытія, не отравляя глубокое наслажденіе ничѣмъ мелкимъ и внѣшнимъ въ прекрасныхъ садахъ бытія.

При всей несомнѣнности страданія и бѣдствій въ душѣ есть нѣчто самое глубокое, что не страдаетъ, что объемлется все той же сіяющей тишиной постиженія безпредѣльныхъ творческихъ силъ и близости къ нимъ.

Для Эмерсона—всепобѣдность начала свѣтлаго въ мірѣ была абсолютной. Для Карлейля—міръ человѣческой былъ ареной дѣйствій двухъ началъ: добраго и злого. Но верховная и основная сущность—едина въ мірѣ, какъ цѣломъ.

IV.

Отголоски родственныхъ Эмерсону и Карлейлю идей находимъ у многихъ мыслителей. Въ различныхъ частяхъ міра звучать отголоски этихъ идей. Жизнь рождаетъ ихъ здѣсь и тамъ, какъ бы возвѣщая ими нѣкую правду о самой себѣ. Интересно прослѣдить встрѣчныя нити идей у различныхъ умовъ, увидѣть, гдѣ эти вершины сходятся. Между прочимъ, характерныя черты близости къ Карлейлю и Эмерсону находимъ у того, кто во многихъ отношеніяхъ былъ учителемъ Карлейля и оказалъ на него глубокое и рѣшающее вліяніе, кого авторъ „Sart. Resart.“ считалъ однимъ изъ величайшихъ сознаній въ мірѣ.

Это—Гёте, герой перваго замѣчательнаго труда Карлейля.

Великой духовной поддержкой для молодого англійскаго писателя была переписка съ Гёте, заинтересовавшагося своеобразной натурой и умомъ Карлейля. Въ созданіи книги „Sart. Resart.“ Гёте принадлежитъ, какъ вдохновителю нѣкоторыхъ идей, видная роль. Гёте вообще прошелъ въ жизни Карлейля многозначительной цвѣтной нитью. Но близость ихъ обусловлена, конечно, не подражаніемъ одного другому, а тѣмъ, что въ различныхъ частяхъ міра, каждый изъ особаго русла переживаній, они подошли къ истинамъ одной и той же

глубины. Два дерева, выросших на различной почвѣ, они давали схожіе плоды.

Гёте въ стихотворныхъ и прозаическихъ афоризмахъ выражаетъ порой сущность цѣлыхъ главъ книги Карлейля.

„Непосредственный міръ,—свидѣтельствуется поэтъ,—есть живое обнаруженіе сущности. Абсолютное должно признать въ явленіи“.

Истины о мірѣ вырабатываются не извнѣ, а лишь изнутри, изъ личныхъ постиженій въ глубинѣ своего „я“.

„Не вѣрять въ Бога, а открывать, находить Его въ жизни—въ этомъ красота на землѣ“.

Реальное есть символическій обликъ Суцгаго: „Не отвлекайте идею отъ реальности, а дѣлайте послѣднюю живымъ обнаруженіемъ первой“.

Мистико-пантеистическія идеи, отраженныя въ „Фаустѣ“ и въ циклахъ стихотвореній Гёте, Карлейль въ пору созданія „S. R.“ воспринялъ и чтить какъ откровеніе. Желая сказать, что самое титаническое кипѣніе замкнутого въ себѣ человѣческаго духа—ничто передъ сліяніемъ личнаго со всемірнымъ, поглощеніемъ одного другимъ: Карлейль восклицаетъ:

„Закрой Байрона и открой Гёте“.

Согласіе сущности человѣческаго „я“ съ сущностью общежитенной и постиженіе мірового порядка черезъ субъективно-личное также было формулировано Гёте. Зиммель въ своей статьѣ „Гёте и Кантъ“, оригинальной и глубокой по содержанію, передаетъ эти идеи слѣдующимъ образомъ: „Жизненный принципъ природы есть принципъ человѣческой души, оба—явленія, исходяція изъ одного единства. Одинъ и тотъ же творческій принципъ развертывается въ многообразныхъ формахъ, и человѣкъ въ себѣ можетъ найти всю тайну бытія и все ея рѣшеніе“.

И отсюда по отношенію къ посту-философу необходимое слѣдствіе: „Все постиженіе бытія было для Гёте лишь переживаніемъ самого себя“.

И наоборотъ: „Индивидуальное самосозерцаніе являлось не чѣмъ инымъ, какъ черпаніемъ объективнаго содержанія вещей“.

Когда Карлейль вышелъ на свою прямую дорогу, онъ увидѣлъ, что на этомъ пути онъ не одинъ. Что ему сопутствуетъ Гёте, что до половины пути проводили его Поль Рихтеръ, Фихте, Новалисъ. Ближе ихъ всѣхъ былъ окрыленный духъ Гёте, ибо никто не былъ болѣе его во всемірномъ, никому безпредѣльнѣе шири вѣчныхъ стихій не были столь родными, какъ Гёте въ лучшія минуты его творчества, этому „Боговдохновенному пророку нашихъ дней“, по выраженію Карлейля.

V.

У Эмерсона нашелся поклонник, ученикъ и послѣдователь его идей о Сущемъ, пронизывающемъ тонкіе покровы бытія и освящающемъ ихъ. Это—Морисъ Метерлинкъ. Онъ впиталъ истины Эмерсона, внутренне усвоилъ ихъ настолько, что онѣ сдѣлались почти его собственностью. И хотя отъ многихъ положеній онъ пошелъ самостоятельно дальше, но въ выводахъ, сдѣланныхъ имъ, ясно сквозитъ основное ядро положеній американскаго философа.

Подобно Карлейлю, Метерлинкъ настаиваетъ на томъ, что только лишь въ тишинѣ чистаго потока жизни, въ молчаніи открывается глубокое зеркало духовныхъ постиженій человѣка и, будучи незатемненнымъ, отражаетъ безмолвныя тайны жизненныхъ глубинъ. Но Метерлинкъ не называетъ при этомъ Карлейля, хотя глава изъ его трактата „*Tresor des humbles*“ о молчаніи начинается цитатой изъ „*Sart. Resartus*“. Полнѣе и художественнѣе развита эта мысль бельгійскаго поэта въ главѣ о трагедіи будней, о вѣщей значительности каждаго дня. Метерлинкъ даетъ что-то вродѣ художественнаго рисунка этой идеи Эмерсона и Карлейля, нашедшихъ „самоцѣнность всѣхъ тихихъ мгновеній у порога дома и въ полѣ“ и воспѣвшихъ Тишину и Молчаніе.

Драмы, кровь, слезы, страсти—это не жизнь,—говоритъ Метерлинкъ,—это то, что прерываетъ тихое и глубокое теченіе жизни, мѣшаетъ жизни, заслоняетъ ее. Въ тишинѣ какого-нибудь дома, въ глубинѣ осеннихъ полей, въ молчаливомъ ходѣ времени—углубленной и тихой душѣ открывается бездна безднъ. Начало всего и тайное согласіе съ нимъ столь же таинственной души.

Внутренній скелетъ жизни—это наше ощущеніе общей и всеединой истины. Она лишь смутно осознана нами во внѣ, и есть много неясныхъ постиженій, которыя такъ и остаются неясными, туманно блеснувъ искрой вѣчной истины и нисходя во тьму. О нихъ говоритъ Метерлинкъ, упоминая о „тысячахъ увѣренностей, проходящихъ въ жизни, „какъ закутанныя царицы“.

Въ глубокомъ подпольѣ внутреннаго сознанія сложены у насъ несмѣтныя сокровища: тамъ мерцаютъ алмазы глубочайшихъ постиженій. Но, зная все это въ глубинѣ себя, мы лишь смутно чувствуемъ эти истины, которыя мелькаютъ и исчезаютъ, какъ „закутанныя царицы“.

„Мы знали бы слишкомъ много,—говоритъ Метерлинкъ,—если бы знали все, что знаемъ,—и спрашиваетъ: Когда мы станемъ тѣмъ, что мы есть?“

Мы близки къ Абсолютному въ глубинѣ себя и мы отъ него на безграничномъ разстояніи во внѣшней жизни. Не есть ли задачи всечеловѣческаго бытія—возвратъ къ Абсолютному и поглощеніе имъ? Во всякомъ случаѣ, по существу своему мы—духи, мы въ основномъ своемъ какъ бы незримыя существа, ибо подлинныя основы нашего бытія—въ невидимомъ. Здѣсь Метерлинкъ просто повторяетъ мысли Карлейля о призрачности видимаго и реальности духовнаго. Причемъ Метерлинкъ иллюстрируетъ это: если бы незнакомецъ изъ иного міра захотѣлъ посмотрѣть на самое цѣнное, чѣмъ мы владѣемъ, мы должны были бы предстать передъ нимъ съ пустыми руками. Но не потому, что намъ нечего было бы показать, а потому, что самое драгоценное наше обнаруживается лишь невидимо, въ тончайшемъ трепетѣ внутренней жизни.

Чистая полнота бытія—богаче всего, что можетъ быть создано человѣческимъ духомъ. И даже написанная въ пламени мистическаго ясновидѣнія книга—„бѣдна и объяснима“. Жизнь вѣчно движется, въ ней измѣняются берега, измѣняются дали, въ ней вѣчно новая глубина, въ которой нѣтъ дна. Содержаніе же книги, самой глубокой, на бѣльшемъ или меньшемъ его захватѣ—замыкается; по выраженію поэта, книга заключаетъ въ себѣ „мертвыя тайны, горизонты которыхъ не возобновляются“.

Идея Карлейля и Эмерсона о независимости внутренней жизни отъ внѣшней, толчая которой не бросаетъ ни одного пятна тьмы на первую, привели Метерлинка къ смѣлымъ и парадоксальнымъ выводамъ. Если частица нашего „я“ есть искорка вѣчной субстанціи вселенной, если внутри насъ всегда незыблемы тѣ жизненныя начала, которыя всегда и всюду открываютъ для каждаго выходъ въ океаническіе просторы свободы и безпредѣльность стихій, то на эту могущественную силу въ душѣ каждаго человѣка все внѣшнее, весь круговоротъ его жалкихъ будней, не можетъ вліять, какъ и не можетъ внѣшнее приходить съ этимъ внутреннимъ огнемъ въ соприкосновеніе. И потому „душа не знаетъ о грѣхахъ тѣла, ибо единая подлинная дѣйствительность, заключенная въ насъ, живетъ сама собой, внѣ міра внѣшнихъ явленій.“

„И душа Содомитянина прошла бы черезъ толпу, ничего не подозревая и тая въ глазахъ прозрачную улыбку ребенка. Она ничего не знала, она прошла свой путь въ полосу свѣта. Она можетъ остаться чистой даже во время страшнаго преступленія“.

Здѣсь Метерлинкъ останавливается на порогѣ противорѣчій. Это незнаніе души о грѣхахъ и преступленіяхъ тѣла заставляетъ предполагать полное абсолютное разграниченіе жизней—внутренней и внѣшней, между которыми ложится непроходимая бездна. Но тогда реаль-

ное бытіе оказывается замкнутымъ въ ту самую казарму внѣшняго, ограниченнаго самимъ собой, изъ которой всѣми силами высвобождаютъ его Карлейль и Эмерсонъ, указывая на непосредственную близость къ текущему—безпредѣльнаго, къ наружному—внутренняго. Такъ, Метерлинкъ, принявъ основныя послылки этихъ философовъ и зашедши дальше, въ своемъ рвеніи прозелита сдѣлалъ выводы, уничтожающіе самыя послылки.

Съ другой стороны, при этихъ же самыхъ выводахъ приходится признать, что человѣческое „я“ въ своемъ внутреннемъ замкнутомъ мірѣ обладаетъ той полнотой свободы, могущества и красоты, которую Карлейль и Эмерсонъ отводили лишь верховной первоначальной силѣ. И тогда Метерлинкъ отнимаетъ этимъ всѣ порывы и стремленія человѣческаго духа изъ частной ограниченности во всеобщее, отнимаетъ крылья достижений, мечту подъема на высоту, обрекаетъ на пассивность,—и внѣшнюю, и внутреннюю. Здѣсь Метерлинкъ впадаетъ въ еще большее противорѣчіе съ обоими мыслителями.

Отношеніе человѣка къ человѣку диктуется у него утвержденіемъ Карлейля: любить человѣка надо ради вѣчнаго въ немъ, любить въ немъ универсальное, Бога.

„Какимъ ничтожнымъ въ глазахъ Бога должно казаться различіе на землѣ между добромъ и зломъ, ничтожнымъ и высокимъ! Если въ вашемъ сердцѣ—ядъ зависти, порока,—не печальтесь... Два шага отдѣляютъ васъ отъ вашего сада безграничной свѣтлости, и даже ихъ не надо дѣлать,—ваша глубь въ ней...“

Въ полномъ согласіи съ Эмерсономъ формулированы у Метерлинка идеи цѣлей творчества. „Поззія—это внимательность; поэтъ вникаетъ, вслушивается—и „вотъ открываетъ свои двери въ свѣтъ и безмолвіе“. Цѣль поэзіи—„вести къ великимъ путямъ, ведущимъ отъ видимаго къ невидимому“. Но въ непосредственной жизни больше близости къ нему, чѣмъ въ творествѣ, ибо—все дѣло въ прислушиваніи, въ чуткости безмолвіи, а поэты-то и должны „сложить съ себя два большихъ крыла молчанія...“

Молчаливая душа—резервуаръ, куда изъ Невѣдомаго приливаютъ чистыя воды и наполняютъ ее своей тайной.

Благодать свѣта—здѣсь же, надъ нами. Сквозь покровы лучезарно сияетъ то Сущее, которое обнаруживаетъ душа въ реальномъ бытіи.

И всѣ чаши протянуты навстрѣчу невидимому источнику.

Кромѣ Метерлинка, писатель глубокой и дѣтски-искренней, Генри Торо питался родственными его душѣ идеями Карлейля и Эмерсона. „Отшельникъ Вальденскихъ лѣсовъ“, онъ бросилъ куль-

турную жизнь ради мудрости и тишины дѣвственной природы, гдѣ и вникалъ въ гармонію тайнъ и красоты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Идея вселенскаго духовнаго единства.

I.

Въ марксизмѣ есть положеніе, считающееся для него краеугольнымъ: не сознание опредѣляетъ собой бытіе, а бытіе опредѣляетъ сознание.

Какъ это ни странно, но это положеніе, взятое во всей его метафизической широтѣ, оказывается общимъ для писателей двухъ противоположныхъ толковъ: материалистовъ и мистиковъ. Карлейль и Эмерсонъ его раздѣляютъ.

Марксистъ опредѣляющей силой бытія считаетъ вліяніе экономическихъ условій на укладъ жизни, на психику индивидуальную и общественную и пр. Въ конечномъ счетѣ—это вліяніе „человѣческаго“, а не стихіи чистаго бытія, вліяніе того русла экономической жизни, которое проложено усиліями рукъ самого человѣка.

Мистикъ же выдвигаетъ первоначальную всеобусловливающую силу, которая есть высшая и абсолютная Воля, на все воздѣйствующая, все собой объемлющая и опредѣляющая мощью заложенныхъ въ ней таинственныхъ началъ.

Принципъ единой обусловленности, единой Воли въ бытіи приводитъ къ идеѣ объ одухотворенной цѣльности міра, о всеобщей и естественной связи всѣхъ отдѣльныхъ отзвуковъ мірового сознанія, къ идеѣ вселенскаго духовнаго единства.

По Эмерсону—„Истина и Право въ мірѣ самосуществуютъ“, они заложены изначально въ бытіи, какъ его основа. Міръ есть не что иное, какъ воплощеніе идеи Истины. И поскольку человѣкъ связанъ сущностью своего „я“ съ мировымъ началомъ, постольку онъ непосредственно владѣетъ истиной въ своемъ внутреннемъ сознаніи.

При безконечномъ разнообразіи индивидуальностей всѣ связаны

сущностью своей съ единымъ центромъ, какъ носители отдѣльныхъ искръ Единого Сознанія.

Это единство всего живого—въ духѣ. „Природа для каждого заложила фундаментъ божественнаго строенія“ (Эмерсонъ).

И все живое въ мірѣ дышитъ одной и той же глубиной. „Одна душа обща всѣмъ отдѣльнымъ людямъ. Каждый человѣкъ представляетъ собой каналъ, ведущій къ одному и тому же Всему“.

Это опредѣляетъ абсолютное равенство всѣхъ въ Сущемъ, всѣ — на одной и той же высотѣ, постигнутые тайнымъ даромъ жизни и ея таинственной обусловленностью. Униженіе въ комъ-либо его верховнаго, его царственнаго „я“ есть униженіе начала, единого для всѣхъ, общаго всѣмъ. Не здѣсь ли корень смутнаго понятія о такъ-называемомъ „человѣческомъ достоинствѣ“?

Потому-то „всѣ министры финансовъ, по словамъ Карлейля, не могли бы сдѣлать счастливымъ одного чистильщика башмаковъ. Это физически невозможно, ибо человѣкъ имѣетъ душу и потребуетъ изъ тайной глубины своей всѣхъ тайнъ и безконечностей міра“, всего, чего жаждетъ каждая душа и что человѣкъ дать другому не въ силахъ.

Ибо эта каждая душа предѣлъ своихъ влеченій раздвигаетъ до безконечности, сознавая за гранью своего субъективнаго міра—универсальную Душу.

„Подобно тому, какъ воздухъ, которымъ я дышу, есть частица великихъ хранилищъ его въ природѣ; какъ часть опредѣляется вѣками“, такъ и наоборотъ: мой глотокъ воздуха есть въ бытіи своемъ та же тайна, что и воздухъ во всѣхъ безмѣрныхъ пространствахъ природы. И каждый часть есть та же стихія, что и вѣка. И человѣкъ—частное воплощеніе всеобщаго вселенскаго Духа—искрой своего сознанія опредѣляетъ первый изначальный пламень мірового Бытія и творческой воли.

Здѣсь стихійный уклонъ для всѣхъ—къ одному руслу. И развѣ первоначальные факты, на которыхъ построено человѣческое общеніе, не подтверждаютъ эту идею полной духовной общности самымъ категорическимъ образомъ? Развѣ,—спрашиваетъ Эмерсонъ,—не принимаетъ наше сознаніе разнообразнѣйшихъ фактовъ человѣческихъ дѣяній—и героевъ, и палачей—во всей психологической и общежизненной возможности ихъ совершенія? Тотъ фактъ, что мы *принимаемъ* въ сознаніе эти дѣянія, осознаемъ ихъ жизненную возможность, есть доказательство близости всѣхъ этихъ дѣяній съ какимъ-нибудь реальнымъ бытіемъ въ нашемъ сокровенномъ опытѣ. Это не значитъ, что всѣ мы бывали палачами, напр., не значитъ, что всѣ мы палачами будемъ, но указываетъ на общія для всѣхъ черты въ психическомъ

складѣ, на дремлющія въ сознаниі инстинкты всѣхъ дѣяній. Въ самомъ дѣлѣ, подпольные нити всѣхъ дѣйствій, всѣхъ побужденій, вѣлѣній, хотѣній, когда-либо пережитыхъ человѣкомъ вдали отъ насъ,— совершенно не кажутся намъ недоступными для нашего сознаниа, а, наоборотъ, въ сокровенной глубинѣ нашего жизненнаго опыта находятъ откликъ.

Слѣдовательно, жизнь вся, во всемъ объемѣ разнообразѣйшихъ переживаній, какія можетъ она дать всей массѣ человечества, не только доступна отраженію въ каждомъ индивидуальномъ сознаниі, но,—заключаетъ Эмерсонъ,—вся и содержится въ немъ.

Между жизнью, въ смыслѣ совокупности ея силъ и ихъ проявленій, и личностью человѣка стоитъ знакъ равенства. „Подъ каждымъ явленіемъ скрывается Протей моей природы“.

Если же всѣ человѣческія „я“ равны передъ глубинами жизни,— то времени для нихъ нѣтъ, ибо все, что было въ жизни для „я“ прошлаго, есть и для „я“ нынѣшняго. *Жизнь вся, цѣликомъ, предстаетъ живущему сознанию.* „Поэзія и философія не въ прошломъ, а въ настоящемъ, ибо она для жизни и только для жизни, а не для смерти“. Тогда, когда цѣнности бытія входятъ въ жизнь и переживаются, тогда лишь онѣ и существуютъ. Кто коронованъ даромъ бытія, тому принадлежатъ сіяющія его сокровища, достоянія всѣхъ,— какъ солнце, море и воздухъ. И воистину можетъ сказать: это солнце сіяетъ для меня, эти волны морскія шумятъ для меня, ибо жизнь для жизни, тайна для тайны.

„Когда истина, зажигающая душу Платона или Пиндара, зажигаетъ мою, то времени больше не существуетъ“ (Эмерсонъ).

Между прошлымъ и будущимъ,—говоритъ Карлейль,—протягиваются „органическія волокна“, связывающія неразрывными соединительными нитями это прошлое и будущее, связывающія перваго и послѣдняго человѣка въ ихъ бытіи. Во временной ткани бытія проходятъ эти вѣчныя нити; временныя одѣянія истлѣваютъ, нити же вѣчности сплетаются съ новыми, которыя прядутся работой вѣчнаго духа. Прошлое не уничтожается въ смѣнахъ временъ, а является устоемъ для созиданія новыхъ вершинъ. Въ бурливомъ потокѣ времени неизмѣнно совершается процессъ рожденія органическихъ нитей, прядется вѣчная неистлѣвающая ткань того бытія, въ свѣжести котораго и въ первозданной мощи радостно окунется человѣческая душа.

И если для нашего сознаниа безсмертно живы Платонъ и Эврипидъ, а миллионы не взошедшихъ на эти вершины покоятся въ Летѣ, то не ясно ли, что единеніе прошлаго съ будущимъ совершается только въ вершинномъ, только въ области чистаго духа? Благодаря

этому только совершается процессъ обновленія жизни, о которомъ говоритъ Карлейль: „Подъ пепломъ разрушенія созидается ткань будущаго, и въ каждомъ пожарищѣ уничтоженія звучитъ сферальная лебединая пѣснь Феникса, возносящаго изъ пламени основу грядущаго преображеннаго міра“.

Основная ткань міра, которая вѣчно ткется и возрождается изъ пламени уничтоженія, есть Красота. Истиннымъ о мірѣ нужно признать то, что онъ созданъ въ красотѣ. Его подлинныя одежды безсмертно прекрасны. Творчество боговдохновенныхъ поэтовъ есть правдивое свидѣтельство о томъ, что истинная стихія міра — Красота, и потому мы такъ высоко цѣнимъ вдохновеніе поэта, что оно является вѣстью истины о мірѣ. Въ понятіи красоты неотдѣлимо заложены понятія Истины и Добра, она—какъ бы бѣлый лучъ, заключающій въ себѣ лучи всѣхъ остальныхъ цвѣтовъ. Эмерсонъ говоритъ: „Красота въ ея широкомъ и глубокомъ смыслѣ есть выраженіе для всей вселенной“.

II.

Искусство есть одинъ изъ показателей всемірнаго единства. Подымающійся на вершины поэтъ и воспринимающій его творчество сознаниемъ читатель—этимъ загадочнымъ духовнымъ общеніемъ обнаруживаютъ единую природу и единую жизненную цѣль человѣка. То, что человѣчество постигало труды геніемъ и претворяло ихъ духовную цѣнность въ жизнь, показываетъ, что нѣтъ такой вершины духа, которую не обнимало бы общее человѣческое сознание. На единой жизненной плоскости могутъ быть всѣ. Каждое отдѣльное „я“ считаетъ своимъ неотъемлемымъ достояніемъ все, что вносится въ жизнь геніемъ, силой ума и духа. И каждый можетъ сказать, какъ Эмерсонъ, утверждая себя въ единомъ міровомъ руслѣ существованія: „геній и творческое начало всѣхъ и каждой вѣры—въ моей душѣ“.

Ни одинъ пророкъ не проходилъ безслѣдно въ мірѣ,—для чистой влаги познанія всегда жадно раскрывается чья-либо душа. Пророкъ и поэтъ—это какъ бы правильно текущія рѣки, обращенныя въ движеніи къ роднымъ всеобщимъ просторамъ,—рѣки, въ теченіи которыхъ льются таинственныя струи изъ морей Невѣдомаго. Сознание массъ властной волей генія можетъ быть направлено къ единому прямому руслу.

Приходящій изъ замкнутой глубины своего уединенія поэтъ въ этомъ уединеніи позналъ внутри себя прямые пути въ вѣчность. И власть его надъ толпой есть *власть того, кто движетъ каждой*

индивидуальной волей въ отдѣльности, углубляя и возвышая отдѣльное человѣческое „я“, заставляя его въ глубинѣ себя расти, возвышаться и охватывать божественные просторы вселенной и тайну бытія.

Поэтому-то Карлейль и Эмерсонъ такое большое жизненное значеніе придавали уединенію. Одиночество—вѣрнѣйшій путь ко всему. „Въ концѣ-концовъ священной должна быть одна цѣльность и независимость духа въ каждомъ. Независимость внутренняго душевнаго одиночества—вотъ величіе (Эмерсонъ). Лишь съ вершинъ внутренняго, обнаруженнаго въ тихомъ одиночествѣ, сольются всѣ сознанія въ одно русло.

Такимъ образомъ, индивидуализмъ въ конечномъ жизненномъ итогѣ у обоихъ философовъ преодолевается цѣлями послѣдними и окончательными. Если индивидуальному творчеству поэта придаютъ они оба такое значеніе, если дѣйствительнымъ признается ими лишь субъективно-личное воздѣйствіе силы одного сознанія на другое, то все-таки путь Карлейля и Эмерсона ведетъ *черезъ* индивидуализмъ къ универсальной сліянности, къ уничтоженію частнаго въ цѣломъ. Подобно Ницше и Шопенгауэру,—Карлейль и Эмерсонъ понимали творчество какъ выраженіе того всеобщаго безпредѣльнаго начала, которое индивидуальное „я“ находитъ въ послѣднихъ глубинахъ своей внутренней обособленности. И поэтъ, согласно утверженію этихъ философовъ, не даритъ человѣчеству ничего лично отъ себя, определеннаго тѣсными рамками его индивидуальности, но приноситъ проявившійся въ немъ даръ самой жизни. И поскольку этотъ даръ претворяется въ другомъ сознаніи,—онъ дѣлается естественной собственностью этого послѣдняго.

III.

Какой хаосъ царилъ бы во внутреннемъ и внѣшнемъ человѣческаго существованія, если бы въ немъ не оправдывался выдвигаемый авторомъ „S. R.“ законъ единства, приводящій все многообразіе существованій къ проявленію одной сущности, а цѣли и стремленія личныя къ обнаруженію содержанія жизни всѣхъ.

Сознаніе вѣковыхъ творческихъ цѣнностей представляли бы тогда разрозненныя груды духовныхъ богатствъ, безъ связи и преемственности идей и формъ, безъ заложенной въ основѣ всего идеи жизненнаго послѣдовательнаго созиданія, осуществляющейся шагъ-за-шагомъ. Не начало вселенскаго храма имѣли бы мы тогда, который возводится въ высоту, а отдѣльныя глыбы камней.

И въ самомъ процессѣ претворенія въ жизнь творческихъ цѣнностей былъ бы абсолютный хаосъ, ибо въ потокѣ жизни сталкивались бы силы чуждыхъ вліяній, безъ единой нити связи между ними. Тогда Эврипидъ и Софокль исключали бы Гомера. Горацій и Овидій—Эврипида и Софокла; Дантъ—Горація; Шекспирь—Данта; Байронъ и Гёте—Шекспира и т. д. Существовала бы только послѣдняя ступень творческаго подъема, всѣ остальные исчезли бы. Да и на этой ступени, при отсутствіи закона верховнаго единства, поэтъ былъ бы одинокъ въ своемъ творествѣ, непонятъ и непризнанъ. Миръ—въ раздробленности его сознаний—не могъ бы поглощать небесную влагу творческихъ откровеній, и возникающіе гениальные творцы были бы подобны отдѣльнымъ вспыхивающимъ и взлетающимъ въ высъ ракетамъ, безцѣльно бороздящимъ высоты и жизненныя пространства.

Миръ единичнаго сознанія былъ бы глухо замкнутъ въ своей ограниченности. Сѣмена творческихъ идей и образовъ не рождали бы на землѣ никакихъ цвѣтовъ.

Но на самомъ дѣлѣ существуетъ изначальное согласіе всѣхъ душъ въ Истинѣ, и это согласіе обусловлено единымъ жизненнымъ содержаніемъ всѣхъ сознаний.

„Когда говоритъ Сократъ,—слушающіе не испытываютъ никакого стыда отъ своего молчанія, ибо каждый человекъ есть та самая правда, которую хочетъ высказать мудрецъ“ (Эмерсонъ). И даже больше,—слово мудреца есть меньшая мудрость, чѣмъ молчаніе слушателя, потому что слово выразило лишь небольшую часть той правды, которая молчаливо дремлетъ въ человѣческомъ сознаніи.

Метерлинкъ добавляетъ къ этому, что Эпиктетъ и Гёте не выразить больше того, чѣмъ бессознательно обладаетъ душа какого-нибудь маленькаго юнга съ корабля. Другими словами,—богатство Гёте есть богатство не абсолютно свое, а богатство общечеловѣческое, ибо поэтъ, какъ и всѣ, „обусловленъ правдой нашего существованія“. И разница между поэтомъ и юнгой та, что въ первомъ богатство скрытыхъ жизненныхъ цѣнностей приблизилось къ области сознанія—и поэтъ поднялся на подоблачныя вершины, чтобы оглядѣть просторы земли. Во второмъ же не было силъ перевести съ темнаго и богатаго языка тайнъ и инстинктовъ на языкъ внѣшней яности, внѣшняго обладанія. Сознаніе маленькаго юнга дремлетъ въ тихихъ глубинахъ тайнъ, объемлющихъ его душу и зажегшихъ слабую искорку его существованія.

Милліарды жизней во внѣшнемъ являются какъ бы неосуществленными потенціями, и подобно блуждающимъ огонькамъ скользятъ въ пучинахъ жизни, чтобы въ концѣ-концовъ оправдать свою боже-

ственную искру слияніемъ съ Вѣчной Волей въ темной безконечности, проходя черезъ тихія врата смерти.

Для постигшаго глубины творенія, законы мудрости и красоты жизни,—говорятъ согласно Эмерсонъ и Карлейль (иначе та же мысль формулирована Новалисомъ и Метерлинкомъ),—молчаливое присутствіе чловѣка есть пребываніе самой сознательности, таинственной и глубокой, пребываніе духа, горящаго въ тѣлѣ, какъ въ своемъ храмѣ. Нужно чувствовать душу чловѣка, свѣтящуюся въ его глазахъ, въ словахъ, въ движеніяхъ. Нужно знать, что чловѣкъ—это духовность, что истинныя цѣли его бытія—безпредѣльны, что огонь его—отъ таинственнаго вселенскаго огня.

Проповѣдь „любви къ ближнему“ Христа есть проповѣдь именно такого отношенія къ чловѣку, проповѣдь красоты чловѣческой духовности. Христосъ не призывалъ любить какъ самого себя торговца въ его специфически-торгашескихъ чертахъ, но обращалъ вниманіе на искру духовности, теплящуюся и въ немъ. Не во имя чловѣка, но во имя высшаго, чѣмъ онъ, любите чловѣка, сознайте и почувствуйте въ немъ красоту духовности, какъ чувствуютъ нѣжность небесной синевы, величіе морской шири, мистическую строгость шороха лѣсныхъ вершинъ, прелесть дѣтскихъ глазъ... Для Христа чловѣкъ былъ только духовность, люди были для него какъ рядъ огней, безмолвно всходящихъ къ единому пламени, къ одному Солнцу. Ничто внѣшнее не затемняло для него чистой сущности каждой жизни, не заглушало музыки духовности, которая звучала изъ каждой открытой навстрѣчу ему души.

„То, что возвѣщаютъ уста людей, — говоритъ Метерлинкъ, — не имѣетъ отношенія къ тому, что возвѣщаетъ ихъ присутствіе. И чловѣку невозможно не быть великимъ и удивительнымъ“.

Что значать различія въ знаніи, культурности, положеніи? Развѣ въ глазахъ стараго бѣдняка, нищаго цыганенка не мелькаетъ иногда высшее выраженіе духовности, приводящее въ экстазъ чуткаго наблюдателя? Развѣ не были Бернсъ и Кольцовъ арфами, которыя звучали стихійно, какъ бы подъ крыльями самого вѣтра?

Но кромѣ того есть еще одно послѣднее, окончательное утвержденіе единства всего живого въ духовности. И послѣднее оправданіе жизни въ ея тайнѣ и красотѣ.

Этотъ послѣдній для Карлейля аргументъ—смерть.

IV.

Не всякая жизнь благородна и прекрасна, не у всѣхъ она является въ истинной своей полнотѣ и силѣ. Есть, какъ было выше

сказано, болота, безнадежно затянутыя трясиной. Но смерть—всегда таинственна и она—какъ бы врата къ царственной безпредѣльности и къ лону великой тайны.

Мысль о смерти не обезсиливаетъ жизнь, но укрѣпляетъ и возвышаетъ ее. Не прятать голову отъ того, что есть, а глядѣть въ глаза ему нужно, радуясь, что есть великая безпредѣльность, волны которой плещутъ у нашихъ береговъ.

Къ однимъ и тѣмъ же берегамъ этой бездны стекаются одинаково всѣ. У этихъ береговъ согнутый и униженный случайной игрой судьбы человѣкъ снимаетъ съ себя рубище бѣдняка и надѣваетъ царственныя одежды, одинаковыя для всѣхъ. Здѣсь обнаруживается эта царственность каждаго человѣческаго сознанія, утвержденного на Сущемъ.

Это не значить, что постигнутая идея безпредѣльности должна заставлятъ алкать смерти. Поднявшіеся на вершины человѣческаго сознанія художники, пророки, поэты дышали ею, этой безпредѣльностью въ жизни, и существованіе ихъ было вольно и прекрасно, какъ самъ міръ.

Но при существованіи душномъ и узкомъ, въ низинахъ, въ безсиліи, на днѣ, въ пошлости и мелочности, съ задавленными желаніями, съ обезкрыленной волей, съ закрытыми далями, — что-то вопіетъ и бурно и тоскливо протестуетъ въ душѣ человѣка. Потому что Богъ, живущій въ немъ, поруганъ. Сущность человѣческая, божественная и таинственная, жаждетъ высоты, мощи и безпредѣльности, сродной ей. И если жизнь превращена въ обмелѣвшій ручеекъ, мутный и жалкій, если вся безграничная красота и вольность міра отрѣзаны непроходимой стѣной, то именно во имя мощи и радости жизни человѣкъ жаждетъ послѣдняго освобожденія—смерти.

Пѣвцы смерти, истинные художники, въ прославленіи ея исходили изъ гимновъ самой жизни. Невольно вспоминается Баратынскій, который, воспѣвая величіе и тишину смерти („о, дочь верховнаго Ээира“), обронилъ слѣдующую разгадку своего задумчиваго и примиреннаго пессимизма:

...О, тягостна для насъ
Жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волною
И въ грани узкія вѣсненна судьбою...

И если пессимистъ Баратынскій жаждетъ радостной полноты существованія, то пѣвецъ стихійнаго оптимизма Ницше даетъ яркое оправданіе мотиву смерти. Въ этомъ онъ странно сблизился съ Карлейлемъ. Какъ и этотъ послѣдній, Ницше считаетъ смерть необходимымъ выходомъ изъ тѣхъ „узкихъ граней“ жизни, которыя давятъ на

царственное и свободное „я“ человека. Смерть возвращает ему безпредѣльность, избавляетъ отъ униженій гордый духъ. Выводъ отсюда: „Если жизнь тебѣ не удастся, то удастся смерть“.

Она оправдываетъ изначальную цѣль жизни. Израненная, безнадежно сломленная и базильно жаждущія души стремятся къ ней. Духовная энергія, воплотившаяся въ частномъ и не слившаяся въ бытіи съ радостной полнотою универсальнаго, жаждетъ снова влиться въ океанъ всего, въ лоно первой и единой силы.

Только на внѣшне-реальной жизни, какъ бы она полна и прекрасна ни была, человѣческое сознание во всю ширь своего „я“ все-же утвердиться не можетъ. Граница этого „я“ и для того, кто жилъ, какъ Гёте, и для того, кто прозябалъ, какъ нищій, лежатъ далеко за преѣлами данной дѣйствительности. Рычагъ индивидуальнаго самоутвержденія опирается на то Сущее, чего лишь символомъ является внѣшняя дѣйствительность. Поэтому ни бѣдная, ни прекрасная жизнь не заключаетъ въ себѣ самоцѣли и послѣдняго оправданія, являясь лишь ступеню восхожденія на высоту. Смерть же есть возвратъ въ ту свободную безпредѣльность, въ которой до воплощенія во внѣшнемъ бытіи пребывалъ чистый духъ ¹⁾.

Въ смерти чувствуютъ послѣднее всеобъединяющее звено, непроизвольный возвратъ разъединеннаго къ единому.

V.

Такъ восстанавливается мистическая связь индивидуальнаго сознания съ міромъ.

Мы и міръ—одно. Черезъ бездну отъ частнаго къ общему перекинуть мостикъ. Его перекинули люди творческаго откровенія, тѣ, которыхъ имѣлъ въ виду Баратынскій, говоря о Гёте:

...Онъ говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье.
Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорила морская волна.

Мы и міръ—одно. Въ каждомъ явленіи стихійной жизни мы находимъ общіе корни со своимъ „я“. Какое-то первобытное, животное-растительное, смутное ощущение роднитъ насъ съ колосомъ, деревомъ

¹⁾ Попытки къ самоубійству большинства выдающихся людей въ юности въ основѣ своей имѣютъ это стремленіе къ оправданію тѣхъ безпредѣльныхъ цѣлей своего „я“, которымъ внѣшняя дѣйствительность ставитъ тупыя и непреодолимые преграды.

и звѣремъ. И не потому ли насъ восхищаетъ медленное движеніе облаковъ по лазури, зеленая жизнь сада, осенняя пора расцвѣта плодовъ, что въ глубинѣ всего мы чувствуемъ мистическую предопредѣленность, роднящую единичную душу со всѣмъ живымъ и окружающимъ? Въ полетѣ облака, въ расцвѣтѣ дерева чувствуется законъ той же воли, что и въ жизни человѣка. Это выражено въ слѣдующемъ лирико-философскомъ отрывкѣ:

...И если дерево вишневое стоитъ
И зыблеть и дрожить пахучими вѣтвями,
Я знаю,—воздуха одна струя надъ нами
И неба склонъ одинъ таинственно открытъ;
Здѣсь—Дерево и я—мы созданы землею,
Равно таинственны подъ вѣчной глубиною.

Карлейль подчеркивалъ единство частнаго съ всемірнымъ, онъ вдохновенно говорилъ о тайнѣ огонька Шварцвальдской кузницы. Эмерсонъ останавливался на единствѣ духовно-человѣческомъ, указывая какъ бы на общій эфиръ, въ который глубиною своею погружены всѣ человѣческія души. Поклонникъ Эмерсона—Метерлинкъ сдѣлалъ это основой своихъ построений.—„Человѣческая душа,—говоритъ онъ,—растеніе совершеннаго единства, и всѣ ея вѣтки, если время наступило, расцвѣтаютъ одновременно“. Достаточно взгляда, чтобы бессознательно обнять глубинный міръ души другого.—„Ребенокъ, встрѣтившій меня, съ момента, когда глазъ его воспринялъ мое присутствіе, знаетъ, что я есть, чѣмъ былъ, чѣмъ буду. Сливаясь взглядами, мы словно съ высокой башни видимъ все, чѣмъ живутъ жизни и души, не переводя на языкъ словъ и сознанія“.

Способностью постиженія этого глубокаго закона единства одарены въ наибольшей степени натуры съ тѣми особенностями, которыя подчеркиваетъ въ своемъ героѣ Карлейль. Характернѣйшая изъ этихъ особенностей—соединеніе внѣшней пассивности съ внутренней, замкнутой въ душѣ энергіей активности. Карлейль называетъ это индусскимъ складомъ натуры.—„Человѣкъ съ активностью слишкомъ обильной, но столь духовной, замкнутой, загадочной“, что вся она остается внутри, одѣваясь сверху корой пассивности. Это—внѣшняя пассивность замкнутаго созерцанія и мышленія, напряженно работающаго глубоко внутри себя.

Образы впечатлѣній, идеи, воспоминанія, чувства—все скопляется въ тихой глубинѣ души, и тамъ ведется подземная невидимая работа.

Благодаря этой творческой пассивности, все переносится глубоко во внутрь, тамъ изъ пережитаго „разросся цѣлый лѣсъ кипарисовъ, печальный, но прекрасный; въ теченіе долгихъ лѣтъ юности

какъ бы подъ самыми горячими лучами солнца онъ шелеститъ въ своемъ темномъ великолѣпнѣ, со вздохами, не лишенными мелодичности“ („S. R.“).

VI.

И оттуда, изъ внутренняго подземнаго кипѣнія, глубоко скрытаго въ душѣ, долженъ вырваться и брызнуть кипящій гейзеръ искренняго вдохновеннаго свидѣтельства поэта объ истинахъ міра. Карлейль иного творческаго проявленія не признаетъ. Оно не можетъ быть холоднымъ, разсудочнымъ, разсчитаннымъ. Поэтъ не можетъ предварительно учесть послѣднюю глубину раскрывающейся въ экстазѣ творящей души.

Поэтому тотъ, кто говоритъ не изъ себя, не изъ своей личной внутренней глубины, не своими индивидуальными пережитыми образами, не своимъ особымъ языкомъ, насыщеннымъ образами художественныхъ переживаній,—тотъ не говоритъ ничего.

Языкъ и слово—удѣлъ того, кто близокъ къ божественному „ладу“ вселенной. И образность необходимо обусловливаетъ оригинальность рѣчи, являясь краснорѣчивымъ показателемъ того, насколько передъ нами не мертвое повтореніе уже сказаннаго, а личное творчество. Конечно, и образность можетъ быть заимствованная и ходульная, но она и выдаетъ себя вполнѣ явственно. Въ рѣчахъ же художника и мыслителя, чѣмъ сильнѣе ихъ личный, глубоко-индивидуальный процессъ познаванія и прозрѣнія, тѣмъ ярче—въ полной зависимости отъ этого—пламень, подъемъ и ширь духа, что и сказывается въ могучей и живой образности. Въ такой рѣчи,—говоритъ Карлейль,—подсказанной горѣніемъ духа,—образность естественна и самопроизвольна“.

Характеризуя рѣчь своего героя, Карлейль имѣетъ въ виду особенности собственнаго стиля, созданныя не насильственно, а въ гармоніи съ самымъ духомъ этого писателя. „Въ изложеніи мыслей,—говоритъ онъ,—образность разъ навсегда естественна для него“¹⁾.

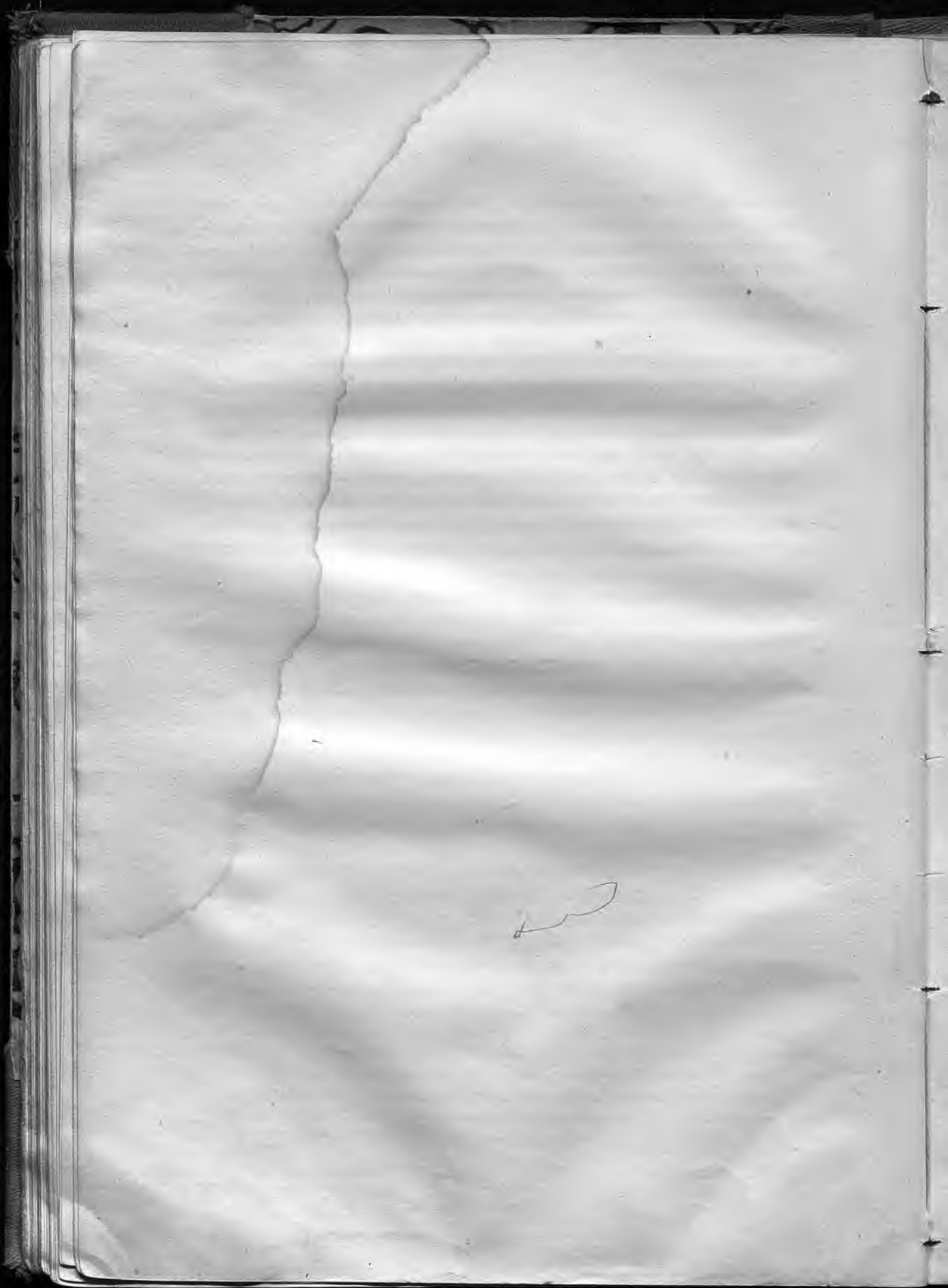
Въ основѣ этого—та же всюду проходящая и все стройно объединяющая идея: духовное человѣка объемлется чѣмъ-то большимъ,

¹⁾ Заботы о стилѣ, какъ о чемъ-то самодовлѣющемъ, противорѣчатъ принципу истиннаго творчества, являясь результатомъ поглощенія внѣшнимъ въ ущербъ внутреннему. Хорошій стилистъ—это евангельская Марфа, пекущаяся о земномъ; всѣ достоинства непогрѣшимой стилистики противорѣчатъ темной и смутной силѣ творческаго вдохновенія, хаотическому богатству образовъ, чувствъ и идейныхъ озареній.

чѣмъ онъ, и вдохновеніе его не регулируется никакими внѣшними средствами, ибо проявленіе его находится въ связи со стихійными основами міросозерцанія, силой которыхъ оно существуетъ и проявляется. Утверждая это по отношенію къ формѣ творческихъ произведеній, Карлейль и Эмерсонъ были только послѣдовательны. Къ поэту и художнику они предъявляли требованія — колоссальныя. Но они же вознесли людей такого служенія на величавыя высоты.

Мірѣ, — свидѣтельствуютъ оба философа, — тайна и красота. Человѣческой духъ — могуществененъ и прекрасенъ. Нѣтъ ничего необъятнѣе и ярче, чѣмъ открытыя передъ нами дали жизни. И художественно-философское свидѣтельство это о мірѣ подобно волшебному зову, открывающему пещеру съ безцѣнными алмазами. Здѣсь тотъ же призывъ къ жизни — Сезамъ, отворись! И жизнь, — какъ она постигнута глубокой душой и творческимъ свѣтлымъ разумомъ писателя, — открывается передъ милліонами усталыхъ и не видящихъ красоты и тайны людей.

КНУТЬ ГАМСУНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ¹⁾.

ЛЮБОВЬ.

I.

Р о к ъ.

Подумать только,—что это было за кошунство: въ садахъ невозмутимо-яснаго рая, серебристо-бѣлаго отъ цвѣтниковъ ангельскихъ снѣжныхъ крыль, стояла, какъ развернувшійся розовый цвѣтокъ сладострастія, нагая Ева, вкусившая отъ дивнаго плода.

Одно мгновенье пребыванія въ райскихъ садахъ цвѣтка грѣха—было неискупимымъ кошунствомъ. Дьяволъ торжествовалъ.

Какъ прокаженныхъ, райскихъ любовниковъ изгнали. Когда закрылись за ними ворота высокой райской ограды, тамъ—на солнечныхъ полянахъ и въ свѣжихъ чащахъ—снова воцарилась благодать невозмутимой ясности. Старое дерево познанія добра и зла стояло безъ одного плода. Люди ушли, остались только Богъ и ангелы; исчезло послѣднее дуновение земной любви и страсти.

Гамсунъ вѣрнѣе древнему мѣу. О, Любовь—это только чья-то власть надъ нами! И поставить на одной страницѣ слова Любовь и Счастье нельзя.

¹⁾ Въ настоящей работѣ авторъ вторично обращается къ личности и творчеству Гамсуна (см. т. I литер.-крит. очерковъ „Творчество и жизнь“); критическій замыселъ и методъ настоящей работы совершенно отличаютъ ее отъ предыдущаго очерка; статья представляетъ собой самостоятельное цѣлое.

Любовь—не счастье, не путь къ осуществленіямъ. „Что же такое любовь?“ Почему навязываютъ ей цѣли счастья и осуществленій? Любовь—начало автономное, себѣ довлѣющее, чистое отъ цѣлей, стихія, живущая собой и для себя. Она освобождена у Гамсуна отъ человѣческаго. Первый изъ всѣхъ художниковъ міра—Гамсунъ взглянулъ на любовь не изъ человѣческаго міра, а внѣ его, какъ на особую, самостоятельно живущую стихію, подобную воздуху, водѣ и огню. Она какъ-то обособляется у него и даже индивидуализируется; въ концѣ-концовъ начинаетъ смутно зыблиться ея химерическій обликъ.

Лирики и художники всѣхъ странъ овладѣвающую ихъ душой стихію сливали и отождествляли съ собой или съ героями своихъ произведеній. Въ лирикѣ Мюссе онъ и его любовь—это одно. Въ романѣ Толстого Левинъ и его любовь къ Китти—это одно.

Не то, совсѣмъ не то у Гамсуна. Его отношеніе къ Любви, какъ къ самодовлѣющей стихіи, въ романахъ характеризуется особаго рода рисункомъ: художникъ неизмѣнно даетъ, порой—какъ двухъ персонажей, влюбленнаго и его Любовь, рисуя Глана, Нагеля, Юганнеса какъ бы очутившимися въ лапахъ сказочнаго чудовища. Онъ отвлекаетъ отъ персонажа овладѣвшую имъ стихію и, *рисуя пытку и томленіе влюбленнаго, поетъ гимны самой стихіи*. Снова и снова спрашиваетъ онъ себя: что такое любовь? И всѣ его образныя утвержденія покоятся на одномъ: это—сила, внѣ насъ живущая, играющая нами, мы лишь объектъ ея игры. Она подобно урагану, который летитъ самъ по себѣ, своимъ путемъ, и, настигнувъ насъ, взметаетъ подъ облака. Но, вѣдь, не мы же несемъ, а насъ несутъ... Нельзя здѣсь говорить о цѣляхъ и планахъ, даже просто о желаньяхъ. Моментъ этого внезапнаго взлета ничѣмъ не связанъ съ нашей предыдущей жизнью, и направить этотъ полетъ въ цѣляхъ будущаго мы также не въ силахъ. Это темный Рокъ постигаетъ насъ. И потому Гамсунъ всюду говоритъ: „Богъ поразилъ его Любовью“, но не говоритъ: „онъ полюбилъ“. Богъ поразилъ его любовью,—Богъ наслалъ на него чудовище, и вотъ онъ въ его лапахъ, Богъ послалъ на него ураганъ,— и вотъ подхваченъ онъ и подброшенъ подъ облака.

Любовь извлекаетъ человѣка изъ его, человѣческаго, такъ-называемаго реальнаго міра, изолируетъ отъ него, открываетъ новые, неожиданные пути, порой такіе безумно странные, что человѣкъ „здоровый“, не постигнутый силой стихіи, никогда не рѣшился бы вступить на нихъ, а очутившись въ ея власти, бросается на эти пути съ неотступной рѣшимостью. А вѣдь они покрыты и кровью, на нихъ всѣ эти слѣды убійствъ, самоубійствъ, муки и гибели...

Это слѣдованіе путями любви подобно путешествіямъ лунати-

ковъ, одержимыхъ загадочными вліяніями какой-то силы. Внѣшній реальный міръ на нихъ не дѣйствуетъ тогда, они покорны овладѣвшему ими внутреннему вліянію. Какой-то призрачный блескъ страннаго свѣтила пронизываетъ влюбленнаго и въ то же время словно дымная завѣса отдѣлила его отъ обыденнаго міра. Влюбленный подчиненъ инымъ законамъ особаго своего міра. Послушно въ своемъ лунатическомъ снѣ онъ идетъ и движется по призыву.

И часто этотъ лунатическій бредовой кругъ не разрывается, человекъ не возвращенъ самому себѣ, судьба его опредѣлена постижимъ его рокомъ. Такъ было съ Нагелемъ, съ Викторіей, съ Гланомъ, Но они—персонажи повѣстей Гамсуна, а не хотите ли узнать судьбу дѣйствительно жившаго на бѣломъ свѣтѣ человека и погибшаго въ такомъ же лунатическомъ бреду? Это нашъ—русскій поэтъ стихій, поэтъ полей—Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ. Біографы упоминаютъ вскользь объ его несчастной любви, но художникъ норвежскій посмотрѣлъ на это иначе. Любовь, по его словамъ, опредѣлила собой и жизнь, и призваніе, и гибель нашего поэта. Деревенская дѣвушка Дуняша, не сама по себѣ, конечно, а въ связи съ силой своего страшнаго любовнаго вліянія на душу поэта,—вотъ основной фактъ его жизни. Отъ нея—лирической расцвѣтъ его тоскующей души, отъ нея же отчаянье, пьянство и гибель. Такъ очертилъ жизнь нашего поэта Гамсунъ въ своей книгѣ „Въ сказочной странѣ“.

Необходимо подчеркнуть именно „обыкновенность“, даже, можетъ быть, заурядность Дуняши. Вѣдь и Дагни была только молодой, красивой и заурядной дѣвушкой. Но мы выдѣляемъ со своей „слишкомъ человѣческой“ точки зрѣнія даровитость, развитіе, доброту, честность и многія качества внутренняго уклада, не считая ни во что дары природные, черты стихійныя, не поддающіяся сознательному учету. Въ глубинахъ живой натуры норвежки Дагни или казачки Дуняши, помимо всего, что мы въ своемъ, въ „человѣческомъ“, ставимъ въ плюсь или въ минусъ, таятся органическія, стихійныя черты, сообщающія страстную плѣнительность и силу ихъ юному существованію. И вся мощь женскаго обаянія исходитъ отсюда. Если мыслимо выразить словами, точно формулировать сущность очарованія того или иного человека, то не велико это очарованіе и не властно; причины его во внѣшнемъ, наносномъ, и не связаны съ глубиннымъ, подпочвеннымъ „я“ человека. Мощно, неотразимо и какъ судьба все-сильно вліяніе существа, дѣйствующаго изнутри себя, силой свѣжей и стихійной, бьющей какъ родникъ изъ-подъ горы.

Жизнь не должна опредѣляться человекомъ, да избавить насъ Богъ отъ такой пустоты и скуки! Пока-что ею владѣютъ стихіи и Рокъ. Гамсунъ благословляетъ вольную игру стихій, владѣющихъ

людьми, деревьями, звѣрями и насѣкомыми. Онъ любитъ жизнь— какъ игру силъ, радость напряженія, веселое бѣшенство шумящихъ волнъ, безуміе страсти...

II.

Очарованіе.

Іоганнесъ съ дѣтства зналъ Викторію; они играли дѣтьми; она росла у него на глазахъ. Онъ могъ великолѣпно изучить ея походку, ея движенія, мелкія черточки ея манеры держаться. Знакомыя линіи ея лица и фигуры онъ могъ уже настолько знать, чтобы не замѣчать ихъ вовсе, какъ не замѣчаемъ мы то, что видѣли уже много разъ.

Но при каждой встрѣчѣ съ Викторіей онъ начиналъ дрожать въ глубокомъ волненіи, какъ-будто въ первый разъ его поражало впечатлѣніе неотразимое.

Что же это значило? „Какой-то аромать струился отъ ея усть“... Нѣтъ, побѣдить ее, эту дѣвушку, было невозможно. Когда она стояла предъ нимъ на улицѣ,—отъ ея одежды, отъ ея волосъ и губъ исходилъ аромать, обвивавшій одурманенную голову Іоганнеса. Эта дуэль была не равна. Оружіе выпало изъ рукъ Іоганнеса. Ему нечѣмъ было отбивать ударовъ. И тоненькій острый стилетъ непобѣдимого любовнаго очарованія вонзился ему въ сердце.

Какая же это была борьба? Уединившійся страстный мечтатель самъ же снабдилъ ее, своего врага, страшнымъ оружіемъ, цѣлымъ арсеналомъ всевозможнаго оружія. Это онъ напоилъ ароматомъ ея одежды и волосы, это онъ исполнилъ нѣжнаго очарованія ея каждый шагъ и поворотъ тѣла и каждую черточку фигуры, это онъ вложилъ тайный и свѣтлый смыслъ въ каждый моментъ ея существованія. Ей стоитъ только показаться передъ нимъ, и вотъ она—триумфаторъ, царица, властительница... И усиливъ ее такимъ образомъ, себя самого онъ обезсилилъ своимъ восхищеніемъ, своей глубокой жаждущей любовью, своимъ волненіемъ... Такъ кончается дуэль съ женщиной поэтовъ и мечтателей, они снабжаютъ ее оружіемъ той могущественной силы, о которой она не мечтала.

Не самая ли жажда любви такъ оковала Іоганнеса?.. „Всѣ пути ея покрыты цвѣтами и кровью“... Силой этой жажды юноша-поэтъ разъ навсегда возлагаетъ на дѣвушку вѣнецъ власти и силы; знакъ таинственнаго любовнаго могущества—теперь на ней, и вотъ почему безъ глубокаго волненія онъ не можетъ ее видѣть.

Пустынная улица въ сентябрѣ. Вдали идетъ Викторія, она приближается къ Іоганнесу. Встрѣтились. Поклонъ. Проходятъ мимо. У Іоганнеса дрожатъ ноги. Онъ возвращается, подходитъ.—Здравствуйте, говоритъ Викторія.— „Онъ хотѣлъ отвѣтить и могъ только пошевеливать губами. Какой-то аромать струился отъ ея одеждъ или, можетъ быть, отъ усть... Онъ узналъ ея гибкія плечи и ея длинную руку, опирающуюся на зонтикъ“.

Въ ней все—оружіе и побѣдное оружіе. Необыкновенно красивой кажется Іоганнесу ея „длинная рука“, безконечно мило „ея гибкое плечо“. Художникъ попалъ въ плѣнъ своей тонкой наблюдательности, своего художественнаго очарованія. Такой же манерой, „*мифико-реалистическаго*“ рисунка отличался у насъ Тургеневъ, несравненный поэтъ женственнаго очарованія; онъ говоритъ о рукахъ Катеньки Одинцовой („Отцы и дѣти“): „ея большія прекрасныя руки“... И очарованіе и рисунокъ—вмѣстѣ.

Въ этомъ сила истиннаго художника; во плоти и крови даются имъ переживанія. Мелкій штришокъ озаряетъ чувство и даетъ его сильно и выукло. Вотъ носильщики загородили путь влюбленнымъ и Викторію оттѣснили къ стѣнѣ; Іоганнесъ чувствуетъ на щекѣ ея дыханіе...

Эти тонкія физическія переживанія непобѣдимо овладѣваютъ душой, въ нихъ что-то музыкально-волнующее, отъ нихъ труднѣе отдѣлаться, чѣмъ отъ многого другого. Не разгадать, что именно покоряетъ въ нихъ душу, но рисунокъ знакомаго плеча, но такая близкая памяти „длинная рука“ говорятъ что-то странно убѣдительное сердцу. Вотъ послушайте про лейтенанта Глана („Панъ“), онъ долго не видѣлъ однажды Эдварду, онъ отвергалъ ее въ эту полосу, хотѣлъ заключить себя въ броню. И шли дни. Однажды встрѣтилъ онъ ее въ лавкѣ. Оглядѣлъ ее всю съ головы до ногъ, посмотрѣлъ на ея руки и— „выраженіе этихъ длинныхъ пальцевъ подѣйствовало на него со страшной силой и вызвало дрожь“.

Потомъ ужъ очарованіе овладѣваетъ всецѣло. Довѣрчиво, какъ ребенокъ, который тянется къ любимой игрушкѣ, юноша бросается въ этотъ „любовный лабиринтъ“, который воспѣваетъ сумрачный монахъ Мункенъ Вентъ. Волшебный Сезамъ долженъ открыться. О путяхъ крови нѣтъ еще мысли; видится райскій садъ солнца, наготы, счастья и ясности... Но, какъ заповѣдано еще въ Библии, женщина отклоняетъ отъ идилліи невозмутимаго блаженства; ей нужны пути, покрытые цвѣтами и кровью... Ради неизвѣданныхъ и трудныхъ скитаній по лицу дикой земли она отдастъ мирное счастье рая; ради переменъ, неожиданностей, ужасовъ, убійствъ, оскверненій, святотатствъ

и опасностей. Таковъ духъ женщины, которой владѣтъ царь обольщеній—Змѣй.

Юная женщина во много разъ старѣе юнаго мужчины; она провидитъ однообразіе осуществленій, конецъ самого любовнаго пламени въ тихомъ однообразіи „счастья“. И, какъ хранительница священнаго пламени, раздуваетъ его борьбой, измѣной, ревностью, мукой, тоской и отчаньемъ, пока не разгорится яростное, злое, беспощадное пламя.

Но какъ младенчески наивенъ юноша!.. Отъ бѣлаго лба и ясныхъ глазъ женщины на него вѣтъ такимъ сіяніемъ эдемскаго мира. Онъ взятъ, побѣжденъ, влюбленъ уже до конца; онъ не оставляетъ на себѣ ни одного неуязвимаго мѣста; онъ отбрасываетъ все оружіе; онъ даетъ связать себѣ ноги и руки и обрѣзаетъ волосы. А у женщины спрятанъ въ складкахъ одежды стилетъ,—она думаетъ о борьбѣ.

Пройдетъ немного времени, и неизбежность борьбы станетъ ясной для обѣихъ сторонъ. Но пока мужчина еще грезитъ съ закрытыми глазами. Безумная радость овладѣваетъ его сердцемъ; какъ самому Богу, вѣритъ онъ возлюбленной и безумствуетъ отъ слова, отъ движенія руки ея. Сквозь мягкій комизмъ рисунка Гамсуна слышится страстное, обнаженное чувство наивнаго человѣческаго сердца. „Какое-то бурное волненіе заставило Іоганнеса встать и снова идти. Какъ онъ былъ счастливъ! Онъ упалъ на колѣни и со слезами благодарилъ Бога за этотъ день! Она стояла на берегу, она слышала, какъ ему кричали „ура“, она сказала, что онъ долженъ пойти домой и переодѣться“.

III.

Г и м н ы.

Любовь повела Іоганнеса въ свои „роскошные и безстыдные сады“, и онъ рвалъ тамъ цвѣты и собиралъ въ свой стаканъ всѣ капельки разнообразныхъ ядовъ, рожденныхъ на свѣтъ въ порывахъ, въ бѣшенствѣ, въ экстазѣ, въ сладчайшемъ наслажденіи и въ самой тяжелой мукѣ. Все это собралъ онъ въ свой стаканъ и протянулъ его читателю: пей, отравись, вотъ волшебный напитокъ поэта, алое вино любви...

Такъ дѣлалъ самъ Гамсунъ. Художникъ-созерцатель можетъ взглянуть со стороны на то пламя, въ которомъ онъ самъ сгораетъ, на ту большую и глубоку рѣку страсти, въ быстринѣ и водоворотахъ

которой онъ самъ же безвольно и слѣпо кружится и утопаетъ. Что мы знаемъ о стихіи—въ самой себѣ, внѣ нашихъ мыслей и переживаній? Мы чувствуемъ, что насъ несетъ и кружить, но ничего не знаемъ о стихіи, насъ уносящей.

Гамсунъ отвлекся отъ замкнуто-человѣческаго и воспѣлъ силу овладѣвающихъ человѣкомъ стихій.

Онъ хотѣлъ узнать самый напитокъ любви, его цвѣтъ, его вкусъ. Закрывъ глаза, мы пьемъ изъ этой чаши, безъ единой мысли о самой любви, объ ея особой сущности, слѣпо протягивая руки къ женщинѣ и бросая къ ея ногамъ душу. Гамсунъ стоитъ въ сторонѣ, какъ Панъ у ствола, съ цѣвницей на губахъ. Онъ поетъ ту дрожь, отъ которой змѣится тѣло женщины и которая низвергаетъ въ водоворотъ мужчину. Самый вкусъ капелекъ любовной влаги чувствуетъ онъ на губахъ и говоритъ о Любви, что живетъ въ мірѣ, какъ дикая и могущественная птица невѣдомыхъ садовъ, осѣняющая міръ своими огромными крыльями, взмахи которой навѣвають безуміе и дивные сны.

Но въ книгѣ Іоганнеса, повидимому, высказано не все. Нѣтъ,—еще многое, многое каждый день приливаетъ къ его сердцу; эти приливы чувствъ оставляютъ послѣ себя жемчужины образовъ и мыслей. И, встрѣтившись съ Викторіей, Іоганнесъ открываетъ свою душу и прямо оттуда льется его рѣчь.

По вечерамъ онъ, сидя въ комнатѣ, мечтаетъ о томъ, — не вспомнила ли она его въ эту минуту. Маленькій алтарь воздвигъ онъ ей у себя и каждый день украшаетъ его новыми цвѣтами и ставитъ ихъ въ воду. И стихи его звучатъ ей; когда вечеромъ тополи шумятъ у его окна, изъ его сердца какъ-будто вырывается волна любви и застываетъ горячей яркой пѣсней.

Она опьянила его, и въ приливѣ, который куда-то бѣшено несетъ его душу, чувствуются силы творческаго взлета и влеченія. Его душу нудитъ что-то и зоветъ къ огромному труду художника. „Иногда это стремленіе неудержимо рвется наружу, и я вскакиваю ночью и, шатаясь, хожу по комнатѣ, потому что схожу съ ума отъ видѣній. Я иду къ окну и пою. И начинается свѣтать. Тополі чуть шелестятъ. Покойной ночи, — говорю я наступающему дню“.

По улицѣ, на площади бродятъ дѣвушка и юноша, и словно подъ этимъ небомъ живутъ только они двое,—царственная (въ силу ихъ гордой сіяющей любви) чета. Викторія вынимаетъ изъ-за растегнутаго корсажа его стихи и, „покрытая румянцемъ, съ глазами, сіявшими изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, кладетъ свою горячую руку на руку Іоганнеса“.

Туманная, смутная сказка чуть брезжить передъ мечтателемъ,

солнечные дни осуществлений. Какъ художникъ, онъ могъ бы почувствовать всю полноту еще не сбывшихся наслаждений, нарисовать то нѣжное и тайное, что манило его душу,—увидѣть бѣлый замкнутый домъ своей весенней жизни вдвоемъ съ Викторіей, увидѣть ея тонкія руки на своихъ плечахъ, ея глаза—въ упоръ сіяющіе его глазамъ, обнаженную тайную пѣсню ея цвѣтущаго тѣла... Но ни одинъ образъ возможныхъ переживаній еще не проникъ въ сознание робкаго передъ своей грезой мечтателя, окутаннаго смутнымъ благоухающимъ туманомъ влеченій. А женщина, дикая и рѣшительная женщина Гамсуна однимъ движеніемъ вводитъ дѣйствительность въ сказку. Усиливъ для контраста неожиданную холодность, Викторія, уже позвонивъ у своихъ дверей, сбѣгаетъ на нѣсколько ступеней внизъ, обнимаетъ и цѣлуетъ Іоганнеса, задышающаяся, съ затуманенными глазами.—„Одного васъ люблю я“...

Весь романъ „Викторія“—сплошь книга любви, книга душистой и горячей лѣтней прозы. Юноша только-что началъ жить, только-что сѣлъ въ свою лодочку, качаемую волнами моря. Его радуется непрерывный прибой, онъ хочетъ еще и еще опьяненія, безумія и болѣзненной жажды.

„Свѣтаетъ. Забрезжилъ холодный сентябрьскій день. Тополи шумятъ въ саду. Открывается въ домѣ окно, высовывается человѣкъ и тихо поетъ. Онъ опьяненъ отъ счастья“.

п ѣ с н я.

„Ея губы были красны, и я люблю ее, она цѣлуетъ и опьяняетъ ими. Дрожали ли у васъ когда-нибудь такъ губы, что вы не могли говорить?“

„Въ душѣ моей возникъ теплый лѣтній день, ангелъ протягивалъ мнѣ чашу съ виномъ, и я пилъ, это былъ опьяняющій напитокъ, и я пилъ его изъ гранатовой чаши. Я пережилъ все снова. Я шелъ съ нею, съ моей милой, въ паркѣ король не отрывалъ взгляда отъ нея, потому что она стройна и прекрасна, на улицѣ юноши съ восхищеніемъ провожали ее взглядомъ, потому что она молода и одѣта въ свѣтлое платье. И на лѣстницѣ краснаго дома она обняла меня и поцѣловала. Я пѣлъ о счастье“.

Въ нѣжномъ и умирающемъ отъ жажды и отчаянья сердцѣ рождаются самыя проникновенныя, самыя „настоящія“ слова любви и пѣсни. Элегикъ-поэтъ, душа котораго утопала въ его вечернихъ, химерически-зыбкихъ грезахъ, былъ подобенъ тому, кто стоитъ на рубежѣ между жизнью и смертью и кто съ туманной и воздушной

высоты прислушивается къ звону чистѣйшихъ струнъ, къ тихому пѣнію сферическихъ волнъ. Его волновало ощущеніе дыханія возлюбленной на его щекахъ, онъ дрожалъ отъ шелеста ея одежды. Подавленный стихіей, онъ какъ бы растворился въ своемъ чувствѣ любви...

А цвѣтущая, сильная Викторія такъ твердо ступала по землѣ, такъ глубоко дышала морскимъ воздухомъ, и въ ея здоровьи, въ ея силѣ было много безжалостности... Куда попали камни ея на смѣшекъ, иглы ея жестокой игры? Въ нѣжное, подставленное подъ удары сердце. Оно уже кровоточило въ уединеніи поэта. Подумать только,—борьба начиналась именно тогда, когда поэтъ приходилъ безъ слѣда оружія, весь открытый для ударовъ. Мудрено не попасть въ цѣль, если душа обнажена... А женщины Гамсуна любятъ сладострастіе жесточайшихъ обидъ...

Но вотъ гаснетъ жизнь Викторіи, и близящаяся пустыня смерти раскрываетъ ей глаза на самое неоцѣнимое въ жизни. Ея обезсиленная душа поетъ свою тихую пѣсню неумирающей любви:—это письмо Викторіи. Встань она сейчасъ, здоровая и сильная, и снова пошла бы она путемъ гордости, своеволія и бунта. Но теперь затихли шумы ежедневной жизни, влилась глубокая и свѣтлая тишина, и въ ней, въ этой тишинѣ, неумолкаемо звучитъ ясная пѣснь любви, она звучно и четко раздается въ пустынѣ ея близкой къ концу жизни. Какъ-будто въ наступившей свободѣ развернулись бѣлыя крылья ея души и коснулись чуткой души Юганнеса. Этого *касанія* не знала прежде Викторія. Уходя отъ земли, на прощанье она коснулась крылами духа крылъ юноши, и это чувство предмогильнаго разставанія проникаетъ письмо скорбнымъ и трогательнымъ мотивомъ. Жажда и скорбь любви разрываютъ ей сердце. Она проситъ повѣрить ей, она пишетъ правду, Богъ смотритъ черезъ ея плечо на слова и строки послѣдняго письма. Теперь ей кажется, что единственная правда жизни—это чуткая, вѣющая бѣлыми крыльями любовь души.

IV.

Б о р ь б а.

Какой-то тайный инстинктъ воинственной и цѣломудренной амазонки заставляетъ женщинъ Гамсуна покрывать щитомъ свою уже отдающуюся, уже зацвѣтающую любовью душу.

И чѣмъ острѣе разгорается пламя въ ихъ сердцахъ, тѣмъ съ большимъ отчаяніемъ и напряженіемъ ведется борьба. И яростнѣе бо-

рятся онъ съ нѣжной лирикой и тонкой фантазіей поэта, чѣмъ съ грубой силой дикаго самца. Поэзія опаснѣе; лирическую паутину влюбленнаго мечтателя онъ рвутъ съ большей рѣзкостью, чѣмъ грубыя веревочныя сѣти мѣщанскихъ обольстителей. Но порой нѣжное благоуханіе лиризма вливается въ ихъ сердце и отравляетъ своимъ очарованіемъ. На мигъ онъ поддаются съ той же неудержимой пылкостью, съ какой сопротивлялись. Но потомъ сладостно подготавливаютъ мщеніе и мстятъ холодно, рѣзко и сладострастно. Іоганнесъ и лейтенантъ Гланъ прошли сквозь всю эту гамму переживаній.

Такая любовь ведетъ по какимъ-то горнымъ крутизнамъ, гдѣ тропинка змѣится по вершинѣ и срывается въ бездну. На этомъ дьявольскомъ пути Гланъ ломалъ себѣ ноги. Но что могла подѣлать съ собой Эдварда, когда богъ любви порой какъ бы снималъ съ нея свои пути? Такъ приходилось этому послѣднему быть бросаемымъ, подобно мячику, съ вершины въ яму и обратно. И эти взлеты и паденія были такъ неожиданны и рѣзки, дикая норвежка такъ швырялась людьми, что даже закаленный Гланъ не выдержалъ. И побѣдителемъ остался не онъ.

Приходилось бороться съ Эдвардой уже не во внѣ, а въ собственной душѣ, гдѣ она прочно поселилась. Почти-что съ самимъ собой приходилось яростно бороться. Въ душѣ Глана иногда просыпался упорный и мстительный звѣрь. Напитокъ злобы и муки былъ порой сладостнѣе напитка любви. Хотѣлось мучить и мучиться, пытаться и быть пытаему самому. Это наслажденіе собственной болью. Подумать только,—вонзять ножъ въ того, кого любишь, смотрѣть въ тоскующіе глаза того, кто заполнилъ собой всѣ дни и ночи, каждую мысль и каждую минуту; слѣдить за дрожью любимыхъ губъ, скривившихся отъ боли, которую нанесла мстительная и страстная любовь!.. Какая странная извилина въ путяхъ любви! Думалъ ли Гланъ, что подъ дождемъ, усталая и тоскующая Эдварда, будетъ цѣлымъ потокомъ моленій стучаться въ его душу и взывать къ нему:—Отвори... я люблю тебя... отвори!..—а онъ, блѣдный, съ холодными глазами и омертвѣвшей отъ этого мучительнаго упоенія душой, отвѣтитъ ей однимъ ядомъ язвительныхъ словъ и ни за что, ни за что не откроетъ ей даже частицы своей души... И потомъ, послѣ этого почти садическаго упоенія пыткой, у себя, въ своей дикой хижинѣ, будетъ метаться какъ звѣрь отъ любви и тоски!..

Гамсунъ недаромъ вспоминаетъ легендарную Изелину. Жадный и страстный духъ Изелины былъ въ Эдвардѣ. Эта дѣвушка хотѣла все узнать и все пережить, она была необычайно жадна къ жизни и протягивала руки ко всему новому. Какъ любопытная и наивная нимфа весенней скандинавской мифологіи, она не знала ни застѣн-

чивости, ни боязни, ни стыда, ни страха въ своей жадности къ переживаніямъ и ощущеніямъ. Ей бы бесконечно бродить по міру и знакомиться съ моряками, купцами, охотниками, владѣтельными графами, дикарями, бродягами, всѣмъ жить, все узнать, войти въ покои древняго замка, потомъ плясать въ приморскомъ кабачкѣ съ матросами, потомъ ласкать въ лѣсу на травѣ молодого охотника... Нѣтъ ни дна, ни вершинъ для нея,—все равно, все—жизнь; у нея достаточно сильныя и гибкія ноги, чтобы вскарабкаться изъ ямы на вершину, пока она молода. Она ничего не хочетъ отъ жизни, кромѣ бѣшенныхъ и смѣлыхъ ощущеній, и ей нуженъ не поэтъ, царствующій въ не-реальномъ облачномъ замкѣ, а мускулистый и грубый морякъ или охотникъ, которые бросились бы съ нею въ свалку, въ толчею жизни, на шумный праздникъ труда, любви, крови, чисто человѣческаго шумнаго и грубаго упоенія. Въ ней есть вакханка, но она шире вакханки, ей мало было бы только міра Вакха, сатировъ и Силэна, и, поласкавъ сегодня бархатное тѣло юноши Вакха и его золотыя кудри, она завтра же захотѣла бы узнать любовь спартанскаго солдата, сидонскаго купца, бродячаго философа, стараго жреца...

Вотъ ужъ кому не нужно ни оправдывать, ни осмысливать жизнь. Ея безпорядочныя и отдѣльныя ощущенія нанизаны на какое-то сумасшедшее ожерелье, единство и планъ котораго знаетъ одинъ Великій Панъ. Она рѣшительна, какъ Изелина, и, не задумываясь, отдается сегодня шотландцу Дундасу, завтра охотнику Херлуфсену, потомъ священнику Стаммеру, потомъ какому-нибудь принцу невѣдомыхъ острововъ.

Какъ ребенокъ, безумно отдается она порыву. Она обвиваетъ Глана своими смуглыми тоненькими руками, у него замираетъ сердце отъ ея близкаго взгляда, и она нѣсколько разъ цѣлуетъ его въ губы... „И потомъ стоитъ, съ блестящими глазами, ея маленькая грудь поднимается и опускается, и во второй разъ онъ пораженъ ея темными бровями, которыя высоко изгибались на лбу...“

Эта ребяческая вольность въ осуществленіи порывовъ очаровываетъ Глана. И вотъ расцвѣтаетъ для него его росистое, солнечное утро любви, необычайный блескъ и радость красокъ поражаютъ его глаза. Но въ полдень подъ сильнымъ зноемъ поднялся неподвижной тучей запахъ ядовитыхъ травъ и отравилъ души влюбленныхъ.

Вдругъ, совершенно неожиданно, послѣ блеска и зноя, Гланъ увидѣлъ, что онъ для Эдварды умеръ. Поразительнѣе удара трудно было придумать. И началась борьба не на жизнь, а на смерть.

Въ эти тревожные дни на помощь Глану приходитъ Панъ. Богъ таинственныхъ полдней и весенней жажды могъ быть доволенъ своимъ охотникомъ: у него были открыты глаза и слухъ на мощное

царство природы, и въ груди Глана было не дряблое агонизирующее сердце городского изнѣженного любовника, а сердце лѣсного охотника и морского вольнаго бродяги. Наступаютъ „желѣзные“ норвежскія ночи,—и Гланъ уходитъ въ лѣсъ и къ морю, прислушивается „къ тишинѣ, разлитой вокругъ, чувствуетъ кипучую кровь вселенной“ и вдругъ загорается радостью и мгновеннымъ дѣтскимъ восторгомъ: онъ увидѣлъ дикую кошку, граціознаго звѣря, въ моментъ охотничьяго напряженія; на морѣ во время бури, морской утесъ, о который разбиваются, высоко взмывая, волны, кажется ему морскимъ богомъ, вынырнувшимъ изъ воды и стряхивающимъ съ себя дождь брызгъ. Да, порой ему даже удается забыть на минуту Эдварду. А Эдварда? Она выдвигаетъ хромого язвительнаго доктора. Она затѣваетъ съ нимъ—въ который разъ—свою игру.— „Нѣтъ, хоть онъ и хромой, но вамъ за нимъ не угнаться, нѣтъ, не угнаться“... Это она сказала Глану въ раздраженіи, и Гланъ рѣшилъ сравнить свои шансы съ докторомъ: онъ прострѣливаетъ себѣ ногу.

Ихъ приливы и отливы любви не совпадаютъ; когда Эдварда, насытившись мучительствомъ, возвращается душой къ Глану, онъ уже слишкомъ отравленъ и не можетъ принять, какъ прежде, ея любовь. За Эдвардой начинаетъ ухаживать баронъ; она топчетъ ногами драгоценную брошь—подарокъ барона,—подъ дождемъ два часа ждетъ Глана и бурно, какъ и все, что она дѣлаетъ, открываетъ ему сердце. Но ядъ скопился у него въ его душѣ благодаря Эдвардѣ, и онъ возвращаетъ его ей. Теперь онъ мучительно издѣвается надъ ней и тиранитъ ее и себя. Это то же, что описано и въ романѣ „Викторія“:—борьба, схватка двухъ волей, поединокъ двухъ „я“.

Но кто зачинатель разлада и борьбы?... Кто превращаетъ нѣжный цвѣтокъ любви въ странное и ядовитое растеніе, уродливо-таинственное? Зачинатель разлада—женщина; какъ алхимикъ, она въ своей лабораторіи тайно приготавливаетъ черный напитокъ—ядъ и начинаетъ вливать въ чашу любовной влаги капли горькаго и остраго яда и неожиданно—руками, только-что ласкавшими возлюбленнаго, подносить ему отравленную влагу и любопытно слѣдить за конвульсіями и корчами и содроганіями своего милаго. Да, такова женщина норвежскаго художника. Безъ яда, безъ отравы, безъ огненной муки и припадковъ бѣшенства, отчаянія, смертной боли и черной тоски—любовь для нея слишкомъ прѣсна и скучна. Въ голубовато-прозрачный прѣсный напитокъ любовнаго счастья она подсыпаетъ горькіе и острые яды. Какъ Медея, она готовитъ драгоценныя одежды, пропитанныя пламеннымъ ядомъ, и облекаетъ въ нихъ не соперницу, а возлюбленнаго, котораго жгутъ и отравляютъ роскошныя ткани. Въ этотъ вихрь боли, сладострастія и тоски вовлекаетъ женщина муж-

чину и мчится съ нимъ въ адской пляскѣ, подъ зажигающіе звуки дѣвольскихъ скрипокъ любви...

Какъ-будто исполняя таинственное предназначеніе, словно жрицы сладострастнаго кошмарнаго божества, онѣ неуклонно ведутъ мужчину по этому адскому кругу безумія.

Чѣмъ мстятъ за это влюбленные поэты и охотники?—Они прежде всего теряютъ голову. Начинается „кривая переживаній“, извилины и круженія. Удивляться ли, что люди, которыхъ съ такой безумной непредвидѣнностью бьютъ обухомъ по головѣ, совершаютъ безумные поступки?.. Гланъ совсѣмъ не хочетъ мстить; растерянному и ошеломленному, ему вдругъ представляется занятнымъ бросить башмакъ съ ноги милой, но капризной и надменной Эдварды въ воду... Это не одинъ безумный поступокъ Глана въ томъ вихрѣ, въ который увлекла его Эдварда:—онѣ на балу плюетъ въ ухо барону, онѣ прострѣливаетъ себѣ ногу, онѣ убиваетъ своего любимаго Эзопа, котораго Эдварда попросила подарить ей, и посылаетъ ей мертвую собаку... Да, Гланъ начинаетъ чудачить не меньше смуглой дочери купца Макка, но виной тому та полоска земли, на которой очутились влюбленные, странныя свойства этой полосы, наводящей безуміе.

На такой же полосѣ земли очутился Нагель въ романѣ „Мистеріи“. У него пропала устоя, внутренній базисъ, онѣ шатается на ногахъ и близокъ къ гибели, и эта безнадежность, это отсутствіе равновѣсія рождаютъ взрывы горькаго и злого смѣха, кощунства надъ всѣмъ—самымъ дорогимъ и святымъ. Онѣ готовъ на самыя дикія и нелѣпныя выходки, и особенно тянетъ его поиздѣваться немного надъ его божествомъ, надъ его святыней—Дагни. „Я былъ бы способенъ подойти къ ней на улицѣ и совершенно серьезно въ присутствіи свидѣтелей посмотреть ей прямо въ лицо и сказать: доброе утро, фрекенъ, поздравляю васъ съ чистой сорочкой. Да, слышали ли вы чтонибудь подобное?.. Что бы я сдѣлалъ послѣ этого,—побѣжалъ ли бы я домой и сталъ бы рыдать, уткнувшись въ платокъ, или взялъ бы нѣсколько капель изъ пузырька, который я ношу въ карманѣ,—это другой вопросъ. Я могъ бы днемъ въ церкви, во время проповѣди ея отца-пастора остановиться передъ нею и сказать ей въ лицо самыя циничныя слова, чтобы только заставить ее покраснѣть. А потомъ я былъ бы въ состояніи броситься передъ ней на колѣни и умолять ее, чтобы она меня осчастливила, плюнувъ мнѣ въ лицо“.

Нагель, какъ и Гланъ, когда онѣ былъ „здоровъ“, не влюбленъ, способенъ былъ глубоко отдаваться чистому и радостному успокоенію въ природѣ. Но потомъ наступилъ часъ,—и оба они завертѣлись въ хаосъ. Кажется, будто бы оба они—подобно воздушнымъ зеленымъ мухамъ—послѣ радостнаго полета въ іюньскомъ воздухѣ попали въ

огромную, раскинутую таинственнымъ паукомъ паутину. И этотъ паукъ—Любовь. И вотъ опутываетъ ихъ кто-то липкими непобѣдимыми сѣтями, и паукъ сосетъ кровь жертвъ, и раздаётся длительный звонъ и жужжаніе, и тянется агонія... Стихія празднуетъ побѣду. Такова любовь. Слѣдуетъ разъ навсегда понять:—не она для людей, но люди для нея. Въ своемъ наивномъ эгоцентризмѣ мы готовы были признать любовь—стихіей подчиненной, дѣйствующей въ нашихъ цѣляхъ. Художникъ чуждъ этого ослѣпленія: онъ видитъ равно власть стихіи среди растений, животныхъ и людей. Всѣхъ поджидаетъ вѣлѣнье рока и гдѣ-нибудь поражаетъ. Стихія играетъ нами. И проводники ея безумнаго стихійнаго начала — женщины. Онѣ не утоляютъ жажды и алканія мужчины; нѣтъ, онѣ его дразнятъ, раздражаютъ, мучаютъ, ведутъ его кружными путями и извилинами и вмѣсто прохладной влаги утоленія даютъ огненный ядъ, вызывающій безуміе и тоску... Быть можетъ, бессознательный расчетъ женщинъ тотъ, что влага до утоленія и послѣ утоленія кажется не одинаково прекрасной.

V.

И з е л и н а .

Она появляется только весной и лѣтомъ. Гдѣ дремлетъ, гдѣ прозябаетъ она осенью и зимой, при облетаніи, при увяданіи, подъ бѣлымъ снѣгомъ,—неизвѣстно. Но весной она просыпается; сильная, розовая, веселая и страшно подвижная. Быстро и нетерпѣливо рыщетъ по дорожкамъ и чащамъ лѣса. Ноздри ея дрожатъ, губы всему улыбаются. Изелина—совсѣмъ молодая дѣвушка, каждой весной она просыпается юной-юной, не помнитъ, любила ли кого, не знаетъ ничего о любви, и только бѣшено струится въ ней и что-то поетъ и поетъ красная, горячая кровь.

Рождаются съ каждымъ днемъ молодые листья и зелеными тучами шумятъ; рыщутъ птицы съ вѣточками въ клювъ; на землѣ среди травъ—шорохъ червей, жучковъ, лауковъ; безпокойны и выжидательны звѣри; рыхлая влажная земля и прогнившіе въ ней листья и пни пахнутъ сыро и остро запахомъ мозга. Изелина поднимаетъ лицо къ солнечному лучу; двѣ—три блѣдныхъ веснушки—даръ перваго зноя—появились на ея тонкой, нѣжной кожѣ; можетъ быть, появилась кровавая трещинка на губѣ—поцѣлуй влажнаго вѣтра. Изелина быстро-быстро идетъ, шуршитъ ея платье по травѣ, подъ гибкой сильной ногой словно гнется влажная земля.

Съ нею идетъ Дидерихъ. Когда-то, въ одну изъ прошлыхъ весенъ Дидерихъ былъ, но сейчасъ Дидериха, въ сущности, нѣтъ. Изелина чувствуетъ себя одной, и потому она нисколько не стѣсняется. У дерева Изелина говоритъ Дидериху: „Подожди здѣсь“; она увидѣла между стволами лѣсного охотника; да, изъ чащи выходитъ молодой лѣсной охотникъ; онъ въ зеленой мантии и въ желтыхъ сапогахъ. Все той же поспѣшной походкой подходитъ Изелина къ охотнику; что-то таинственное, цѣломудренное и безстыдное, невинно-дѣвичье и открыто-вакхическое змѣится въ ея движеніяхъ, въ лицѣ, въ линіяхъ окутаннаго тканями тѣла. Да, она поспѣшно подходитъ къ охотнику: ей нужно подвязать ремень на ногѣ. Онъ откладываетъ ружье и ягдашъ, онъ наклоняется, онъ подымаетъ надъ ея ногой платье. „А она нагая съ ногъ до головы подъ своимъ покровомъ, и онъ касается ея рукой“.

— Завяжи мнѣ ремень,—говоритъ она, и щеки у нея горять, и она шепчетъ у лица, у самыхъ губъ охотника:—Нѣтъ, ты не завяжешь мнѣ ремня, мой милый, нѣтъ, не завяжешь...

И только черезъ часъ она уходитъ, *и на упрекъ Дидериха раздается по лѣсу ея громкій веселый смѣхъ, и она идетъ дальше, ликующая и грѣшная, съ головы до ногъ“...*

Быль вечеръ весенній однажды, когда она впервые узнала, что въ мірѣ есть Любовь. Въ лѣсу, въ избушкѣ, полной шороха сосенъ и трепетанія тѣней, она неизвѣстно почему забыла запереть двери. Было уже поздно. Въ окно глядѣла ночь. Одна она лежала на постели, увѣренная, что дверь заперта. И вдругъ дверь открылась, и вошелъ молодой Дундасъ. Тогда у нея открылись глаза на жизнь ея сильнаго и нѣжнаго тѣла. Она прочла, съ удивленіемъ, съ наивной жадной молодого невѣдѣнія, прочла въ эту ночь поэму двухъ юныхъ тѣлъ. Надъ этой сказкой Гамсуна вѣетъ свѣжесть бѣлой весенней ночи, она пропитана ароматомъ вечернихъ цвѣтовъ, росы и глубокой весенней ночи. Нѣтъ, здѣсь признака не найти приторной щекоющей эротики, это здорово и свѣжо, какъ жизнь полей и лѣсовъ. Поэты Эроса, поучитесь самому важному у Гамсуна: его мѣткому художественному удару, его рѣдчайшему проникновенію въ самую дрожь чувствъ, въ зыбкій хаосъ ощущеній, въ интимнѣйшіе нюансы переживаній, которыми онъ озаряетъ все, ни на секунду не переходя въ порнографію. Ему не нужно фотографической плоской наготы рисунка, которой изумляютъ у насъ современные беллетристы. Онъ знаетъ тайну художника: — *необходимость обнаружить сладострастіе чувствъ, а не однихъ внѣшнихъ дѣйствій*. Нѣтъ, до „неприличныхъ фотографій“ Гамсунъ не дошелъ; какъ художникъ — онъ рисовалъ переживанія и чувства. И очаровательная фраза Изелины, шопотъ у

лица, у самых губъ охотника: „нѣтъ, ты не завяжешь мнѣ ремня, мой милый, нѣтъ, не завяжешь“ больше говорить и ярче рисуетъ, чѣмъ десятки фотографій и снимковъ наготы.

Весной и лѣтомъ Изелина всюду. Она веселая и здоровая и не знаетъ ни ревности, ни мукъ любви. Любовь для нея—какъ безконечный рядъ золотыхъ костровъ, черезъ которые она проходитъ, наслаждаясь дивнымъ огнемъ. О пройденномъ кострѣ не вспоминаетъ и идетъ на новый. Если она оставила тебя,—иди и ты къ другой, какъ она къ другому, ибо священны и плѣнительны костры жизни въ каждомъ, а радостная жажда все новыхъ переживаній — безгранична. Нѣтъ, мимо новаго охотника, вышедшаго изъ лѣсу, она не пройдетъ: она цѣнитъ каждый огонекъ жизни. Былъ Дидрихъ, былъ Дундасъ, былъ Херлуфсенъ, былъ Стаммеръ,—о, будутъ многіе и многіе другіе...

У Глана не было зеленой мантии, не было желтыхъ сапогъ, у него былъ обыкновенный офицерскій мундиръ, но если бы не отравила его любовь-болѣзнь и не попалъ онъ въ тоскливый лунатическій садъ своихъ видѣній и грезъ и если бы онъ былъ простымъ, веселымъ и здоровымъ, какъ сама Изелина, она вошла бы въ его хижину, съѣла его кусокъ жареной дичины,—улыбнулась „звѣриному взгляду“ Глана и попросила бы его посмотрѣть, „такія ли же у нея маленькія ноги, какъ у Эвы“.

И, однажды, когда Гланъ пришелъ исцѣлиться отъ своей любви въ лѣсъ (—„Мой милый лѣсъ, мое жилище, Божья благодать“...—) когда глубоко въ сердце его успокоительно повѣялъ Панъ, охотникъ задремалъ у моря подъ краснымъ закатомъ, и вотъ — слышитъ на своихъ губахъ поцѣлуй... Изелина... — говоритъ онъ... и что-то шуршитъ въ травѣ, словно крадущіеся шаги...

Неслышно скользнула она отъ него въ чашу и гдѣ-нибудь лукаво смѣется, ликующая и грѣшная...

VI.

Вернуться въ старый рай...

— Снова вернуться въ нашъ старый рай; верхушки тысячелѣтнихъ деревьевъ шумятъ тамъ подъ солнцемъ; источники журчатъ въ изумрудныхъ долинахъ, а на опушкѣ пантера и овца слѣдятъ умными глазами за взмахомъ ангельскихъ крылъ.

— Тихій свѣтъ разлитъ всюду, отдаленные хоры молитвословій, насыщенныхъ вѣчной мудростью, вѣютъ нѣжными крыльями, обвѣва-

ютъ легко душу, и въ одномъ мигѣ углубленнаго созерцанія проносятся вѣка и вѣка.

— Снова вернуться въ нашъ старый рай...—Юный Адамъ и юная Ева, нагѣе, жмурающіеся, какъ въ первый день, отъ блеска, одни со своей юной любовью за высокой оградой Вѣчнаго Сада. Състь у подножія престола Бога—передъ ширью долинъ, чащъ, холмовъ, провожать вѣка и вѣка въ тихомъ теченіи жизненнаго райскаго потока...

Если бы увести сюда—въ эту зеленую пустыню легкихъ ангеловъ—уединенной тропинкой Іоганнеса съ его Викторіей, или Нагеля съ его Дагни, или Глана съ его Эдвардой и закрыть за четой, пораженной любовью, высокую ограду и оставить ихъ тамъ съ цвѣтами, съ травами, съ мотыльками, съ тростниками рѣчныхъ побережій, съ деревьями... Развѣ именно это не было бы осуществленіемъ алканій всѣхъ мужскихъ душъ у Гамсуна?... Всѣ онѣ ищутъ глубокихъ рѣкъ и ея пустынныхъ береговъ для жизни; идутъ въ дикій лѣсъ, почувствовать себя снова на таинственной, сотворенной нездѣшной мудростью землѣ, приблизить отдаленную иллюзію человѣческаго легендарнаго прошлаго, когда все было въ живыхъ покровахъ мистической поэзіи, когда прямо надъ головой человѣка вѣялъ, проносясь, ангелъ; когда Старый, Ясный, какъ живая природа, Могушественный и Вѣчный Богъ сіялъ въ глаза человѣку своими вѣщими, все открывающими глазами. Невыносима плотная, сгустившаяся надъ головами людей, покрывшая ихъ какъ колпакомъ атмосфера „человѣческаго“! Какъ свѣжи, прохладны и жизненны были струи воздуха первозданнаго міра. Въ жаждѣ свѣжихъ струй уходятъ въ дикія мѣста мечтатели, охотники, люди вольнаго скитанія. Но вотъ въ душу ихъ прямо льется огненная струя вѣчной стихіи: это—любовь. И тогда загорается въ нихъ алканіе древняго рая, мучительное и безумное, отъ котораго Іоганнесъ, Гланъ и Нагель бьются о мертвыя стѣны „человѣческаго“ и сходятъ съ ума. Это не алканіе безтѣлесности, нѣтъ, снова хотятъ они—живыми, нагими, радостно свѣтлыми—войти въ старый святой рай, окунуться въ потокъ безконечнаго счастья, чувствуя рядомъ съ собой свою Еву, свою Дагни, свою Викторію (я не рѣшаюсь прибавить: Эдварду; нѣтъ, подумать только, что эта сумасшедшая Эдварда надѣлала бы въ рай!).

Въ душѣ cadaго мечтателя и поэта живъ прообразъ перваго существованія; частица души Адама горитъ въ ихъ душѣ. Что такое мечтательность, какъ не приливъ чрезмѣрной жизненной жажды, не находящей выхода, отягощающей своимъ богатствомъ душу, зовущей къ той, когда-то испытанной мистической и стихійной полнотѣ существованія?.. Частица адамовой души зоветъ насъ къ бытію, въ которомъ такъ радостно купались душа и тѣло; грезятся вѣчные сады

подъ вѣчнымъ солнцемъ, вѣчное благоуханіе розовой наготы нѣжной Евы, вѣчный хмель любви и глубины всебытія, озаряющія человѣческую жизнь.

Что было бы съ мощнымъ деревомъ, если бы живые соки его, дающіе расцвѣтъ листьямъ, цвѣтамъ и плодамъ, не истощались въ этихъ процессахъ рожденія, а скоплялись все больше и больше, не разрѣшая напряженія богатствомъ цвѣтовъ и плодовъ?... Съ душой мечтателя происходитъ именно это,—онъ гибнетъ въ чрезмѣрномъ обиліи жизненныхъ силъ и жажды, не разрѣшаемыхъ творчествомъ существованія. Законъ приливовъ и отливовъ царствуетъ вездѣ. Но онъ нарушенъ на вѣчность у людей, обреченныхъ на разладъ, жертвъ стихіи, вызывающей въ душѣ безсильное алканье и хаосъ.

Любовь рождаетъ страстное бѣшенство этой жажды, и каждый новый мигъ неосуществленья есть злая и неотступная боль.

Въ этомъ голодѣ, въ этой жадѣ приходитъ Нагель къ „старому ребенку“ Мартѣ и рисуетъ ей дикую, библейски-первобытную ихъ будущую жизнь въ лѣсу. Свою ослабѣвшую отъ тоски и отчаянья душу онъ поддерживаетъ грезами. Но обольщая Марту, онъ ночью подъ дождемъ идетъ въ лѣсъ и долго-долго возится, вырѣзывая на корѣ старой сосны имя „Дагни“.

Одинъ разъ въ безумномъ порывѣ онъ поднялъ ее съ земли въ объятіи и осыпалъ ея губы поцѣлуями... Но въ ворота рая онъ съ ней не войдетъ и не увидитъ игру солнечныхъ пятенъ и дрожаніе тѣней вѣтокъ на ея бѣлой наготѣ.

„Даже сейчасъ, когда вы произнесли послѣднія слова, отнюдь не радостныя,—даже сейчасъ вашъ голосъ звучалъ какъ пѣніе,—говоритъ Нагель Дагни;—у меня, положительно, было такое ощущеніе, точно все во мнѣ начинаетъ расцвѣтать. Да, это удивительно. Знаете ли вы, что я ночью ходилъ къ вашему дому въ надеждѣ увидѣть хоть вашу тѣнь въ окнѣ, что я лежалъ здѣсь въ лѣсу на колѣняхъ и молился за васъ Богу? Вы видите эту сосну? Я остановился какъ-разъ на этомъ мѣстѣ, потому что у этой сосны я не одну ночь пролежалъ въ отчаяніи отъ того, что вы не выходили изъ моей головы. Съ этого мѣста я каждый вечеръ желалъ вамъ спокойной ночи, я просилъ звѣзды и вѣтеръ передать вамъ мой привѣтъ; вы должны были это чувствовать во снѣ“...

„Они пошли дальше.—Дагни, Дагни,—сказалъ онъ вдругъ. И не успѣла она оглянуться, какъ онъ упалъ на колѣни среди дороги и лежалъ такъ цѣлую минуту, держа шляпу въ рукѣ и склонивъ голову“.

Вспоминается „любовный лабиринтъ“ монаха Вендта. Вотъ она—наяву—бредовая реальность, лунатическій сонъ. Мука неосуществле-

нія заставляетъ корчиться, какъ въ припадкѣ падучей, Нагеля. Какая-то стихія связываетъ его и бросаетъ къ ногамъ Дагни.

Но самымъ категорическимъ утвержденіемъ вѣры Нагеля въ „старый рай“, его безумной мечты „о вѣчномъ существованіи“—служитъ необычное, почти дикое на первый взглядъ его поведеніе. Влюбленный въ Дагни, Нагель упорно, даже какъ-то маниакально занять рѣзкимъ и рѣшительнымъ разрушеніемъ своего внѣшняго воздѣйствія на Дагни, внѣшняго вліянія на нее. Какъ фанатическій безумецъ, онъ вѣритъ только и только въ чудо внутреннихъ неожиданныхъ и необъяснимыхъ сближеній. Нѣтъ, онъ не хочетъ казаться Дагни героемъ, спасшимъ утопающаго; поэтому съ блестящей фантазіей; скрипачомъ съ бурнымъ темпераментомъ; доброй душой, заступающейся за униженныхъ... Нельзя полюбить человѣка за отдѣльный жестъ, за движеніе, за отдѣльную черту его; такой любви не хочетъ Нагель. Надо полюбить не собственной силой какого-то слишкомъ осознаннаго сочувствія, не силой своего же разума; надо непостижимымъ путемъ проникнуть въ „цѣлое“, глубинное человѣка, „нѣмо и съ мученіемъ“ ощутить его цѣльное, его особенное „я“, надо быть схваченнымъ стихіей и брошеннымъ къ ногамъ любимаго, какъ это было съ самимъ Нагелемъ.

Въ „старомъ раю“ не осознаютъ любви; незримымъ ароматнымъ облакомъ окружаетъ она головы влюбленныхъ, и они дышатъ воздухомъ загадочной стихіи, зная необъяснимое, вѣря непередаваемому. Полный такихъ мечтаній, Нагель съ ядовитымъ сарказмомъ, съ беспощадной ироніей клеветаетъ на себя и чернитъ самъ себя въ глазахъ Дагни. Онъ отбрасываетъ отъ себя ея сочувствіе его героизму, ея любопытство къ его фантазіямъ: ему не нужно подачекъ. Онъ хочетъ всего, онъ хочетъ наибольшаго,—все ей отдать и все у нея взять. Нѣтъ, любовь не изъ тѣхъ переживаній, въ которыхъ можно удовлетворяться частью.

Дагни дивится его упорному самоочерненію, она не можетъ понять причинъ такого образа дѣйствій. А онъ, Нагель, нарочно глядитъ въ глаза своему ужасу, идетъ къ своей судьбѣ, рветъ всѣ нити успѣха, которыя ткеть ему его талантъ, его сердце, умъ и горячая натура; онъ самъ же расшатываетъ всѣ свои опоры...

Онъ вѣритъ въ опоры единственныя, въ опоры незыблемыя, въ вѣру, которой не нужно словъ, которая все уже въ молчаніи знаетъ. Онъ неустаннй пилигримъ въ Святую Страну любви, гдѣ есть вѣчные воздушно-легкіе мосты между двумя жизнями, двумя сознаніями. Дагни же слишкомъ слаба и больше вѣритъ словамъ Нагеля, чѣмъ его душѣ. И потому-то онъ ломаетъ обычные мосты, что строить между нею и имъ его фантазія, его образы и слова. Онъ не хочетъ

такихъ мостовъ. Развѣ Дагни очаровала его не своей душой, не внутреннимъ обаяніемъ своей цвѣтущей жизни, а кокетствомъ, словами, поступками? Онъ позналъ ея очарованіе въ чемъ-то болѣе глубокомъ и истинномъ, чѣмъ ея слова, онъ вдохнулъ ароматъ ея женственности, ея жизненной прелести... *И душа его тоскуетъ по такому же безусловному внутреннему признанію, по такой же всевидящей и глубокой любви...*

Любовь не строится на словахъ и фактахъ, внѣшнее сознание челоѵка здѣсь не при чемъ; стихія овладѣваетъ внутреннимъ „я“, а внѣшнее вѣчно занято работой осознанія этой скрытой силы.— „Что же такое любовь?..“

Но Нагель смутно постигаетъ путь этого внутренняго и сообразуетъ съ нимъ внѣшнее. Все вышесказанное онъ подтверждаетъ слѣдующей фразой:

„Моему существу претитъ говорить въ свою собственную пользу и выгадывать что-либо такимъ грубымъ способомъ,—я ни за что не могъ бы этого сдѣлать“.

И еще слѣдующей фразой, обращенной къ Дагни:

„Вы понимаете, я подчиняюсь силѣ, исходящей изъ васъ и которую я не могу преодолѣть“...

Сказка реальнѣе дѣйствительности, чудо понятнѣе и заключаетъ въ себѣ больше истины, чѣмъ обычное. Такъ хочетъ старый тоскующій Адамъ въ душѣ мечтателей, который бродилъ по аллеямъ райскихъ садовъ и пилъ изъ чистѣйшихъ потоковъ утоленія жизненнаго...

Клочки райской лазури сіяютъ всѣмъ влюбленнымъ; внутреннее сознание ослѣпительныхъ возможностей смутно чаруетъ всѣхъ. Словно Платоновскія идеи сущаго проходятъ предъ ослѣпленными глазами. Просвѣтъ ли это въ абсолютное, въ вѣчное завершеніе? Или хаотическая и злая стихія пользуется нашими иллюзіями для большей остроты томленій и мученій?.. У Гамсуна, въ его книгахъ, звучитъ второе утвержденіе. Стихія играетъ нами, никакой законѣрности, никакой внутренне-необходимой связи между жизнью челоѵческаго „я“ вообще и его любовью нѣтъ. Стихія играетъ нами и живетъ собой и для себя.

Но въ этой игрѣ она питаетъ страстными иллюзіями душу влюбленнаго. Въ длительномъ „танцѣ любви“ первыя „па“, первыя движенія женщины очаровываютъ веселымъ дѣтскимъ счастьемъ, безраздѣльнымъ, бездумнымъ, легкимъ какъ полетъ мотыльковъ. Въ какое-то ясное успокоительное теченіе попадаетъ влюбленный, и несетъ его съ тихимъ всплескомъ у береговъ погруженнаго въ нирвану, въ „забвенный“ сонъ. Дремлетъ усталый мозгъ, оборвалась безконечная умственная паутина и виситъ незаконченной, отдыхаетъ отъ

трудныхъ путей душа, отъ напряженія—воля... И словно чудомъ исчезла страшная „тяжесть времени“ (Бодлеръ), отъ которой мы всѣ освобождаемся трудомъ, виномъ и безумствами. Часы и дни летятъ неуловимо, душа жадно пьетъ легкую сладость жизни, все время обвѣваемая прохладными вѣтрами забвенія. Вотъ онѣ тропинки солнечныхъ чащъ Эдема. Навѣвается иллюзія рая.

Ее вначалѣ поддерживаетъ женщина. Не такъ ли было съ Эдвардой?

Она поражена сразу стрѣлой любви и не противится Богу. На пикникѣ, послѣ объятій, она говоритъ Глану:— „Я такъ хотѣла“—и на весь вечеръ забираетъ себѣ Глана. И рано утромъ, когда онѣ еще спитъ, она улыбается и идетъ къ его хижинѣ, къ его окнамъ и тихо приникаетъ къ нимъ и заглядываетъ въ его окно... Она всю эту ночь своей любви не спала, она опутана вся по рукамъ и ногамъ любовью и съ густымъ румянцемъ на щекахъ съ зарей бѣжитъ къ возлюбленному. Она подобна Эдемской Евѣ, кружащейся на тропинкахъ рая въ солнечныхъ лучахъ, съ улыбкой нѣжнаго, впервые пробужденнаго сладострастія.

VII.

Г и б е л ь .

Замѣнить грезами дѣйствительность можно только подъ страхомъ грозящей кары; отойти отъ человѣка во плоти и крови, съ блескомъ его глазъ, румянцемъ жизни на щекахъ, со всей жизненной атмосферой, и, затворившись въ четырехъ стѣнахъ тихой комнаты, вызвать къ жизни блѣдный и смутный призракъ,—такое болѣзненное удовлетвореніе влечетъ за собой кару, месть со стороны живой и здоровой жизни. Жизнь утверждаетъ переживанія въ плоти и въ крови, а не въ отвлеченныхъ грезахъ безсильнаго мечтателя. Духъ животворитъ плоть, но онѣ не долженъ разрывать съ ней и замыкаться въ себѣ самомъ. Жизнь кончается тамъ, гдѣ начинается этотъ разрывъ. На помощь разорванной гармоніи приходитъ смерть.

Ни Гланъ, ни Нагель не могли найти ни одной свѣжей струи для своей жаждущей души въ грезахъ; одна попытка Нагеля съ Мартой Гудде не привела ни къ чему. Гланъ лѣчился природой, онѣ забивался въ глушь ея, какъ больной звѣрь, и тамъ искалъ цѣлебныхъ травъ утolenія, успокоенія и мира живой душѣ. Въ груди его словно протекалъ чистый ручеекъ стихійнаго здоровья, но подъ зноемъ любви онѣ сталъ мелѣть и сохнуть. И вотъ Гланъ отчаянно возжаждалъ

смерти, ея полной тишины; горящую боль души могла утолить только холодная земля. Понявъ, что онъ обреченъ и что его лучшей путь ведетъ къ могилѣ, онъ спокойно къ ней и направился. И до послѣдней минуты онъ не потерялъ спокойствія и мягкой доброты къ людямъ. Онъ ласкалъ влюбленную въ него туземку и даже убійцу своего очаровалъ.

Но Глану было легче: у него былъ какой-то желѣзный устой въ душѣ, у этого охотника, и притомъ онъ, повидимому, немного усталъ отъ жизни и былъ немало ею утоленъ. Изъ души же Нагеля рвался бѣшенный крикъ жажды жизни. Онъ умиралъ потому, что слишкомъ хотѣлъ жить, потому что не было силъ справиться съ наплывомъ жгучей жизненной энергіи, желаній и влеченій, не было силъ влечь на себѣ этотъ грузъ и изнывать въ мелкой жизни маленькаго норвежскаго городка. Греза стараго рая стала душить Нагеля, схватила его за горло, какъ свѣтъ луны у Бодлера, вызывая желаніе слезъ и непобѣдимую тоску. Но этотъ влюбленный чудакъ не утопалъ въ своихъ грезахъ: онъ хотѣлъ жить, а не грезить. И вотъ онъ буквально бьется головой о стѣны. Онъ мечется, какъ рыба, вытасенная изъ воды на песокъ. Да, именно воздуху ему и не хватало, потому что онъ могъ дышать одной лишь утренней свѣжестью райскихъ садовъ. Нагель не тихій Карльсенъ, меланхолично умершій въ лѣсу. Нѣтъ, Нагель такъ скоро не сдастся. Онъ смутилъ мирное существованіе и Дагни, и Марты, онъ взбаламутилъ весь городокъ, онъ по цѣлымъ днямъ вслухъ говоритъ самъ съ собой и произноситъ тирады полныя безумія, кошунства, страсти и громаднаго жизненнаго напряженія. Жизнь въ немъ бурлитъ и клокочетъ. Каждый день какой-то бурливый мощный прибой возноситъ его на высоту жизненныхъ влеченій, и вотъ Нагель—весь жажда, весь влеченье, весь напряженное алканье жизни. Душа его раскрыта и жаждетъ воздуха, воздуха счастья и жизненной силы, воздуха стараго рая... Всему, что живетъ и движется внѣ этого рая, онъ съ упорствомъ ребенка и сумасшедшаго кричить:—нѣтъ!.. Совершенно ребяческое это у него капризное и настойчивое „не хочу“. И еще болѣе ребяческое, полное внутреннихъ слезъ и затаеннаго страстнаго вождельнія, его „хочу“...

Онъ не можетъ иначе. Самому Богу въ лицо кричить онъ свое „не хочу“ и „хочу“. Онъ поминутно призываетъ имя Бога, потому что его любовь свята, горяча и огромна. Какъ же ему быть? Онъ ничего не можетъ сдѣлать со своей любовью къ Дагни Кьелландъ. И вотъ, заметавшись по своему кругу и не найдя выхода, онъ мгновенно бросается въ море. Тутъ его, какъ и Глана, постигло разрѣшеніе всѣхъ задачъ. Смерть успокоила и утишила.

Иоганнесъ же не метался. Какъ тихій маніакъ, заперся онъ въ

своей комнатѣ и сталъ упоенно, слѣпо, безумно грезить, курить свой опиумъ изъ самого себя. Тихо было въ немъ и вокругъ. Гдѣ-то далеко была живая, крупная, сильная Викторія, полъ не дрожалъ отъ ея тяжелой и упругой походки; ея розовыя щеки не алѣли передъ Иоганнесомъ, сильныя руки не обхватывали его шеи и мягкія розовыя губы не приближались къ мучительно содрогавшимся губамъ юности. Но зато въ его тихія стѣны вошелъ нѣжный и грустный призракъ дѣвушки и вѣялъ очарованіемъ на душу Иоганнеса. Онъ не могъ жить безъ Викторіи, и вотъ она подлѣ него. Но она не съ нимъ, она съ другимъ; поэтъ не хочетъ въ уединеніи лишиться очарованія своей тоски и даже своей муки, онъ питается ими, онъ живетъ своей болью, потому что эта боль есть сама Викторія.

Парализованный печалью и тоской, онъ не мечется, какъ Нагель, не выходитъ изъ своей комнаты, у оконъ которой шумятъ тополи, но неподвижно слушаетъ свою боль внутри съ тихой улыбкой мечтателя. Проходятъ ночи. Онъ пишетъ и рветъ написанное. Однажды ночью отъ тяжелого оцѣпенѣнія его пробуждаетъ стукъ дрожекъ по мостовой. Онъ отрывается, вспоминаетъ; его пронизываетъ остріе боли. Онъ пытается вернуться къ работѣ и вдругъ рветъ нити ея и съ головой, упоенно, уходитъ въ грезы, представляетъ себѣ невозможное, рисуетъ то, чего нѣтъ. Вотъ онъ снова видитъ Викторію и дрожитъ, глядя на ее фигуру въ бѣломъ, возлѣ сиреневыхъ кустовъ вечерняго сада. „Чего вы хотите?—спрашиваетъ она.—Я хочу одну минуту постоять подлѣ васъ. Прощайте“... — говоритъ онъ и снимаетъ шляпу, почти касаясь земли.

Нѣтъ, на всѣхъ путяхъ жизни будетъ онъ встрѣчать ее; куда бы его дорога ни уходила, повременамъ — утромъ ли, или въ часъ заката солнца — вдругъ онъ увидитъ ее, стоящую на его дорогѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ печальными глазами, со своимъ нѣжнымъ лицомъ. И души ихъ заволнуются и коснутся другъ друга и потянутся идти вмѣстѣ однимъ путемъ на тихій закатъ.

Вотъ, на примѣръ, можетъ быть такъ:—онъ заканчиваетъ главу своего романа. И вотъ его герой на проѣзжей дорогѣ сидитъ въ гостиницѣ. Онъ спрашиваетъ: кто живетъ въ замкѣ здѣшняго помѣстья?—Полковникъ съ женой. И вдругъ дверь распахивается. Здѣсь самъ авторъ начинаетъ дрожать отъ бурнаго глубокаго волненія. Входитъ она, ну, конечно, опять она: Викторія. Душа героя мгновенно переполняется всей горечью и жаждой, которыя онъ носитъ въ себѣ. И въ страстныхъ словахъ онъ обращается къ ней и, не владея собой, прерываетъ слова рыданьями и раскрываетъ свою душу. Въ отвѣтъ она отчетливо говоритъ ему:—„Я люблю васъ, я люблю васъ одного“...

Иоганнесъ на грани безумія... Онъ сидитъ съ закрытыми глазами и улыбается и разговариваетъ съ Викторіей. Онъ не можетъ жить безъ нея и потому одинъ онъ все-таки съ ней. А дверь его комнаты плотно закрыта и никто въ нее не входитъ. Онъ это знаетъ и видитъ, но тѣмъ не менѣе Викторія тутъ же съ нимъ, и онъ съ нею о многомъ разговариваетъ. Онъ сидитъ одинъ надъ столомъ, надъ листами лирическаго романа.

Но все-таки онъ выдержалъ. Понявъ вызовъ на борьбу любимой дѣвушки, онъ пошелъ навстрѣчу вызову. Долго они не видятся, и вотъ онъ связалъ свою жизненную нить съ нитью другой дѣвушки. Гдѣ-то въ сторонѣ Викторія умираетъ, откуда-то издалека шлетъ она ему свое письмо о любви.

Такъ же тихо умираетъ Оле Генрихсенъ изъ „Новой земли“. Горечь его стала невыносимой. Почувствовавъ мучительную боль въ сердцѣ, онъ захотѣлъ ее прекратить. Приставилъ дуло револьвера къ виску и выстрѣлилъ. Онъ не способенъ былъ долго метаться. Этотъ серьезный человѣкъ понялъ внутренно, что встрѣтилъ врага, котораго не одолѣетъ, что надо ему уступить. Столкнувшись съ прежней своей невѣстой, теперь любовницей поэта Иргенса, въ позорной и жалкой обстановкѣ, купецъ вернулся домой и здѣсь-то почувствовалъ смертельное жало въ душѣ, оно безостановочно двигалось и вынести это было нельзя. Тогда ночью, въ тишинѣ, Генрихсенъ покончилъ съ собой.

Есть еще одинъ гибнущій въ „Новой землѣ“,—это старый учитель невѣсты Генрихсена, сѣдой мечтатель, безпокойно за ней слѣдящій. Стихія беспощадно надъ нимъ, сѣдымъ идеалистомъ, издѣвается, она завладѣла его старымъ сердцемъ, а вотъ оно мучительно пылаетъ. И что же онъ дѣлаетъ?.. Развѣ это не безуміе—сидитъ надъ какой-то яркой тряпочкой, надъ засохшими цвѣтами, подаренными ему молодой дѣвушкой... Вспоминается у Гамсуна „старый король, склоняющій голову до земли, купающій въ пыли волоса: онъ смѣется и высовываетъ языкъ и шепчетъ безстыдныя слова“.

Нѣтъ пощады. Кругъ смыкается. Пути должны быть покрыты цвѣтами и кровью. Злая сила не хочетъ выпустить жертвъ: еще немного силъ, еще немного мукъ и еще, и еще... Какой-то невидимый погонщикъ гонитъ огненнымъ бичомъ свою жертву по безконечному кругу. И подумать только, что этимъ бичомъ въ рукахъ стихіи служатъ миловидная дѣвушка со свѣтлыми волосами и темными глазами, фрекенъ Дагни Кьелландъ. Это она заставляетъ Нагеля бѣшено метаться, и каждый ея взглядъ, и каждый звукъ ея голоса—какъ ударъ бича, влекущій Нагеля все дальше и дальше по заколдованному кругу.

Онъ чувствуетъ уже, что гибель близка, что она неизбѣжна.

онъ самъ идетъ ей навстрѣчу. И, какъ пораженный ударомъ въ голову, кружится въ безпамятствѣ, отуманенный, не видя вокругъ ничего, въ хаосѣ болѣзненныхъ ощущеній. Онъ попалъ въ какое-то бредовое движеніе и еще до смерти—оторвался отъ жизни. Нѣтъ, стихія не шутитъ, Нужно умѣть взглянуть ей въ глаза. Она готовитъ гибель, и остается эту гибель только принять. И Гланъ и Нагель спокойно смотрѣли въ глаза роковыхъ предопредѣляющихъ судьбу стихій. Призывъ смерти внятно услышали они оба.

Съ момента этого призыва—дрожь и метанье слабѣютъ и утихаютъ. И Нагель затихъ, превратился въ яснаго, почти примиреннаго ребенка, пройдя сквозь жуткое предсмертное оупѣніе и отчаяніе. „Цѣлый день онъ блуждалъ по улицамъ, возвращался къ себѣ въ комнату, уходилъ въ лѣсъ, ни одной минуты онъ не сидѣлъ спокойно. И все время онъ ходилъ съ опущенной головой и съ открытыми глазами, которые ничего не видѣли“...

Теперь, пожалуй, дѣло было уже не въ Дагни. Ясна была просто какая-то неотвратимая смертельная сила, которая слилась съ сердцемъ Нагеля и грызла и точила его. Въ агоніи, въ пыткѣ, онъ все-таки обращался къ ней, къ этой свѣтловолосой дѣвушкѣ: Къ кому же ему было обращаться? Не къ слѣпой же стихіи, которая въ бѣшеной игрѣ бросала его какъ мячъ и теперь вела къ приготовленной гибели. Въдъ Дагни все же человѣкъ, у нея есть сердце, она бы могла, видя страшную пытку Нагеля, пожалѣть, содрогнуться... Но Дагни молча, какъ жрица древнихъ храмовъ, въ которыхъ убивали въ честь боговъ чужеземцевъ, принесла въ жертву богу любви кровь чужеземца Нагеля. Она предоставила ему пройти весь его кругъ до точки, гдѣ ждала гибель. И даже больше того: когда Нагеля неясный жизненный инстинктъ толкнулъ—какъ къ возможности спасенія—къ Мартѣ Гудде, Дагни ловко разрушаетъ этотъ планъ. Отталкивая Нагеля, она не даетъ ему возможности подойти и къ другой. Нѣтъ, она этого не хочетъ. И тогда Нагель остается въ своемъ бредовомъ кругу совершенно одинъ. Мертвая пустыня разстилается вокругъ него, и въ ней—только миражи и призраки его измученнаго мозга. Нагель—одинъ, ему не съ кѣмъ разговаривать, кромѣ какъ съ самимъ собой.

И, видя, эту готовность Дагни отдать его гибели, занести надъ нимъ жертвенный ножъ, онъ обращается къ ней съ этими словами:

„Ты слишкомъ великодушна: почему ты терпишь, что у меня больше *одного* глаза? Ты не должна была бы мириться, что я спокойно хожу по улицѣ и что у меня есть кровля надъ головой“...

„Ты отняла у меня Марту—я люблю тебя, ты знаешь это и издѣваешься надо мной, я люблю тебя и за то, что ты издѣваешься надо

мной“... Онъ вспоминаетъ ея длинныя бѣлыя руки, голосъ, волосы, умъ—и говорить:—„Я не могу уйти отъ этого... Нѣтъ спасенья“...

Сомкнулся кругъ. На помощь злой стихіи, на помощь жрицѣ ея Дагни—пришла горячая, страстная душа Нагеля, ослѣпила и связала его любовью,—и никто уже не вырветъ его изъ этого круга.— „Господь да поможетъ мнѣ!“

И въ концѣ-концовъ, по его любимому выраженію, судьба поставила надъ нимъ точку.

* * *

Колесница Джагернаута и въ наши дни торжественно спускается съ зеленыхъ горъ въ долины и влечется по землѣ по тѣламъ жертвъ; здѣсь море цвѣтовъ и крови. Колеса пурпурны отъ крови, гирлянды живыхъ цвѣтовъ дрожатъ въ колесницѣ и сливаютъ свое благоуханіе съ ѣдкимъ запахомъ крови, создавая дурманящій и страстный ароматъ. Томительная, яркая, все заглушающая музыка заставляетъ тревожно биться сердце. Впереди колесницы идутъ пѣвцы, изнуренные, изсушенные зноемъ, фанатики безумія; это они вливаютъ въ ясный воздухъ горячую душную струю, создаютъ огненный смерчъ, безумное, слѣпое вращеніе, подобное священной пляскѣ дервишей. Но сильнѣе пѣвучихъ и страстныхъ трубъ и хмельнѣе цвѣточныхъ чашъ — бѣлыя толпы смуглыхъ дѣвушекъ, съ красными губами, золотыми и черными волосами, лирообразными бедрами; онѣ идутъ впереди колесницы, вмѣстѣ съ пѣвцами, пьяные отъ вѣтра, отъ солнца, отъ цвѣтовъ, отъ нѣжнаго благоуханнаго вождельнія весны, созрѣвшія, какъ нѣжные плоды, цвѣты изъ крови и плоти. Онѣ содрогаются отъ каждой струи вѣтра, что бьетъ имъ въ лицо запахомъ цвѣтовъ и крови, ноздри ихъ дрожатъ, онѣ вдыхаютъ запахъ любви и, алкая выше всякой мѣры, бросаются подъ острые зубцы кровавыхъ колесъ, и только язвительная боль впивающихся въ тѣло зубцовъ насыщаетъ ихъ безуміе и жажду. Нѣтъ спасенія. Отъ горизонта до горизонта царить и клубится и подымается къ небу гигантской воронкой изъ крови, цвѣтовъ и тѣлъ горячій смерчъ. Всѣ дышатъ его огнемъ. Разрастается вождельніе. Бѣшенныя толпы бросаются подъ зубцы священныхъ колесъ. Красные потоки текутъ отъ колесницы. Не громче ли всѣхъ раздается здѣсь фанатическій, упорный, страстный голосъ Гамсуна; онъ поетъ любовь и спрашиваетъ о ней: „Что же такое любовь?“..—„Любовь это пламенная адская музыка... Развѣ она не дѣлаетъ безумными монахинь и не помрачаетъ головы принцессъ?.. Всѣ пути ея покрыты цвѣтами и кровью, цвѣтами и кровью“...

Немыслимо, невозможно изъ этого смерча уйти къ путямъ блаженной свѣтлой жизни, къ счастью и осуществленіямъ. Гамсунъ это видитъ яснѣе другихъ, и онъ не погрѣшаетъ противъ истины. Подъ колесами вѣчной колесницы гибнуть и Гланъ, и Нагель, и Викторія; вѣчно раненый остается Юганнесъ; отъ любимой съ отчаяніемъ уходитъ Лео Хойбро („Редакторъ Люнде“). И только въ „Царицѣ Тамарѣ“ погрѣшилъ Гамсунъ и раньше времени опустилъ занавѣсъ. А между тѣмъ самъ же намѣтилъ пути раздора, пути крови и смерти въ своей пьесѣ.

Тамара, разъ разлюбивъ, разлюбить вновь. Князь Георгій, разъ опутанный и низверженный, будетъ низверженъ вновь и вновь подымется для кровавой схватки, для мстительной любовной борьбы, пока кто-нибудь не падеть. Чѣмъ сильнѣе, чѣмъ ослѣпительнѣе вспышка любви, тѣмъ скорѣе она гаснетъ. И нужно сильнѣе, чѣмъ по кремню, ударить по охладѣвшему сердцу, чтобы высѣчь изъ него искру, еще одну мимолетную искру.

Но въ сторонѣ ли стоитъ самъ Гамсунъ отъ этого бредоваго вихря, отъ вліянія „адской музыки любви“?.. Откуда изливается вся эта энергія бѣшено-острыхъ переживаній, страстныхъ исканій, грезъ и алканій, откуда, какъ не изъ собственнаго сердца писателя? Подумайте о томъ, какой огромный запасъ чисто-жизненныхъ силъ затрачивалъ Гамсунъ на каждую свою книгу! Написать ее—почти то же, что пережить всѣ увлеченія, всѣ мечтанія, всѣ соблазны, муки и очарованія героевъ романа. Это не спокойная работа романиста. Если герои его романовъ живутъ на этихъ страницахъ такъ интенсивно, глубоко, болѣзненно, страстно, то эту силу чувствъ расходуютъ они за счетъ автора, это онъ надѣляетъ ихъ частицами своей же нервной силы, и герои его живутъ съ тревогой и болью живыхъ, душевно-безпокойныхъ, страстныхъ людей. Благодаря, быть можетъ, тому, что въ переживаніяхъ героевъ—слившійся съ ними авторъ расходовалъ свои же жизненные и душевные силы, эти переживанія съ поразительной силой приближены художникомъ-импрессионистомъ къ непосредственной жизни. Въ искусно сотканной паутинѣ его романа не одинъ и не два его персонажа бьются съ отчаяніемъ и мукой попавшихъ къ пауку-мучителю мухъ. Съ затаеннымъ слодострастіемъ мучительства художникъ освѣщаетъ картины этой агоніи, и въ конечномъ счетѣ, — если мы волнуемся безуміемъ Нагеля, Глана, Юганнеса или молчаливымъ бѣшенствомъ Гольдевина („Новая земля“), то въ этой паутинѣ мукъ, страстей и волненій—чье сердце предъ нами такъ бьется и изступленно волнуется, какъ не самого Гамсуна?

Это онъ же и герой всѣхъ своихъ поэмъ-романовъ, это онъ же

самосознающая пылинка въ игрѣ бѣшеной стихіи, радующаяся и вихрю, и полету гибели.

„Это есть“—вотъ его отвѣтъ на все, чему подвергаютъ его стихіи, и онъ приходитъ въ бурный восторгъ отъ всего, что есть, отъ желѣзныхъ ночей, отъ дикой кошки, высматривающей ночью воробья, отъ дикой Эдварды и кроткой Евы, отъ серебряной нити паутины, плывущей по воздуху, отъ морского утеса и цвѣточка вереска... Онъ увидѣлъ однажды Пана на деревѣ, дрожавшаго отъ смѣха стараго бога, отъ него не скрылся таинственный богъ, и смутное сознаніе живого строя міра радовало его душу, и онъ радостно смѣялся, самъ не зная почему, бродя по солнечнымъ тропинкамъ лѣса и сочувственно глядя на оторванную вѣтку или ползущую по листу гусеницу. „Это есть“—и онъ, и его любовный хаосъ, и пытка, и безуміе — все это есть, какъ есть морской утесъ, желѣзная ночь, благоуханіе лѣсной гвоздики, радость Изелины и ревность Дидериха.

VIII.

Сладострастіе.

Если бы Изелина догадалась выйти изъ ароматной свѣжести лѣса и заглянуть въ душный городъ, съ высокими домами и грохочущими улицами, она нашла бы тамъ не охотника въ зеленомъ кафтанѣ, а истомленнаго, оборваннаго, голодающаго юношу, роднаго брата ей по духу, чудомъ живущаго въ этой отравленной атмосферѣ. Грудь его давно уже не вдыхала ни одной струи свѣжаго воздуха, однако онъ ухитрялся жить. Онъ голодалъ и грезилъ,—вотъ почти все, что онъ дѣлалъ въ городѣ, да иногда свои грезы выливалъ въ слова и получалъ за фельетонъ десять кронъ.

* * *

Ее зовутъ „Илайяли“. Трудно сказать, почему ее такъ звали, но однажды это имя возникло въ головѣ юноши и сорвалось съ языка.—Илайяли! Да, несомнѣнно ее такъ звали. Она живетъ гдѣ-то далеко на Востокѣ—въ свѣтломъ дворцѣ. Она носитъ драгоценныя ткани и ее украшаютъ горящіе камни. Она смугла и прекрасна. И героя книги, которая называется „Голодъ“, вводятъ въ этотъ дворецъ. Онъ, конечно, уже не оборванъ и не худъ; волосы у него не вылѣзаютъ отъ голода и руки не дрожатъ. Но онъ остается поэтомъ, человѣкомъ

со странными фантазіями и неожиданными словами. Онъ по-своему смотритъ и видитъ и онъ удивляетъ смуглую и прекрасную Илайяли всѣмъ тѣмъ, что онъ говоритъ о ней и себѣ.

Что же такое влечетъ царицу къ юношѣ-поэту? Онъ не знаетъ. Но въ ней просыпается змѣя страсти и томно и лѣниво развертываетъ свои кольца. Она готова „идти ему навстрѣчу и прямо смотреть на него и шептать: „да“... Да, да, да!.. Всѣ душистыя и тонкія ткани, которыя на ея заженномъ тѣлѣ, обовьютъ его, и она сама будетъ жечь его худое юношеское тѣло каждой частицей своего тѣла, ибо она „совсѣмъ какъ жгучій огонь“...

Нѣтъ, она не Изелина. Юноша слишкомъ отравленъ городсмъ, чтобы вспомнить о ней. Если бы Изелина пришла и увела, его въ лѣсъ и окунула въ холодный лѣсной ручей и гдѣ-нибудь подъ старой елью навѣяла на него крѣпкій и длительный сонъ, онъ возсталъ бы съ оздоровленной душой и забылъ бы о болѣзненныхъ благоуханіяхъ во дворцѣ Илайяли, о „темно-красныхъ розахъ“ ея страсти. Свѣжій воздухъ лѣса вернулъ бы его къ веселой, ликующей и грѣшной Изелинѣ. Но Изелина далека отъ заводскихъ трубъ, конторъ, рестораноу и редакцій Христіаніи. Въмѣсто Изелины появляется другая, тоже не мечтательная и затаенно-страстная царица Востока, но дочь города, юная и грѣшная, сердцу которой близки такіе неожиданные люди, такіе сумасброды съ грустными глазами, какъ герой Гамсуна. Она тоже сумасбродна, она нѣсколько ночей подъ-рядъ стоитъ близъ дома героя „Голода“ и не сводитъ глазъ съ его окна. Она его ведетъ по темнымъ улицамъ ночного города въ свою большую, пустую въ ту ночь квартиру, гдѣ можетъ, наконецъ, она дать смѣлую свободу живущей въ ней Изелинѣ, стать грѣшной и веселой, открыть свою рвущуюся къ объятіямъ наготу, смѣяться его поцѣлуямъ и дразнить его изступленіе. Она не обращаетъ вниманія на жалкую изорванную одежду своего молодого спутника, на страдальческую худобу его лица, на порѣдѣвшіе волосы и слишкомъ усталый видъ. Вопреки всему она видитъ въ изголодавшемся поэтѣ неумирающее въ его душѣ яркое и грѣшное пламя жизненной силы и страстности, на зтотъ огонекъ она летитъ, не замѣчая, какую печальную прелесть, какую власть придаютъ оборванному ходожнику-фантазеру его порѣдѣвшіе несчастные волосы, его жалкій костюмъ, его согбенность и вялость отъ голода. Она заставляетъ его забыть тоску бѣдности, онъ становится тоже веселымъ, грѣшнымъ и требовательнымъ. Отодвигаются— разумъ и воля сознанія, вступаютъ въ силу желанія; они оба признаютъ ихъ власть, признаютъ покорно, какъ дѣти. Эгоистическіе требовательные пальцы его рукъ разстегиваютъ ея платье, обнажаютъ ея наготу... Что же она можетъ сдѣлать?.. Онъ и не отъ нея получилъ

это право. Нѣтъ, это рѣшено какъ-то внѣ ихъ. Кѣмъ-то другимъ. Какъ „красное шелковое знамя“, ихъ обвиваетъ прославляемый Гамсуномъ божественный въ силу своей власти и силы Грѣхъ. Самое слово это звучитъ у него священо и таинственно, какъ въ обрядахъ древнихъ культовъ. Поистинѣ это загадочное и прекрасное божество у Гамсуна, обитающее въ дивномъ храмѣ. Стоитъ только послушать, какіе гимны поетъ онъ ему, какими образами и красками опредѣляетъ онъ эту глубокую и строгую силу, которая волнуетъ слабыя души людей такимъ непобѣдимымъ обаяніемъ. Люди, о которыхъ онъ пишетъ, Иоганнесь, Викторія, Гланъ, Фридерика, Нагель, Терезита, Карено, Иенсъ Спиръ, — всѣ они прислушиваются къ вѣянью этой силы, какъ къ отголоску молитвъ изъ далекаго верховнаго храма.

Грѣхъ словно огненный цвѣтъ въ саду любви; онъ распускается внезапно, и нѣтъ силъ противиться тому дурману, который окружаетъ его благоуханіе. Какъ-будто раздается внутренней изступленный призывъ. Это голось любви. Когда очарованіе переходитъ въ страсть, въ знойное и острое желаніе, подъ горячимъ дыханіемъ его внезапно раскрывается на вѣткѣ огненный цвѣтокъ, чашечка изъ алаго пламени, полная нѣжнаго и страстнаго аромата. И вотъ уже воля связана. Человѣкъ *пораженъ* любовью. Связанъ и брошенъ къ чьимъ-либо ногамъ.

И если—натура гордая и стойкая—борется онъ съ непобѣдимымъ очарованіемъ, понуждающимъ пасть, цѣловать слѣды чьихъ-то ногъ, изступленно молить, растворяться и уничтожаться въ дурманѣ очарованія, въ свѣтломъ ароматѣ своихъ влеченій; если напрягаетъ свою волю человѣкъ, вздергиваетъ коня передъ бездной, замыкаетъ себя въ четырехъ стѣнахъ, — то въ отравленномъ уединеніи его, въ тишинѣ, въ тайной скрытности души онъ совершаетъ безумства изступленнѣйшія, бьется, молить, тоскуетъ сердце его и поетъ пѣсни неизъяснимаго влеченія; и бродитъ онъ по волшебному саду, замкнувшему его въ свои безумныя чащи, гдѣ нѣтъ выхода изъ очарованій и желаній.

Это развернулся красный цвѣтокъ грѣха. Ничья воля и ничей разумъ не побѣдятъ его. Философъ и поэтъ, мистикъ и рационалистъ, монахъ и король, торгашъ и охотникъ — всѣ закружатся въ священной пляскѣ Любви, всѣ склонятся до земли передъ темнымъ и страшнымъ божествомъ Грѣха, всѣ пойдутъ въ его храмъ, всѣ отдадутъ ему свое сердце, свои мысли, свои помыслы, волю и желанія.

Персонажи Гамсуна осознали это божество, они говорятъ о немъ съ благоговѣніемъ.—Вотъ наступаетъ часъ откровенія таинственной силы, и они склоняются предъ ней.

„Когда вы подходите ко мнѣ,—говоритъ Иенсъ Спиръ Терезитѣ—

зитъ („Драма жизни“),—я чувствую, какъ во мнѣ подымается грѣхъ, точно темно-красная роза“.

Но что такое грѣхъ? Прежде всего онъ неразрывно связанъ съ любовью,—въ этомъ его сила, очарованіе и власть. Любовь опутываетъ, связываетъ, любовь „превращаетъ сердце человѣческое въ роскошный и безстыдный садъ“, любовь уводитъ въ этотъ дикій садъ,—и вотъ въ немъ расцвѣтаетъ маленькій кусочекъ пламени, темно-красная роза грѣха.

Грѣхъ—это изступленіе, сладость, очарованіе, нѣжный и яркій, какъ блескъ полнолунія, аромат; это то, что связываетъ руки и ноги, гаситъ волю упоеніемъ; грѣхъ идетъ объ руку съ любовью. Любовь жажда; грѣхъ—утоленіе. Любовь—алканіе, позывъ, томленіе. Грѣхъ—предощущеніе страстной полноты переживаній, діонисіанскихъ восторговъ.

И потому: грѣшатъ только чистые, только юные, только со свѣжей душой и здоровымъ тѣломъ, грѣшатъ безумно, восторженно, безстрашно, какъ Изелина, какъ Терезита, какъ Эдварда, какъ Гланъ, какъ та всегда жевавшая соломинку дикарка, которая влюбилась въ Глана.

Терезита говоритъ оторвавшемуся отъ земли Карено:—„Вы даже не знаете, что имѣете право грѣшить“. И она пробуждаетъ это сознаніе въ философа, пробуждаетъ своей необъяснимо вспыхнувшей любовью, своими любовными, слишкомъ нѣжными, слишкомъ покоряющими словами.

Одна капелька огненного напитка упала на губы Ивара Карено—и онъ былъ отравленъ.

„Ваше имя точно шелковое знамя вѣется во мнѣ“,—говоритъ Карено Терезита, и бросается ему на шею, и тогда онъ видитъ, что „точно змѣя—подняла она голову и откинула ее и что у нея поразительно сильная грудь“.—„Дохните на меня, говоритъ Карено Терезита,—еще... Это точно звѣздное сіяніе“...

Терезита—подлино штукавская женщина, съ обвившей ея тѣло громадной змѣей грѣха. И она, обвитая темными кольцами змѣи, свободно и смѣло смотритъ всѣмъ въ глаза; она—какъ Изелина, бредеть по міру—„ликующая и грѣшная съ головы до ногъ“.

Терезита не стѣсняется громко въ разговорѣ сказать Іенсу Спиру: я была вашей взлюбленной, а рабочему Шейеру: „не приходитъ больше“. А въ часъ, когда холодность Карено обостряетъ ея томленіе, она приказываетъ Іенсу Спиру:—„пойдемте туда, *красный тумухъ поетъ во мнѣ*“...

И тотъ же духъ веселой и жестокой Изелины—въ Эдвардѣ. Она не знаетъ пощады ни къ себѣ, ни къ другимъ. Она „играетъ“ своей

жизнью и съ собой и спокойно отдается дикому лопарю и сумрачному Вендту и многимъ другимъ. Она не задумывается даже надъ своимъ правомъ—грѣшить. Таковъ же лейтенантъ Гланъ, покорный общему зову природы. Онъ знаетъ, что осенью, когда облетаютъ листья и засыпаютъ звѣри и деревья, дѣвушки вяло проходятъ и не смотрятъ на мужчинъ. Но весной, когда въ лѣсу тревожно гудитъ жизнь, Гланъ, встрѣтивъ дѣвушку, спрашиваетъ: какъ тебя обнимаетъ твой возлюбленный,— вотъ такъ?—и обнимаетъ, и цѣлуетъ...

И даже старый священникъ въ драмѣ „Царица Тамара“, бродитъ какъ между жгучими огоньками, между юными и цвѣтущими прислужницами царицы и говорить юной Зайдатъ, завидующей украшеніямъ танцовщицъ.

„Не надо такъ говорить, Зайдатъ, ты лучше всего, когда на тебѣ вовсе нѣтъ одеждъ, ты вѣдь знаешь“.

И на вопросъ краснѣющей Зайдатъ:—„Что онъ говоритъ!—Откуда ты знаешь?“—старецъ въ рясѣ отвѣчаетъ:

„Я не знаю, но ты должна благодарить Бога за то, что ты такъ прекрасна безъ платья“.

Въ „Викторіи“ нѣжное дыханіе любовнаго зноя чувствуется Иоганнесу отъ ощущенія дыханья любимой дѣвушки на своей щекѣ, отъ аромата ея устъ... Это лишь смутная зыбь чувствъ, кружащая голову влюбленному.

Воплошеніе весенняго любовнаго сладострастія—Изеліна. Еще совсѣмъ юная, почти дѣвченка, она вдругъ забываетъ запереть свою дверь. Въ первый разъ въ ея жизни на ея постель въ лѣсной избушкѣ сегодня ночью ляжетъ мужчина, юноша, который весь пропитанъ запахами лѣса. Она ничего не знаетъ объ этой породѣ людей; любопытство и страсть сжигаютъ ее. Цѣлый день смутно пѣла ея кровь, когда она бродила подъ солнцемъ въ лѣсу. Юный красный пѣтухъ запѣлъ въ ней, и страсть обожгла ея тѣло и заставила томиться. Тогда она рѣшила, что не пуститъ молодого Дундаса въ свою комнату и не дастъ ему лечь въ ея постель и не ляжетъ къ нему сама. Комната должна быть заперта, рѣшила она и забыла дверь запереть. Но когда ночью дверь открылъ Дундасъ и вошелъ къ ней, Изелина не испугалась, но удивилась. Какъ, развѣ дверь не заперта? И вотъ она въ его объятіяхъ. Что-то небывалое творится въ ней. Красная пелена окутала ихъ въ ночи, и незамѣтно наступило утро. Она была снова одна. И когда встала, „что-то струилось въ ней“ и невыразимая нѣжность, стыдливая и волнуемая, наполняла ея сердце.

Съ тѣхъ поръ она узнала, что такое любовь и страсть, и весной въ хижинѣ ея не удержатъ. Она рыщетъ по лѣсу навстрѣчу

путнику и охотнику. Она хочет отдаться на зеленой солнечной лужайкѣ, въ тѣнистой чащѣ, ласкать молодого моряка, загорѣлаго охотника, блѣднаго монаха, застѣнчиваго мечтателя и чувствовать ихъ ласки на своемъ сильномъ и цвѣтущемъ тѣлѣ. Она проста и невинна. Она не знаетъ слова—грѣхъ. Она любитъ и отдается, не задумываясь, по призыву природы, какъ цвѣты и звѣри.

Она не знаетъ стыда и жалости, она безстыдна и безжалостна, и смотреть прямо и свѣтло своими сѣверными голубоватыми глазами, похожими на маленькія лѣсныя озера весной.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРИРОДА.

I.

Солнечный покой.

Метаніе внутреннее и нервная тревога сказываются не во внѣшней подвижности; точно такъ же, какъ и сосгояніе свѣтлаго покоя не всегда сопровождается тихой неподвижностью. Изъ - подъ мертвой маски заостенѣвшаго въ отчаяніи человѣка сквозитъ безмѣрная напряженность страдающей души. И, наоборотъ, охваченное текучими волнами вѣтра и трепещущее листвою дерево въ лѣсу вѣетъ на насъ ясной безмятежностью, мирнымъ строемъ растительнаго существованія.

Покой ощущается откуда-то изъ глубины, изъ-за внѣшней подвижности. Важно, чтобы тамъ — въ глубинѣ души — спадала муть, просвѣтлялось озеро внутренней жизни, и весь тогда человѣкъ становится освѣженнымъ и душевно-здоровымъ и смотритъ ясными, зоркими и веселыми глазами.

Нигдѣ такъ остро не чувствуется это во-истину „спасеніе души“ отъ зноя городскихъ камней, отъ духоты тоскливыхъ метаній, отъ боли желаній и влеченій—въ свѣжей глубинѣ природной жизни, какъ у Гамсуна. Загнанный, обезсиленный Нагель бросается въ эту глубину для нѣсколькихъ широкихъ и глубокихъ вздоховъ въ лѣсной свѣжести. Гланъ, какъ больной звѣрь, уходитъ въ дѣбри исцѣляться.

Было бы невыносимо, если бы они были обречены на агонию въ духотѣ, въ зноѣ, если бы къ каждому изъ нихъ относилась эта мелодическая и дивная жалоба поэта:

...Не для него гостепріимной
 Деревья сѣнью разрослись;
 Не для него какъ облакъ дымный,
 Фонтанъ на воздухѣ повисъ;
 Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
 Напрасно взоръ его манитъ,
 И пыль росистаго фонтана
 Главы его не освѣжить.

Всѣ цѣпи разбивались и спадали, когда Нагель открывалъ клѣтку своей души и выпускалъ ее въ лазурь. Одинокій путникъ, призванный къ жизни, чтобы вольно побродить по вольному міру и подышать синимъ эиромъ, онъ легко подымался въ высъ, садился на свою ладью изъ ароматнаго дерева, распускалъ полумѣсяцемъ парусъ изъ свѣтло-голубого шелка и пускался въ путь по зелено-голубому разливу небснаго моря, обходя снѣжные острова облаковъ и плавно несясь въ пустынной высотѣ. Тогда онъ забывалъ все, даже Дагни. Душа его успокаивалась, онъ тихо слѣдилъ за парусомъ, направлялъ свою маленькую ладью и зналъ только одно: вотъ онъ бродитъ по лазури, глубоко вдыхаетъ ясный воздухъ, смотритъ какъ голубой полумѣсяцъ паруса очертился на фонѣ воздуха и лѣниво отдается бакивающему движенію. Глубокъ и безбреженъ міръ. Ясна душа Нагеля. Господь Богъ далъ ему побывать на землѣ, среди горъ, морей и лѣсовъ, среди людей, звѣрей и птицъ, и на небѣ среди облаковъ, въ высотѣ чистой лазури. Такъ протекутъ двѣ его жизни—и земная и небесная; усталая душа его проникаетъ къ чьей-то огромной и свѣтлой и мудрой душѣ и забывается, и уносится въ безбрежныя пустыни покоя, и пѣть цѣлительныя струи успокоенія и забвенія. А вокругъ все созданное движется по кругу своихъ переживаній, и слегка гудитъ гигантская машина Бога.

„Нагель весь съезжился отъ блаженства, буквально подобралъ подъ себя колѣни, и повременамъ дрожь восторга пробѣгала по его тѣлу... Кто-то позвалъ его... Тишина. Онъ находился въ странномъ, загадочномъ состояніи; чувство физическаго блаженства наполняло все его существо, онъ чувствовалъ музыку въ своей крови; онъ какъ бы сросся со всей природой, съ солнцемъ, съ горами. Отъ каждой травки тянулись къ нему тысячи невидимыхъ нитей, сливаясь съ его существомъ. Душа его росла и ширилась и стала полнозвучной, какъ органъ. Никогда онъ потомъ не могъ забыть, какъ въ крови у него

носились волны нѣжной музыки. И долго онъ лежалъ, наслаждаясь одиночествомъ“.

Одна черточка проясняетъ самозабвенное дѣтское счастье Нагеля: „съежился отъ блаженства, буквально подобралъ подъ себя колѣни“... „и дрожь восторга пробѣгала по его тѣлу“... Ему ничего рѣшительно не надо было, и онъ даже забылъ, существуетъ ли Дагни или она никогда не жила на свѣтѣ и только снилось ему. Солнце убаюкало его въ своей золотой клѣткѣ, тихо закачало въ зеленомъ лѣсу, успокоило сердце, опустило его въ какое-то сонное серебряное озеро, и вслѣдъ затѣмъ низошла великая тишина, прояснилась смутность жизненнаго хаоса, и слуха Нагеля коснулось мягкое дрожанье и гудѣнье міровой машины,—дѣло рукъ Бога...

Исчезло маленькое „я“ Нагеля, которое судорожно металось между людьми, не находя устоя, сумасбродное, слабое, измученное, опутанное любовью, и возстало иное, близкое къ верховной мудрости, къ вѣчному солнцу вселенной, отражая его таинственный свѣтъ и засвѣчаясь само призрачнымъ луннымъ сіяніемъ. Такъ всѣ нашедшіе верховный устой человѣческіе „я“ подобны тихо сіяющимъ луннымъ дискамъ, свѣтящимъ, отраженнымъ единымъ свѣтомъ.

Къ сожалѣнію этотъ моментъ у Нагеля какой-то оторванный, отдѣльный, не вносящій силы и единства въ его жизнь, и лишь воспоминаніе о путешествіи въ лазури въ ароматной лодочкѣ выносить онъ изъ этого момента и восхищается имъ Дагни. Она слушаетъ маленькіе рассказы объ его впечатлѣніяхъ такъ, какъ-будто онъ рассказываетъ ей объ жизни совершенно иныхъ странъ и даже иныхъ планетъ, по которымъ странствовалъ этотъ искатель приключеній, этотъ мятежный авантюристъ, съ безпокойной и музыкальной душой.

Въ самомъ дѣлѣ, и Нагель, и Гланъ, и Мункенъ Вендтъ, и Иоганнесъ—всѣ они въ своемъ отечествѣ — иностранцы, люди дальнихъ береговъ, жившіе иной жизнью и принесшіе о ней вѣсти. И мирные обитатели норвежскихъ городовъ слушаютъ ихъ, широко раскрывъ глаза. Ничего подобнаго они не знали. Но вотъ приходитъ этотъ странный Нагель, въ своемъ желтомъ костюмѣ, и рассказываетъ о совершенно новыхъ вещахъ. Нагель не умѣщается въ кругъ городского существованія, своей большей частью онъ живетъ гдѣ-то внѣ его. Неутомимый, тревожный, гдѣ только не встрѣчалъ онъ закаты солнца, по улицамъ какихъ городовъ не бродилъ, съ какой массой мужчинъ и еще больше женщинъ не связывалъ онъ свою жизненную нить! Но съ этимъ внѣшнимъ разнообразіемъ жизни нужно связать еще интенсивность внутреннихъ переживаній. Онъ фантазеръ, мечтатель, ищущій отъ жизни небывалаго и уже считающійся съ небывалымъ какъ съ существующимъ. Но вотъ онъ устаетъ отъ блужда-

ній, отъ тревожныхъ дней и ночей, ему хочется перерѣзать всѣ нити вокругъ себя и остаться совершенно одному и отдаться міру, а не одному уголку его. Благодареніе Богу! Вотъ онъ снова одинъ. И какъ въ зыбку легкихъ сновъ и солнечнаго покоя, опускается онъ въ дикомъ мѣстѣ у берега рѣки, или въ лѣсной чащѣ. Прямо въ глаза ему смотритъ весь міръ, и Нагель видитъ удивительнѣйшіе вещи, о которыхъ послѣ будетъ неожиданно рассказывать Дагни и всѣмъ съ кѣмъ столкнется въ жизни.

„Отыскиваешь себѣ укромное мѣстечко, ложишься на холодную сырую почву, растягиваешься на животъ и буквально радуешься, чувствуя какъ тебя всего пронизываетъ сырость. И уткнешься головой въ тростникъ и въ мясистые влажные листья, а червячки и козявки и крохотныя мягкія змѣйки ползутъ по твоему платью и забираются на лицо и смотрятъ на тебя своими зелеными глазками; и всюду кругомъ—въ лѣсу и воздухъ чувствуешь какую-то тревожную тишину, а наверху возсѣдаетъ Господь Богъ и смотритъ на тебя сверху, какъ на свою величайшую *idée fixe*... Тебя охватываетъ особое настроеніе, рѣдкая и странная радость, подобной которой ты никогда не испытывалъ... Веселый хаосъ мыслей и представлений“...

Секретъ чудачествъ Нагеля и его творчества—въ его жизни. Золотая сѣтка покоя, въ которой онъ качался на солнцѣ, оздоравливала его душу и питала ее приливомъ новыхъ силъ. И вотъ онъ вставалъ, полный буйной энергіи и скопившихся силъ и съ жаждой ихъ истратить. Не было ни какого съ такимъ запасомъ жизнерадостности, съ такими острыми желаньями и необузданными порывами. Солнце зажигало въ немъ жизнь, и вотъ онъ какъ сумасшедшій бросается къ ногамъ Дагни, очарованный ею. Она удивлена: онъ слишкомъ не похожъ на чиннаго ея жениха, лейтенанта морского флота, не похожъ и на робкаго самоубійцу Карльсена.

Что касается Глана, то онъ не на время шелъ въ эти мѣста успокоенія и отрады, а ушелъ въ нихъ совсѣмъ. И сталъ почти дикимъ. Онъ отвыкъ разговаривать съ людьми, потому-что разговаривалъ только съ Эзопомъ или самъ съ собой. А между тѣмъ натура его, которую давилъ и обезсиливалъ человѣческой душный хаосъ, здѣсь распрямлялась, высвобождалась, возвращала свои силы. Крѣпли мускулы, спокойной и ясной стала душа, а взглядъ глазъ сдѣлался острымъ, звѣринымъ, пристально-зоркимъ. Какую легкость успокоенія душевнаго, какую свѣжесть впечатлительности нужно было имѣть, чтобы съ такой дѣтской радостью совершенно наполняться каждой частичкой жизни морской или лѣсной, чтобы такъ отдаваться сполна внѣшнимъ впечатлѣніемъ, не закрывая радость ихъ никакой тѣнью заботъ, думъ, неволи и тяготы душевной. Каждый новый фактъ окру-

жающей жизни—будь то морской утесъ, окутанный бушующими волнами, зеленая гусеница на листѣ или жучокъ съ жемчужной спинкой—является единственнымъ на полѣ его зрѣнія, на фонѣ ясной пантеистически настроенной души. Онъ этимъ только живетъ, и это значительно, какъ частичка совершающейся міровой поэмы, отдающей густымъ и влажнымъ ароматомъ хвойнаго лѣса и звучащей прибоемъ моря у береговъ. Онъ самъ затерялся въ движеніи этой поэмы и на какомъ-то колоссальномъ фонѣ видитъ и самого себя. Но только до времени пребывала его душа въ спокойномъ и свѣжемъ созерцаніи. Въ тѣлѣ его дремали стихійныя силы, о которыхъ онъ забывалъ. И вотъ плеснула волна въ его хижину и выплеснула въ нее Эдварду. А отливъ унесъ съ собой и Глана. Здѣсь уже созерцать самого себя въ движеніи страсти не хватило силъ; страсть поглотила созерцаніе.

А какъ глубоко былъ покой! Онъ окутывалъ всю избушку Глана мягкимъ и темнымъ покровомъ; безъ всякой ноши на спинѣ привыкъ онъ бродить между стволами, „вдыхать запахъ корней и листвы, жирныя испаренія сосенъ, напоминающія запахъ мозга“... „Только въ лѣсу успокаивалось все внутри меня, моя душа приходила въ равновѣсіе и наполнялась мощью. Я бродилъ день за днемъ въ горахъ въ сопровожденіи Эзопа, и ничего больше не желалъ, какъ только и дальше бродить день за днемъ“.

А вечеромъ—въ хижинѣ уютъ, огонь очага, ужинъ изъ здѣсь же зажаренной дичи, болтовня съ Эзопомъ, мирная трубка... Потомъ, прислушиваясь къ глухому шуму вѣтра въ лѣсу, Гланъ засыпаетъ и просыпается только тогда, когда морскія чайки поднимаютъ свой крикъ...

Еще немного сгустить этотъ острый напитокъ свѣжаго очарованія природы и безвозвратно захмелѣетъ душа пустытника отъ золотого солнечнаго вина, и погрузится сердце его въ свѣтлое безстрастіе, какъ сердца тѣхъ тихихъ старцевъ-пустынножителей, что пребывали внѣ добра и зла, въ ясной стихіи мистическаго міроощущенія. Этого опьяненія хотѣлъ и Гланъ, и порой онъ забывался до потери сознанія и прошлаго, и настоящаго; онъ въ высшей степени былъ склоненъ къ мгновенному и полному опьяненію, и что только не вовлекало его въ эту блаженную полноту! Достаточно было грохота волнъ близъ утеса, прогнившей вѣтки у его ногъ или свѣтлой желѣзной ночи, чтобы онъ пришелъ въ экстазъ и потонулъ въ немъ. Словно приливъ шумныхъ волнъ подхватывалъ его и уносилъ и опьянялъ движеніемъ, качаніемъ, грохотомъ и брызгами. Тогда онъ, очарованный этимъ забвеніемъ, этимъ восторгомъ, который отрывалъ его „я“ отъ узенькаго однообразнаго центра его жизни, пѣлъ гимны мощному ощущенію Всего и живымъ частностямъ, говорящимъ обо Всемъ. Но это были лишь отдѣльные прорывы въ царство опьяненія,

а не замкнутость въ немъ. Какъ брызги нахлынувшего прибою опьяненіе „сливало“ съ него, исчезало изъ глазъ, уходило изъ сердца. И снова изъ какой-то свободной безграничности возвращался онъ къ своему центру, опять входилъ въ свое „я“ и снова оказывался въ немъ незащищеннымъ отъ тревогъ и метаній. И его „звѣринный взглядъ“ могъ выражать и чувство растерянности, и горячую тоску любви.

Какъ рыба, выброшенная на берегъ, появился онъ опять среди людей. Тамъ, въ лѣсу, съ ружьемъ за плечами, или у берега моря, или на лодкѣ среди волнъ—онъ былъ сильнымъ, гибкимъ и граціознымъ охотникомъ. А въ маленькомъ кружкѣ обитателей мѣстечка Сирилунда онъ утратилъ свою дикую граціозность и сталъ неловкимъ, стыдящимся своего костюма и своихъ движеній. Постепенно, отойдя отъ своего лѣсного безоблачнаго одиночества, онъ терялъ и силу, и свѣжесть души, и устойчивость жизни, и прелесть переживаній. Это было его болѣзнью—его любовь къ Эдвардѣ, вовлекшая его въ „человѣческое“, гдѣ ему нечѣмъ было дышать. Въ странномъ душномъ снѣ пробылъ онъ довольно долго и, казалось, забылъ, какъ сладокъ воздухъ лѣсныхъ чащъ, какъ привольно отдавать свою душу простору пустынь, какъ снимаетъ съ человѣка бремя его „я“ таинственная жизнь природы. И случайно, прорвавши паутину своей духоты и возвратившись къ горамъ у моря, онъ славить лѣсъ и дыханье природы...

„Мой милый лѣсъ, мое жилище, Божья благодать, я скажу тебѣ отъ полноты моего сердца... Нѣжные вѣтры чуть слышно вѣютъ мнѣ въ лицо. Благословенны будьте вы,—говорю я вѣтрамъ,—за то, что вы вѣете мнѣ въ лицо“...

Окутанный новымъ для него покоемъ, вкусивъ снова густого хмеля покоя и отрады въ природѣ, Гланъ засыпаетъ у моря чуткимъ сномъ, въ то время какъ закатъ развиваетъ надъ моремъ по склону неба красныя знамена и дрожить на зыби. Во снѣ его далеко уноситъ отъ человѣческаго, невѣдомый ручей увлекаетъ его къ дѣвственнымъ мѣстамъ дикой природы, которой близка его душа. И тамъ къ нему оздоровленному, воскрешающему прокрадывается чуть слышно гибкая и вкрадчивая Изелина, и во снѣ онъ чувствуетъ ея поцѣлуй на своихъ губахъ. Это символъ его воскрешенія, его возврата къ природѣ. „Изелина“...—говоритъ онъ.—„И что-то шуршитъ въ травѣ, словно крадушіеся шаги“.

И засыпая снова, онъ грезитъ легендами объ Изелинѣ, и весенній вѣтеръ кружитъ ему голову. А когда онъ проснулся, ясный и добрый старый Панъ послалъ ему навстрѣчу Еву, тихую дѣвушку, которая не мучитъ сердца Глана жестокой игрой, но просто предается всѣмъ его желаньямъ. Еву, а не Эдварду послалъ навстрѣчу Глана

Панъ, ибо Эдварда возмущаетъ это мирное царство, вносить въ него горячій и отравленный вихрь. А Ева проста, какъ влага и солнце.

II.

П а н ь.

Гамсунъ—странный норвежець; у него одного, изъ всѣхъ художниковъ Скандинавіи, природа совершенно не имѣетъ того суроваго, пустынно-меланхолическаго характера, какой привыкли мы встрѣчать у писателей сѣвера. Рисуетъ онъ тѣ же низкіе песчаные или скалистые берега тусклаго, холодно-безкрасочнаго моря, тотъ же однообразный хвойный лѣсъ, тѣ же дни, скудные огнемъ и солнцемъ, бѣдные, дождливые, затѣненные дни, способные питать угрюмую меланхолю въ терпѣливой, угасающей безъ жизни человѣческой душѣ. Но на бѣдномъ этомъ сѣверномъ фонѣ звучитъ у него какая-то совершенно восточная музыка чувствъ, хаоса переживаній. Чудомъ выросъ на этой скудной и суровой сѣверной землѣ, гдѣ все затаивается въ себѣ, угрюмо замыкается и дремлетъ въ смутныхъ грезахъ, какъ гейневская сосна подъ бѣлымъ покрываломъ снѣга, чудомъ выросъ и созрѣлъ здѣсь духъ Гамсуна, явившаго собой какой-то мятежный протестъ противъ угрюмости, покорности и молчаливой меланхолии. Въ душѣ его возникъ инструментъ, дающій совершенно иные—горячіе, страстные, южные звуки жизни. Вблизи сѣвернаго моря, подъ тусклымъ свинцовымъ небомъ, погребаяющимъ землю въ бѣлыхъ снѣжныхъ саванахъ, внезапно расширилась и страстно напряглась энергія молодой жизни вольнаго художника. Оттуда, изъ норвежскихъ лѣсовъ и голыхъ скалъ зазвучалъ несслыханный гимнъ любви, гимнъ опьяненному и изступленному Діонису. Какой-то кипящій гейзеръ растапливалъ тамъ льды и снѣга,—гейзеръ, бьющій на-вѣки. И тамъ же, среди сѣверныхъ хвой поэтъ увидѣлъ весной на зазеленѣвшемъ деревѣ стараго, толстаго, хитраго Пана, отъ тихаго смѣха котораго дрожало дерево отъ корней до верхушки. Власть Діониса и власть Пана Гамсунъ утвердилъ и на далекомъ сѣверѣ: и тамъ горитъ жадный золотой огонь Эроса, и тамъ юная жизнь въ юномъ тѣлѣ освобождается отъ тяжести грубыхъ покрововъ существованія и цвѣтетъ прямо подъ солнцемъ радостью желаній и вождельній.

Болѣзненные страстные ноты жажды жизненной не разъ уже взвивались въ холодный воздухъ Скандинавіи и замирали въ его пустынныхъ просторахъ. Ноты эти слышны у Германа Банга, какъ-то